

ПИОНЕР 2

ФЕВРАЛЬ ● 1975 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Издательство «Правда»
Москва 1975 г.

Герой Советского Союза
В. А. БОРИСОВ,

На страже

23 февраля у Советской Армии день рождения. В этом году ей исполняется пятьдесят семь лет.

Наша страна никогда не хотела воевать, но почти тридцать лет пришлось нашим солдатам провести в боях и походах.

После революции капиталисты четырнадцати стран напали на молодое Советское государство. Вот тогда-то и родилась наша армия. В. И. Ленин и большевики обратились ко всему народу: «Социалистическое отечество в опасности! Все, кому дорога Октябрьская революция, вступайте добровольцами в Рабоче-Крестьянскую Армию!» И наша армия защитила пер-

Василий Александрович Борисов — полярный летчик. Во время Великой Отечественной войны он летал на бомбардировщиках дальнего действия. Больше трехсот вылетов он совершил. Вот рассказ об одном из них.

...Шел второй год войны. Полк авиации дальнего действия, в котором служил Василий Александрович, стоял под Москвой. Время было тяжелое. Фашистов от Москвы отогнали, но фашистские самолеты продолжали бомбить столицу, сбрасывали бомбы на больницы, школы, детские сады...

Август 1942 года. Однажды полк построили по тревоге: летчики получили боевое задание лететь на Берлин.

И вот с аэродрома под Старой Руссой вылетели 25 самолетов. Один из них вел Василий Александрович Борисов. Летели в полной темноте, без связи с землей, по приборам.

Фашисты не могли ожидать столь дерзкого и смелого нападения, в Берлине даже не было светомаскировки.

Летчики перед полетом хорошо изучили карту Берлина и сразу направились к военным заводам. Бомбы одна за другой попадают точно в цель. Фашисты всполошились, открыли огонь из зениток. Заметались по небу лучи прожекторов.

Гитлер ждал вестей о победе над Москвой, а Москва дала о себе знать здесь, в Берлине.

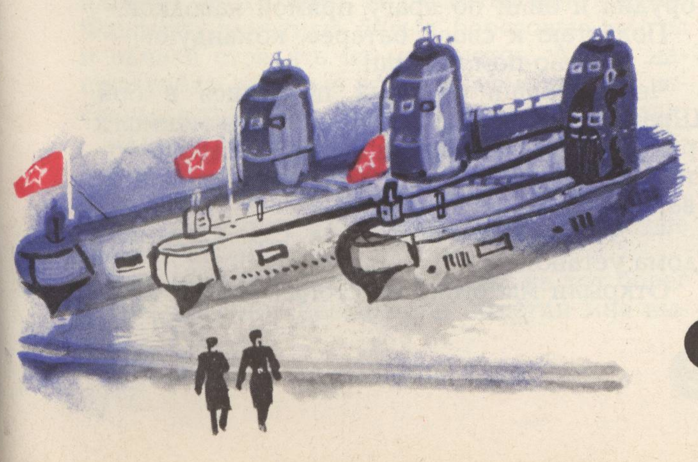
За этот полет Василий Александрович Борисов награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза.

мира

вое в мире социалистическое государство.

Выстояла Советская Армия и в Великой Отечественной войне, когда на нас вероломно напали гитлеровцы. Она освободила весь мир от фашизма.

И в гражданскую и в Великую Отечественную войны нападали на нас сильные враги.

Почему победила наша армия в тяжелых войнах? Потому что наша армия — народная, она неотделима от народа. Больше всего она любит свою Родину и не жалеет сил для защиты великого дела Ленина, Коммунистической партии.

Наша армия никогда не поднимает оружия первой, но, вооруженная самой новой, самой могучей боевой техникой, она стоит на страже нашего социалистического государства, всего того, что завоевано революцией.

Советская Армия охраняет мир во всем мире.

«Пионер» получил донесения из Волоколамской средней школы № 1

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

«ГА-ЛО-О-ПОМ... МАРШ!»

Рассказ своего дедушки Петра Никитьевича Журавлева записала Наташа Карнаухова.

Название деревеньки я забыл. Ничем она не примечательна. Домов с полсотни — одна улица, кривобокая, в колдобинах. За деревней — стога сена. Речушка между ними вьется, берега крутые, высокие...

В самом начале войны наша 339-я Ростовская дивизия шла через эту деревушку к Ростову-на-Дону. Оттуда, от города, доносилась канонада боя...

Стали мы к речке спускаться, хотели перейти ее вброд, вдруг с того берега из стогов фашисты открыли огонь. Такой сильный, что головы не поднять. Вызывает меня командир дивизиона (я батареей командовал) и говорит:

— Попробуй, Журавлев, отвлечь фашистов. Вылазку сделай...

Вылазку мы как делали? К лошадям прицепляли легкие пушки, на полном скаку подлетали близко к противнику, разворачивали орудия и били по врагу прямой наводкой.

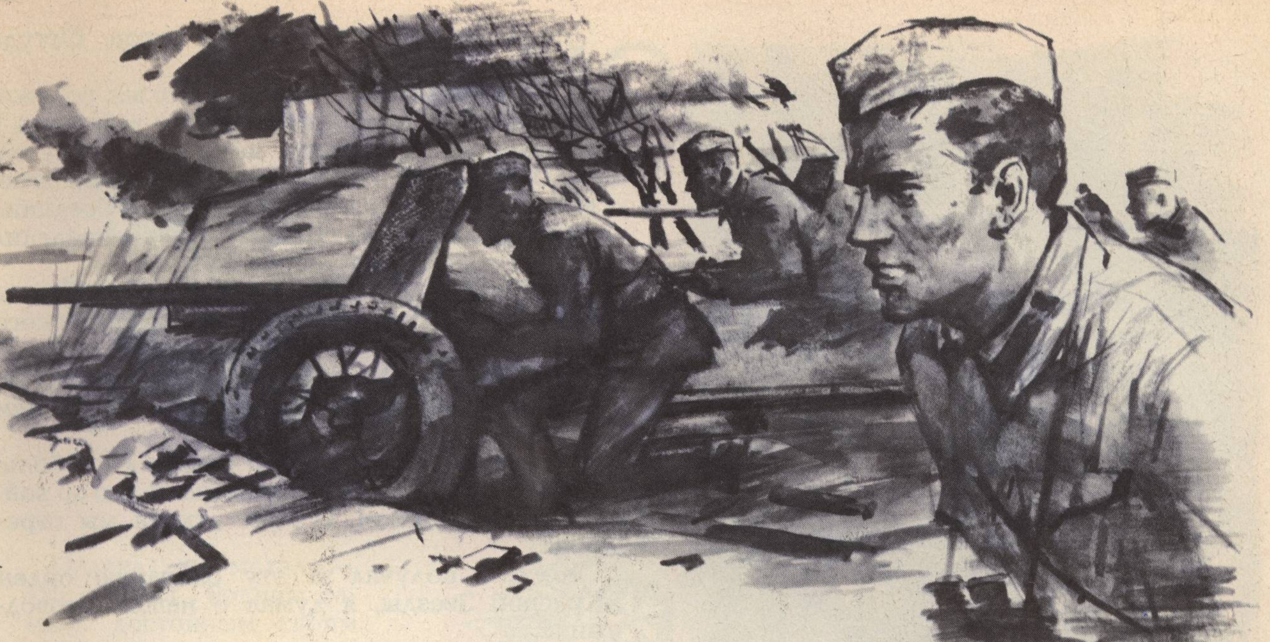
Подбегаю к своей батарее, командую:

— Га-ло-о-пом... марш!

Четыре наши упряжки понеслись в бой. Шрапнель рвется, пули свистят, мы мчимся к реке. У берега лошадей осадили. Видим: хата стоит разбитая, сад огромный. Приказываю:

— Лошадей в укрытие, в сад. Орудия у дома установить!

Открыли мы огонь по стогам сена, в кото-

рых гитлеровцы укрылись. Два сразу зажгли, потом третий. Фашисты не ждали нас. Растерялись. Нам это и нужно было. Вслед за нами пехота смогла пойти в наступление. Начала переправляться через реку наша 339-я Ростовская дивизия.

За эту операцию я получил орден Отечественной войны II степени.

«ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...»

Саша Эйдинов рассказывает о медали Петра Васильевича Алехина. Петр Васильевич помогал ребятам проводить в школе «Зарницу», и они подружились.

Готовилась переправа через Западную Двину. Наш десант на противоположном вражеском берегу занял крошечный плацдарм. Выстроил нас ротный и говорит:

— Нужно наладить связь с тем берегом. Добровольцы есть?

Я и еще пять человек сделали шаг вперед.

Мы сколотили березовые плотики, положили на них катушки с кабелем, а сами бросились вплавь. Вода в реке холодная, бурая. Мы плывем за плотами и разматываем кабель. Фашисты заметили белые березовые плоты и начали стрелять из минометов. Двоих наших ребят, которые впереди меня плыли, настигла мина. Они погибли на наших глазах.

Вдруг кабель, который я разматывал, пулей перебило. Пришлось мне снова вернуться на берег за новой катушкой с кабелем. А вокруг вода кипит от взрывов, несет березовые щепки от разбитых плотов.

Взял я кабель и снова поплыл на тот берег к десантникам. Десантники помогли мне вытащить плот. С двумя своими товарищами, которые остались в живых, мы наладили связь и поплыли в обратный путь.

Как я добрался до нашего берега, почти не помню. Вынырнул у кустов, держусь за ветки руками и подняться не могу. А листья на кустах рыжие, оранжевые, шоколадные.... Как будто в первый раз я их увидел. Осень наступила своим чередом, а мы ее и не заметили.

Вскоре после этой операции мне вручили медаль «За боевые заслуги».

ПРОВОДНИК

Об ордене своего отца Виктора Николаевича Уварова рассказывает Лена.

Местечко Вороклани недалеко от Риги. Зимой сорок четвертого здесь на высотах укрепились гитлеровцы. Наш полк нес огромные потери, а вперед продвинуться не удавалось.

Командир дивизии отдал приказ: зайти фашистам в тыл и оттуда попробовать выбить их с высот. Мы оставили тяжелые пушки, взяли с собой гранаты, автоматы и минометы.

Обойти высоты можно было только по болоту. Мы медленно пробирались вперед в полной темноте. Наш проводник, латыш, осторожно нащупывал длинным шестом дорогу.

Но тут на небе появилась луна, ярко осветила тропинку и наш полк, и сразу же вокруг нас начали рваться снаряды. Раненых много было. Мы расчистили площадки от снега, перенесли туда раненых, оставили с ними санитаров и солдат для охраны.

Целую ночь продолжался этот тяжелый переход. На рассвете мы увидели гитлеровские траншеи. Латыш подошел ко мне, я был командиром минометной роты, и говорит:

ВСЕСОЮЗНЫЙ СБОР-ПОИСК «ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ»

— Недалеко разрушенный хутор. Оттуда хорошо стрелять.

Под огнем фашистских орудий мы побежали к хутору. Двое наших солдат забрались с минометами на крышу дома, остальные залегли внизу. Я быстро начал наносить огневые точки противника на карту. Соединил их карандашом, наложил угломер, определил прицел и дал команду:

— Прицел 23/40. Первый расчет... Огонь! Мина разорвалась у самой щели вражеского дота.

Скоро одна за другой умолкли все вражеские пушки. Хорошее место показал нам проводник.

Высоты мы взяли. А его самого я так больше и не видел. Потом мне сказали, что до войны он жил в том хуторе, откуда мы стреляли.

Когда я получал за эту операцию орден Красной Звезды, я думал о нашем проводнике.

ВСЕМ, КТО УЧАСТВУЕТ ВО ВСЕСОЮЗНОМ СБОРЕ-ПОИСКЕ «ОРДЕН В ТВОЕМ ДОМЕ», ДАЕТ ЗАДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР.

В Музее Вооруженных Сил хранится пробитый осколком вражеского снаряда орден Отечественной войны I степени. В феврале 1945 года этим орденом был награжден рядовой 13-го гвардейского стрелкового полка Александр Клещуков. За участие в прорыве сильно укрепленной обороны врага в Восточной Пруссии.

Сапер Саша Клещуков обезвредил тысячи вражеских мин. Он освобождал Крым, Белоруссию, Прибалтику. Был награжден орденами Славы II и III степени, медалью «За боевые заслуги».

О своих наградах он говорить не любил. Боевой друг Саши рядовой Трофимов вспоминает: «Спросишь его: «За что тебя, Саша, наградили?», он посмотрит и скажет: «А вот пойдем сегодня на передовую, по пути расскажу».

15 марта 1945 года под сильным минометным и артиллерийским огнем фашистов Клещуков делал проходы в проволочных заграждениях, обезвреживал мины. В эти проходы шли в атаку наши воины. Вместе с ними в первых рядах был сапер Александр Клещуков.

Он был убит во время атаки осколком вражеского снаряда. Осколок пробил грудь героя. В том месте, где он носил орден Отечественной войны I степени.

Вот все, что известно об Александре Клещукове. В музее нет даже его фотографии. Разыщите, ребята, родных, однополчан и знакомых героя войны. Пришлите нам материалы о нем.

Расскажите, как в вашей семье хранят память о тех, кто не вернулся с войны.

НОВЫЕ НАГРАДЫ РОДИНЫ

Ордена и медали — это награда Родины самым достойным своим сынам. Ты знаешь много славных боевых орденов. Орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Красной Звезды. Накануне 30-летия Победы советского народа над фашизмом Президиум Верховного Совета СССР учредил новый орден — «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» I, II и III степени.

Новым орденом награждают воинов, которые проявили отвагу и самоотверженность при выполнении служебного долга, выполнили особо важное поручение командира.

И еще одну новую награду учредил Президиум Верховного Совета СССР. Медаль «За отличие в воинской службе» I и II степени. Это награда для воинов, отлично проявивших себя на маневрах, учениях, на боевом дежурстве, за отвагу и самоотверженность во время службы в армии.

Служба в армии — это большая ответственность. Армия требует от солдат дисциплины, личной инициативы, самоотверженности и храбрости. Подвиги совершают не только на войне. Солдат, служащий в армии, даже в мирное время всегда на боевом посту. Лучших из лучших будут награждать новыми орденами и медалями.

С такой наградой на кителе, возможно, вернется скоро из армии твой старший брат. Ордена и медали — это память о подвигах. Подвигах, которые совершают советские воины.

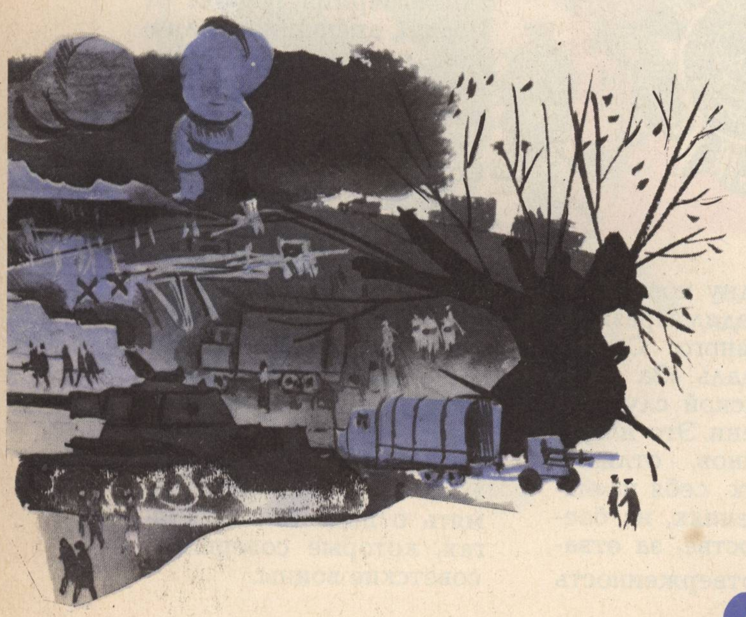

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ
В «ПИОНЕРЕ»

«От Вальи»

В. СЕРЕДИНСКИЙ

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Валька подполз к плетню и осторожно заглянул в огород. Увидел перекопанные серые грядки с остатками пожухлой картофельной ботвы, редкие синие стрелки перестоявшего лука. Только в дальнем углу под приземистой яблоней густо кудрявилась ярко-зеленая поросль — морковь!..

Огляделся вокруг. Никого... Ох, попадусь сейчас!.. Перелез через ограду и, крадучись, пробрался к грядке, выдернул маленькую, с палец, бледно-желтую морковинку. Кое-как стряхнул песок и торопливо сунул ее в рот. Сладкая, чуть прихваченная первыми заморозками, она показалась необыкновенно вкусной. Быстро стал выдергивать одну морковинку за другой.

Вдруг упругий удар обрушился на голову Вальки. По лбу и глазам хлестнула жгучая боль. Мальчик повалился на землю, выпустил из рук жалкие корешки.

— Воровать, гаденыш?! Я те поворую!

Перекатываясь под градом ударов, Валька на мгновение открыл глаза — староста колотил его метлой, целясь в лицо.

Наконец метла не выдержала, прутья брызнули в разные стороны. Староста стал пинать его ногами.

И вдруг все прекратилось. Что-то тяжелое шлепнулось рядом с Валькой. Раздался спокойный, чуть насмешливый голос:

— Молодец против овец. Так, кажется, говорят твои соотечественники?

Мальчик поднял голову. Над ним стоял стройный немецкий офицер в щеголеватом кителе с серебряными погонами. У ног его лежал староста, испуганно моргая и размазывая по лицу кровь.

— За что бьешь ребенка, скотина?— Офицер брезгливо вытирал руки белым платком.

— Так воровал же, пан офицер. Ну я маненечко и проучил.

— Молчи! Встань, мальчик.

Валька с трудом поднялся.

— Подойди ко мне. Поближе, поближе, да не бойся. Кто ты такой, откуда?

— Я школьник. Из Сталинграда. Маму ищу.

— Из Сталинграда? Интересно. Давно оттуда?

— Позавчера только...

— Очень хорошо! Пойдем-ка со мной.

— Дядя, я больше не буду! Очень кушать хотелось. Думал, бросили морковку, ведь все равно пропадет...

— Ну, оставь. Я не об этом. Пошли. Хотя подожди. Эй, ты,— повернулся офицер к старосте.

Тот вскочил и, втянув голову в плечи, подошел. Офицер не спеша поднял руку, звонко ударил его по одной, потом по другой щеке.

— Слушаюсь, — испуганно ответил староста.

Немец снова вытер руки, скомкал платок и бросил его старосте в лицо.

— Виноват...

— Эй, ты,— повернулся офицер к старосте.

— Болван!.. Пойдем, мальчик.

Офицер привел Вальку в аккуратный домик со свежеокрашенными ставнями. В чистенькой горнице, устланной войлочной кошмой, стоял алюминиевый складной столик, накрытый цветной бумажной скатертью. На комоде в строгом порядке стояли круглое зеркальце, какие-то флакончики с металлическими пробками. На подоконнике — несколько книг. В углу — два больших чемодана, похожих на сундуки. Пахло сигарами, одеколоном, новой кожей.

— Пауль! — крикнул офицер.

Из соседней комнаты выскочил здоровенный детина в зеленоватом мундире, перетянутом черным ремнем с белой пряжкой. С треском сдвинул он каблуки, вытянул руки по швам, вздернул вверх подбородок.

«Как Швейк в кино», — подумал Валька.

— Den Knaben waschen, umziehen und hierher führen! [1].

— Jawohl, Herr Hauptmann [2].

— Иди с солдатом, умоешься, переоденешься и вернешься. Тогда поговорим. Тебя как зовут?

— Валя.

— Очень хорошо. Ступай, Валя.

Солдат резко толкнул мальчика к двери и, как ужаленный, дернулся от крика капитана:

— Gut behandeln! Ich brauche ihn [3].

Солдат отвел Вальку в стоявшую на задах огорода закопченную, сохранявшую остатки тепла баньку, молча сунул в руку кусочек серого мыла, жестом показал на вделанную в печь железную бочку, буркнул:

— Wasch dich! [4], — и вышел.

Валька остался один. Неожиданное заступничество и заботливость гитлеровского офицера озадачили его. «Неужели и среди них есть хорошие люди? — думал он. — Наверно же, не все такие, как на карикатурах. От старосты защитил и на солдата накричал. Может, он за Тельмана, а не за Гитлера...» Эта мысль ободрила Вальку. Повеселев, разделся, набрал в тазик тепловатой воды, стал мыться.

Вошел солдат. Бросил на лавку узелок, завязанный в рваную простыню. Вынул из него новое льняное полотенце с кружевами и яркой вышивкой. Присмотрелся к полотну, пощупал, зачем-то понюхал. Сунул за пазуху. Развязал узелок, бросил Вальке простыню, охапку одежды. Швырнул ногой Валькины пожитки в угол:

— Zeihe dich an! Schnell! [5].

Валька надел длинную, почти до пят мужскую сорочку, широченные заштопанные, но чистые трусы. Серая рубашка, куртка и штаны из грубого темного сукна пришлись впору. Особенно понравились ладные крепкие юфтевые сапожки. «Откуда это?» Но послышался каркающий голос Пауля:

— Komm mit! Schnell! [1]

В комнате офицера на столе шипела сковорода — яичница с салом! И тут же кувшин молока, горка белого хлеба, нарезанного щедрыми ломтями, дымилась чашка кофе.

— Садись, — улыбнулся офицер. — Поешь... Это получше морковки... Да не смущайся, я пошутил.

Валька несмело сел к столу. Протянул руку к хлебу, взял кусок поменьше...

— Не робей, Валентин! — Офицер сам положил на тарелку яичницу, пододвинул к мальчику.

Сдерживаясь изо всех сил, Валька подчеркнуто не спеша взял вилку, нож и принялся за еду. Съел кусок, другой и невольно опустил руку. Почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Резануло желудок, отвыкший от жирной пищи. С трудом проглотил чашку кофе. Встал. Вспомнил, как учили благодарить на уроках немецкого:

— Данке шон.

— Битте зер, — в тон ему ответил офицер и улыбнулся. — О, ты владеешь нашим языком?

— Да нет. Просто в школе проходили.

— Что все же знаешь по-немецки?

— Позабыл за каникулы многое. Потом бомбежка...

— Но все же?

— Спряжение немного. Ну, стихотворение еще про... — Валька замялся.

— Про что? Что же ты замолчал?

— Про пионеров.

— Очень любопытно. Прочти-ка.

Валька заколебался, но, вспомнив свои мысли о разных немцах, решился:

— Ich bin ein junger Pionier,
Und unsere Fahne ist rot... [1].

Офицер усмехнулся:

— Довольно. Бедный мальчик. Как тебе заморочили голову. Но это не вина твоя, а беда. Впрочем, потом об этом. Расскажи-ка лучше о себе.

Валька коротко рассказал о том, как началась бомбежка, как его завалило в пещере, как он спасся, искал мать...

Капитан слушал, не перебивая, сочувственно качал головой.

— А отец где?

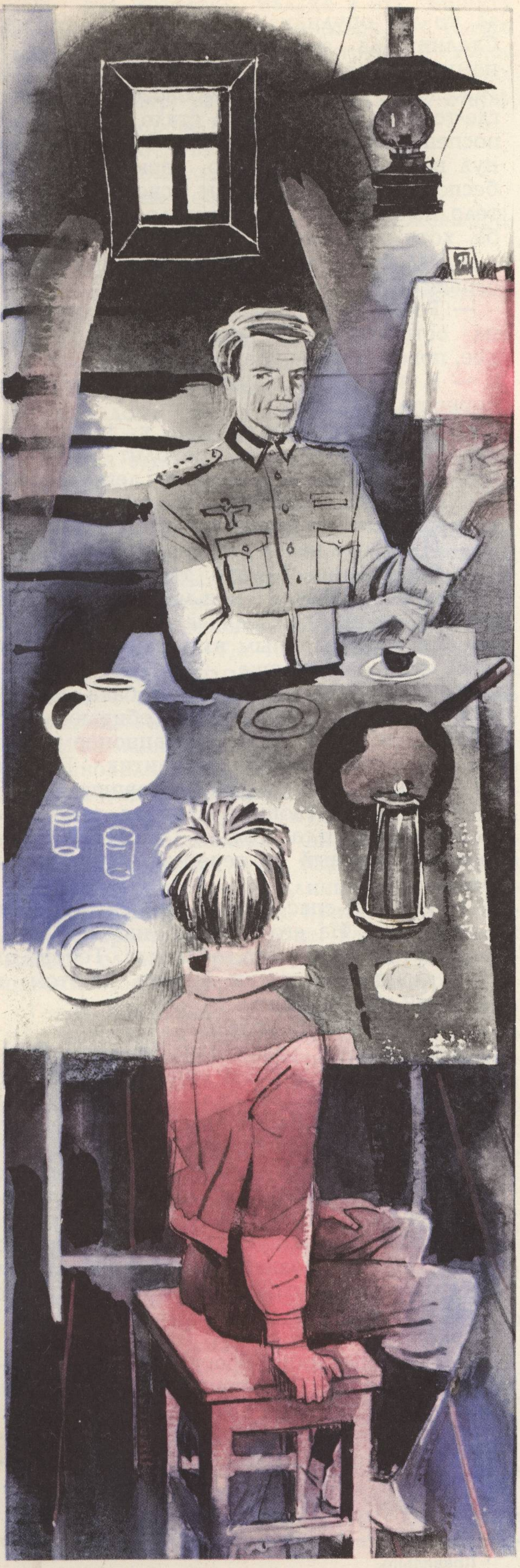
— Ушел, — уклончиво ответил мальчик, не решаясь сказать, что отец на фронте.

— Бросил семью? Ну, как у вас говорят, скатертью дорога. Мать, значит, учительница? Чувствуется, что ты из интеллигентной семьи... Как думаешь жить дальше?

---

[1] Вымыть мальчишку, переодеть и привести сюда.
[2] Есть, господин капитан.
[3] Обращаться хорошо! Он мне нужен.
[4] Мойся!
[5] Одевайся! Быстро!

[1] Пошли! Быстро!
[2] Я юный пионер,
И наше знамя красное...

— Поешь,— улыбнулся офицер.— Это получше морковки...

— Я не знаю... Маму буду искать.

— Правильно. А я тебе помогу. Съездим на спецпункты, посмотрим списки беженцев из Сталинграда.

— Спасибо. Только я вам ничего такого не сделал, чтобы вы из-за меня беспокоились.

— Эх, ты, глупый! Вернуть матери ребенка, а ребенку мать — разве для этого не стоит отложить все свои дела? А отблагодарить меня, если уж тебе так хочется, сможешь, когда приедем в Сталинград. Через несколько дней бои закончатся. Будешь моим гидом... ну, проводником. Кстати, когда ходил по городу, наверное, заметил, где стоят пушки, танки, где много войск?

— Нет, нет, дядя, я, знаете, я ничего такого...

— Не бойся, дурачок. Подумал, наверное, что выпытывать у тебя начну, в шпионы вербовать? Не видел — не надо. А если и видел что — забудь! Военную тайну выдавать нехорошо. Хотя, впрочем, сейчас это уж бесполезно. Город обречен. И я полагаю, разумнее было бы его гарнизону капитулировать. Зачем лишние жертвы в последние дни войны?

— А разве война кончается?

— Конечно! Сталинград — последний рубеж. И он уже, собственно, взят. Для твоего народа начнется иная жизнь. Люди приобщатся к новому порядку, передовой европейской культуре, высшей цивилизации. Естественно, только те, кто будет с нами. Такие, как твоя мать, ты и другие интеллигентные люди, способные понять, за что и против чего мы воевали. А такие тупые свиньи, как, скажем, староста, нам не нужны... Ты побываешь в великой Германии, своими глазами увидишь мир волшебной сказки. Вот смотри.

Офицер вынул из чемодана изящный альбом с бронзовыми застежками. С ярких цветных фотографий, каких Вальке еще не доводилось и видеть, смотрели действительно сказочные, словно игрушечные, утопающие в зелени домики. Перед ними на изумрудных лужайках били фонтанчики в радужных ореолах. Под окнами — маленькие гроты из ракушек, фигурки добродушных гномов с длинными седыми бородами. И дети, много детей. Все ухоженные, чистенькие, с кукольными фарфоровыми личиками.

— Вот так живут наши дети. Это и есть счастливое детство, а не то, что тебе вбивали в голову: «Будь готов! Всегда готов!» А к чему готов? К борьбе за коммунистические идеалы! Это ребенок-то? — Офицер покачал головой, сокрушенно вздохнул.

— Дядя, откуда вы про все это знаете? И по-русски говорите, как наш...

— Видишь ли, Валя, я почти все детство провел в России. В Ленинграде. Отец мой служил в торгпредстве. Несколько лет я учился в русской школе. Кстати, меня там звали Геной. По-немецки-то мое имя звучит Генрих... Генрих Фогельзанг, к твоим услугам.— Он улыбнулся.— Можешь меня называть дядей Геной... После университета — работа...— Тут он сделал короткую паузу.— Ну, словом, тоже по русскому профилю. Короче, я неплохо знаю и, поверь, люблю Россию. Но не ту, что была, а ту, которая будет!

...За окнами сгущались сумерки. Постучавшись, в комнату вошел Пауль. Убрал грязную посуду, принес помятый, но ярко начищенный медный самовар, поставил миску нарезанного кусками сотового меда, блюдечко с комком свежего масла, горку ноздреватых блинов на тарелке. Зажег едко пахнувший карбидом светильник, завесил окна шторками из черной бумаги и вышел.

Офицер так радушно угощал Вальку, что на этот раз тот наелся до отвала.

Хлопнула дверь. В комнату шумно ввалился огромный немец в таком же, как у Генриха, кителе с железным крестом и еще какими-то орденами на груди. Увидев мальчика, поморщился, недоуменно спросил:

— Was für ein Lumpenpack ist es?

— Ein Flüchtling aus Stalingrad.

— Wozu brauchst du ihn?

— Ich habe, Willi, etwas mit ihm vor. Erzähle später... Paul, veranlasse den Posten, der Knabe soll den Hof nicht verlassen[1].

— Иди спать, Валя.

— Спасибо вам большое! Спокойной ночи, дядя Гена.

— Спокойной ночи.

Валька вышел на кухню. Старик, видно, хозяин дома, кинул на стоявший у печи сундук рваное одеяло, какую-то дерюжку, хмуро буркнул:

— Ложись.

Оглядел жалкую фигурку мальчика, подумал минутку, принес подушку в пестрой ситцевой наволочке, бросил в изголовье.

— Спасибо, дедушка.

— Спасибо,— вполголоса передразнил старик.— Дедушка! Ишь, внучек выискался! Дрыхни, и без никаких...

«Чего это он взъелся,— подумал Валька,— что я ему плохого сделал?» Чтобы не слушать сердитого ворчания хозяина, он вышел во двор.

Ночь опустилась на землю. По низкому, чуть сереющему небу медленно ползли черные тучи, роняя редкие холодные капли. Вдалеке глухо погромыхивало — то ли гроза, то ли орудийная канонада. В стороне Сталинграда тревожно мерцало зарево. К нему тянулся прерывистый натужный гул тяжело груженных бомбовозов, летящих где-то за тучами. Вальке стало страшно. Он поспешил в дом, забрался на сундук и натянул на голову пыльную дерюгу. Забылся беспокойным, тревожным сном. Его худое тело по временам вздрагивало, как от озноба, хотя от печи струился сухой жар.

А рядом, в соседней комнате, беседовали фашисты.

— Россию мы победили, но победить сердца оставшихся в живых гораздо труднее, поверь мне,— убеждал Генрих.

— К черту их сердца! Нам нужна покорность.

— Но пойми, Вилли, путь к покорности этих людей как раз и проходит через их сердца. Запомни: русского легче убить, чем покорить. Однако, если действовать тонко, можно добиться многого.

— И ты уже начал действовать?

— Вот именно. Кстати, ты напрасно иронизируешь! Русские весьма падки на ласку. Это очень благодарные люди. Видел бы ты, каким преданным взглядом смотрел на меня этот мальчишка. Из обласканного щенка вырастает преданная собака. Но это в перспективе. А пока я собираюсь использовать его в одном сенсационном деле.

— Ты неисправимый романтик, Генрих. Но именно за это ты мне и нравишься, хотя я не переношу твоих коллег из ведомства доктора Геббельса. Только смотри, чтобы твой подопытный не перерезал тебе ночью глотку.

— О нет. Я спас его от побоев, а может, и от увечья. На его глазах наказал обидчика. Одел, накормил, обласкал. Теперь он готов лизать мне пятки. Кстати, на этом и построен мой замысел.

— Что ж, желаю успеха.

Утром Вальку разбудили бесцеремонным пинком. Пауль жестом приказал: вставай! Мальчик вскочил, выбежал во двор, умылся у колодца, вытерся подолом нижней рубахи, вернулся на кухню.

По-прежнему хмурый хозяин, сердито гремя посудой и ворча что-то под нос, вывалил из чугуна на стол кучу мелкой картошки, бросил засохшую горбушку черного хлеба. Солдат, возившийся у печи, глянул через плечо, коротко заржал, одобрительно кивнул:

— Richtig[1].

Старик исподлобья бросил на солдата недобрый взгляд. Пробурчал что-то в усы. Принес на тарелке два соленых огурца, кусочек сала, кружку молока. Поставил перед мальчиком. Помягчевшим голосом сказал:

— Ешь.

---

[1] — Это еще что за образина?
— Беженец из Сталинграда.
— На что он тебе нужен?
— У меня, Вилли, есть на него некоторые виды. После расскажу... Пауль, скажи часовым, чтобы не выпускали мальчишку со двора.

[1] Правильно.

Ох, как хотелось Вальке в эту минуту встать из-за стола и отказаться от такого угощения. Но какой-то внутренний голос подсказывал, что делать этого не нужно. Узнает офицер, разразится скандал, старику может здорово влететь...

Наскоро поел, выпил молоко.

— Спасибо большое.

Старик лишь досадливо отмахнулся.

Вошел офицер, подтянутый, свежевыбритый.

— Доброе утро! Как спал?.. Позавтракал?

— Здравствуйте, дядя Гена. Спасибо, все в порядке.

— Поедешь со мной.

— На пункт? Маму искать?

— Дойдет и до этого очередь...

Около дома стояла небольшая машина с брезентовым верхом. Офицер показал Вальке на заднее сиденье, сам сел рядом с шофером. Поехали. Из глубины машины Валька почти не видел дороги. Спереди ее загораживали спины водителя и капитана, маленькие окошки по сторонам наполовину были закрыты ящиками с металлическими уголками, прочно прикрепленными к полу рупорами мощных громкоговорителей.

Ехали долго. Где-то останавливались. Офицер куда-то уходил. Возвращался. Снова куда-то ехали. Вальку растрясло, начало подташнивать. Он попросился на минутку выйти из машины.

Остановились. Валька вылез и невольно замер перед открывшейся зловещей картиной. Из края в край, куда хватало глаз, поле было заставлено широкими тупорылыми грузовиками под тентами, высокими штабными автобусами, длинными пятнистыми бронетранспортерами, приземистыми танками с крестами на броне. Радиаторы всех машин, словно стрелки компасов, были нацелены в одну сторону — на Сталинград.

Город всплывал за горизонтом широким грозным валом черного дыма, из которого время от времени медленно вытягивались к небу щупальца закрученного в спирали бурого марева. Мутно вспыхивали и плавно опадали протуберанцы могучих взрывов. Непрерывно бурлящий, приглушенный расстоянием гул плыл над степью. Мелко подрагивала под ногами земля.

— Это финал борьбы миров, — сказал офицер, подходя к мальчику.

Снова мчались по ухабистой дороге. Часа в два заехали в большое, забитое фашистскими войсками село. Офицер задержался здесь особенно долго.

К машине подошел юркий сухощавый солдат, с любопытством глядел на мальчика. Потом принес два алюминиевых котелка с гороховым супом и две крышки от них, наполненные рисовой кашей с кусочками мяса. Валька и водитель пообедали.

Вскоре вернулся чем-то рассерженный Фогельзанг. Его сопровождал пожилой ефрейтор в огромных дымчатых очках, с большим футляром красной кожи на широком ремне. Бережно поставив футляр в машину, ефрейтор вывел Вальку наружу, несколько раз повернул его, оглядел с головы до ног. Достал толстый карандаш с выдвигающимся, как у губной помады, стержнем, мазнул Вальку по бровям, протянув их чуть не до ушей, вытащил коробочку с белым порошком, густо напудрил Вальке лицо.

Потом все сели в машину. Некоторое время ехали молча.

Проскочили лесополосу, нырнули под железнодорожный мост и остановились. Капитан Фогельзанг и его спутники выбрались из автомобиля.

Вдруг совсем рядом оглушительно ахнул орудийный выстрел. Резким звоном ударило в уши. Колыхнулась земля.

Валька присел от неожиданности, невольно ухватился за руку стоявшего рядом офицера. Тот улыбнулся:

— Все в порядке. Батарея ведет огонь. Смотри: сейчас выстрелит второе орудие.

Грянуло другое орудие, стоявшее неподалеку от первого. Мальчик сразу и не заметил его за крыльями натянутой над ним маскировочной сети.

У пушек засуетились солдаты.

Капитан подошел к офицеру-артиллеристу и долго разговаривал с ним, объясняя что-то и показывая рукой на Вальку и ефрейтора, который вытащил из футляра киносъемочный аппарат. Наконец артиллерист понял, что от него хотят, согласно кивнул, выкрикнул несколько команд.

Расчет ближнего орудия быстро выстроился в одну шеренгу и замер. Ефрейтор прицелился в него аппаратом, чуть подался вправо, потом влево, присел, встал, отбежал назад, снова опустился на корточки.

Подбежал к солдатам, стал им что-то втолковывать, оживленно жестикулируя. Подозвал Вальку, освежил подрисованные брови, махнул пуховкой по лицу, быстро заговорил. Валька непонимающе пожал плечами. Подошел Фогельзанг.

— Слушай внимательно. Тебе придется сыграть маленькую роль. Сейчас солдаты зарядят орудие, а ты дернешь за спусковой шнур. Не бойся. Держись естественнее, свободней. Дело пустячное! Ты парень толковый. Постарайся, не огорчай меня. Иди-ка сюда...

Офицер подвел Вальку к лотку, на котором отливала синевой зловещая туша снаряда, и размашисто написал мелом на корпусе: «От Вальи». Ошеломленный неожиданным оборотом событий, Валька механически отметил ошибку, но промолчал. Да если бы и захотел что-нибудь сказать, то не смог бы произнести ни звука. Его придавило ощущение внезапно свалившейся на него страшной беды. Слова офицера доносились словно издалека.

— Да ты не слушаешь меня? Что с тобой? А ну, возьми себя в руки! Марш к орудию! Ты ведь знаешь, со мной шутки...

Фогельзанг выразительно похлопал по кобуре пистолета, крепко, до острой боли сжал руку мальчика выше локтя и повел к пушке.

Ефрейтор застрекотал камерой, снимая крупным планом сделанную Фогельзангом надпись, отбежал в сторонку и плавно провел объективом по батарее и артиллеристам.

Защелкали какие-то рычаги. Снаряд мягко двинулся с места. Сильным ударом один из солдат дослал его в канал ствола. Тускло блеснула короткая латунная гильза. Чавкнул затвор.

Фогельзанг сунул мальчику шнур, обшитый на конце кожей, отошел в сторону и крикнул:

— Огонь!

Валька отбросил шнур и попятился от орудия... Вот он чего хочет!.. Отчетливо услышал гул, волнами катившийся от Сталинграда. Увидел искривленное лицо Фогельзанга. Как о постороннем, подумал о себе: «Все, конец!»

— Stillgestanden![1]—раздалась рядом резкая, как удар хлыста, команда.

[1] Смирно!

Солдаты замерли на своих местах. Фогельзанг досадливо обернулся и тоже застыл, бросив к козырьку руку.

От остановившихся неподалеку машин в сопровождении нескольких офицеров к орудиям шел генерал, пожилой, тучный, с обвислыми щеками. Он что-то раздраженно кричал, тряся двойным подбородком. Хотя Валька не понял ни слова, он догадался, что кричит генерал на Фогельзанга.

— Что здесь происходит? Почему на огневой позиции посторонние люди? Какая к дьяволу пропаганда? Плевать мне на ваши съемки... Чепухой занимаетесь в боевой обстановке... Молчать!

Валька безучастно смотрел на разыгравшуюся перед ним сцену. Отрешенность овладела всем его существом...

Ветер тянул по небу обрывки грязно-серых туч. Поплыли сумеречные тени. Генерал отбушевал и теперь возвращался к машинам в довольно благодушном настроении.

— Так что вы затеяли, капитан? Я ничего не понял из вашего невразумительного лепета,— сказал он Фогельзангу на этот раз снисходительно.

Капитан с жаром стал объяснять свой замысел. Генерал расхохотался, сотрясаясь всем телом:

— Черт побери! А в этом что-то есть!.. Русский мальчишка стреляет из тяжелого орудия по Сталинграду. Пикантно... Последний выстрел в войне? Гм-гм... До него, к

Как о постороннем, Валька подумал о себе: «Все, конец!»

Радиаторы всех машин, словно стрелки компасов, были нацелены в одну сторону — на Сталинград.

сожалению, еще далеко. Но вы, капитан, можете отснять свой опус. Желаю успеха, хайль Гитлер!

И штабные машины укатили...

Вдруг артиллерист насторожился, опасливо глянул на небо и во весь голос крикнул:

— Fliegeralarm! [1].

...Тройка краснозвездных истребителей проскочила над самой батареей и скрылась за го́ризонтом. Через минуту повыше просвистела другая группа самолетов, за ней, еще выше, прогудела третья.

Валька проводил их тоскливым взглядом...

Ничто и никто не может ему теперь помочь. Одно решил твердо: стрелять из пушки не будет! Валька закусил губу: «Пусть хоть на куски разорвут, не буду стрелять!»

...Пронеслось еще несколько самолетов. Но в сгустившихся сумерках трудно было разобрать, чьи они.

[1] Воздух!

— Entwarnung! [1] — протяжно прокричал кто-то.

Солдаты вылезли из укрытий, принялись набрасывать чехлы на казенники орудий, укладывать в штабеля снарядные ящики.

— Почему не ведете огонь? — недоуменно глядя на неторопливые действия расчетов, спросил Фогельзанг у офицера-артиллериста.

— С наступлением темноты стрельбу прекращаем, — ответил тот,— чтобы русские не засекли батарею по вспышкам.

— Но ведь одна пушка заряжена. Вы разрядили ее?

— Нет. Тяжелые орудия разряжаются только выстрелом. Завтра утром вы сможете закончить съемку.

Фогельзанг с досадой махнул рукой и направился к Вальке.

— Если завтра струсишь, убью. Понял?

«Он думает, что я испугался выстрела»,— пронеслось в голове. Валька протестующе замотал было головой, но тут же прикусил язык. «Помолчи пока. Пусть думает, что струсил...»

Он жалобно протянул:

— Очень уж боязно, дядя Гена. Пушка-то — во какая! Как бабахнет—оглохнешь...

Валька с удивлением слушал собственный прерывающийся голос. Ему и притворяться взволнованным не было нужды.

Капитан брезгливо посмотрел на побледневшего мальчишку, замахнулся было, но передумал.

— Утром продолжим съемку. Орудие остается заряженным. Струсишь — застрелю. Все! — Потом подозвал шофера:

— Du und der Knabe werden im Auto bleiben.

[1] Отбой!

Beobachte, damit er nicht flieht! Sonst wirst du es mit deinem Leben bezahlen! [1]

— Zu Befehel! [2] — Водитель неприязненно посмотрел на Вальку.

Капитан ушел в землянку офицера-артиллериста. Шофер втолкнул мальчика в машину, запер дверцы на ключ, сбегал к походной кухне, принес какой-то еды и принялся есть.

...Быстро темнело. Шофер влез в машину, снял сиденья и спинки, устроил из них постель, толкнул Вальку в угол кузова, погрозил кулаком, улегся и тотчас захрапел.

Валька сидел на чем-то жестком, прикрыв ладонью глаза. Спать он не мог. Тяжелая усталость, как после изнурительной работы, давила на плечи, да вспыхивало острое раздражение на расхрапевшегося солдата.

Видимо, Валька все-таки задремал. Во всяком случае, для него оказался внезапным раздавшийся прямо над головой натужный рев выходящего из пике тяжелого самолета. Тут же раздался оглушительный грохот близких взрывов. Очевидно, батарею бомбили с небольшой высоты.

Шофер спросонья вскочил, гулко стукнулся головой о металлическую дугу, поддерживающую брезентовый верх, ошалело заметался, ища в темноте выход. По стенкам машины густо сыпануло то ли осколками, то ли комьями земли. Ветровое стекло, как паутиной, затянулось мелкими трещинами.

Солдат рванул дверцу, вывалился из машины и, прядая из стороны в сторону, помчался в темноту.

Выбрался наружу и Валька. В ту же секунду в небе вспыхнул яркий, режущий глаза огонь. Невиданный фонарь медленно спускался к земле, заливая все вокруг холодным, ослепительно-белым светом. Над батареей, едва не чиркнув крылом по орудиям, метнулся самолет. Султаны взрывов выросли за ним. Лопаясь, они захлестывали огневую позицию волнами пыли и дыма. Словно выныривая, из-под них выскакивали солдаты и бежали в степь.

Валька с чувством мстительной радости следил за мечущимися фигурками и что-то кричал, не слыша своего голоса. О себе он не думал и ничуть не боялся: свои ведь самолеты!

Медленно погасла, будто растаяла, осветительная бомба. Темнота сгустилась. Валька упал на землю и пополз. «Пока очухаются, я уже далеко буду,— билась мысль,— черта с два вам меня поймать. Нашли артиста, гады. По Сталинграду стрелять! «От Вали»!»

...Словно током, ударило в сердце. Снаряд-то так и остался в пушке! С его именем полетит на город, если наши самолеты не разбомбят батарею. Куда он попадет? В щель, где, может быть, плачет о нем мама? Или в его школу? Или во Дворец пионеров?.. Но ведь не обязательно в эти знакомые места. Попадали же снаряды просто на дорогу, во дворы. Но там тоже наши... Пусть бы куда-нибудь в сквер упал. Ой, не надо! И там люди могут быть. В Волгу? Эх, ты! В Волгу! По ней бойцы наши переправляются. Куда же, куда же, черт бы тебя побрал, «Валья»!

С отчаянием думал он, что ему будет невыносимо жить, куда бы ни попал фашистский снаряд с его именем. Что же делать? Что же все-таки делать? Валька заплакал. «Будь ты проклят, «дядя Гена»! Заткнуть бы тебе глотку этим снарядом... Заткнуть? Постой! А что, если?..»

Бешено заколотилось сердце, похолодели руки. «Давай, Валька, давай, пока наши не улетели. Ну же, быстрей! Где эта пушка? Ага, вот она. Она? Точно. Ох, и высоко ствол! Не достать. Где-то тут ящики из-под снарядов были? Тяжелые какие. Ой, не могу! Врешь, можешь. А не сможешь — лучше башкой об орудие. Словно наяву услышал издевательский голос Фогельзанга: «К борьбе... будь готов!» «Вот именно. А ты, фашистский гад, думал, что это только слова... Всегда готов!!!»

Задыхаясь от натуги, поставил один на другой несколько пустых ящиков. Снял с себя куртку, нагреб в нее песку, свернул в тугой валик, забрался на зыбкую пирамиду и опустил его в ствол. «Мало, наверное...» Соскочил на землю, снял сапоги, набил их песком (хорошо, несколько голышей крупных попалось), разровнял бруствер ладонью, чтоб не заподозрили чего гитлеровцы. Снова поднялся на ящики, затолкал сапоги в канал.

Ну, пока не хватились, надо уносить ноги. А куда бежать? Вокруг враги. Припомнил: в той стороне, кажется, лесополоса была и балка — переезжали... Он побежал в ту сторону.

В небе бледным пятном мигнул сполох. Громыхнуло. Странный какой-то звук. На разрыв зенитного снаряда вроде не похож. Что же это? Громыхнуло снова, с перекатом. Фу ты, это же гроза. Посеял мелкий холодный дождик, остужая разгоряченное тело. Легче стало дышать. Но идти куда — неизвестно. Вокруг темень, хоть глаз коли.

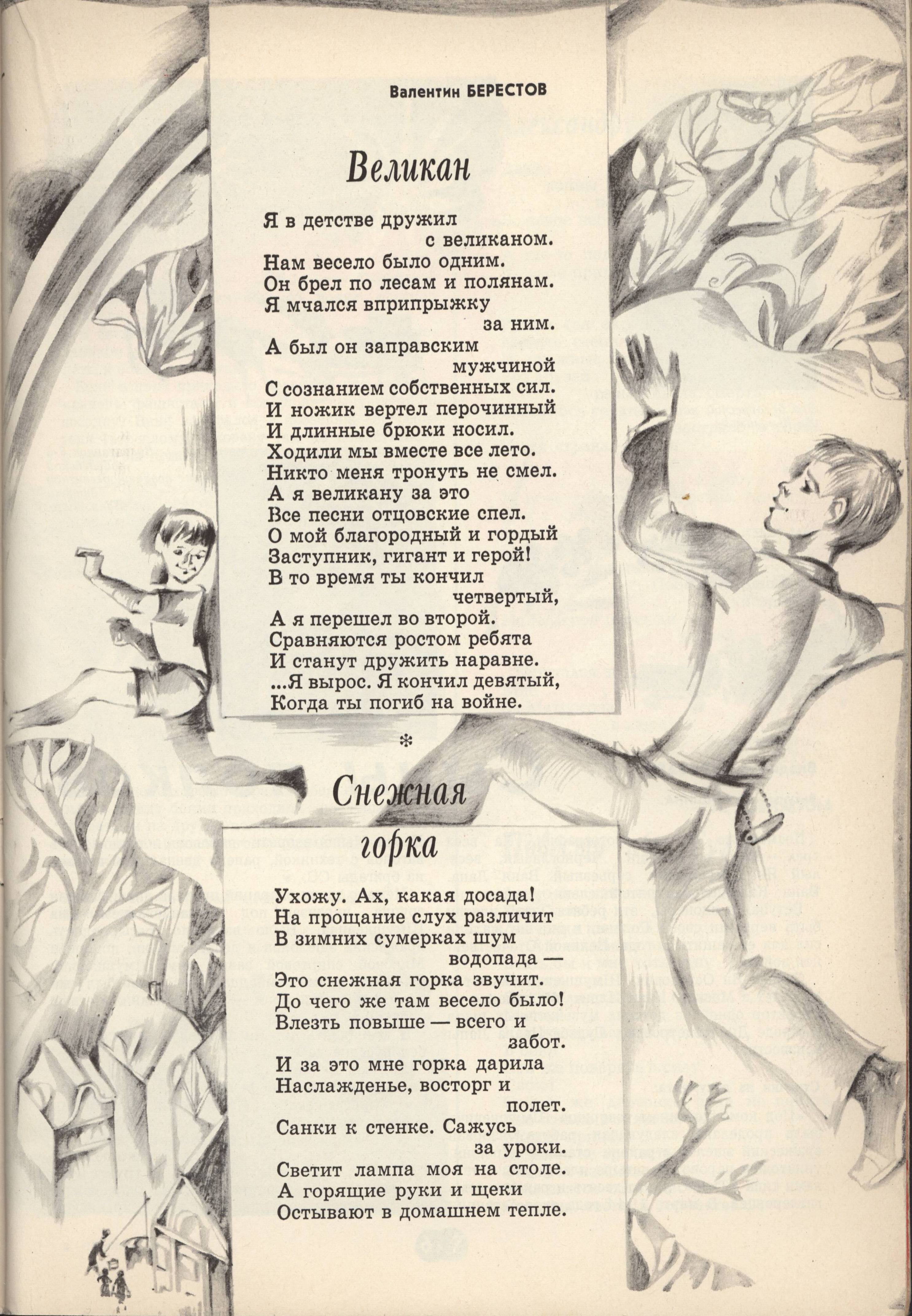
Вытянул перед собой руки, как слепой, побрел в ту сторону, где мерещился лесок. Спотыкался, падал, вставал и снова шел.

Мутно-серая полоса впереди отделила землю от неба. Она медленно разрасталась, сгоняя тучи. Дождь, роняя последние тяжелые капли, откатывался к западу. Светало.

Валька увидел, что идет по нескошенному лугу вдоль набухшей ленты грунтовой дороги. А совсем рядом, справа, начинается лес...

★

[1] Ты и мальчишка останетесь в машине. Смотри, чтобы он не удрал! Головой ответишь!
[2] Слушаюсь!

Валентин БЕРЕСТОВ

Великан

Я в детстве дружил
с великаном.
Нам весело было одним.
Он брел по лесам и полянам.
Я мчался вприпрыжку
за ним.
А был он заправским
мужчиной
С сознанием собственных сил.
И ножик вертел перочинный
И длинные брюки носил.
Ходили мы вместе все лето.
Никто меня тронуть не смел.
А я великану за это
Все песни отцовские спел.
О мой благородный и гордый
Заступник, гигант и герой!
В то время ты кончил
четвертый,
А я перешел во второй.
Сравняются ростом ребята
И станут дружить наравне.
...Я вырос. Я кончил девятый,
Когда ты погиб на войне.

*

Снежная горка

Ухожу. Ах, какая досада!
На прощание слух различит
В зимних сумерках шум
водопада —
Это снежная горка звучит.
До чего же там весело было!
Влезть повыше — всего и
забот.
И за это мне горка дарила
Наслажденье, восторг и
полет.
Санки к стенке. Сажусь
за уроки.
Светит лампа моя на столе.
А горящие руки и щеки
Остывают в домашнем тепле.

Это белорусский партизан Ян Шмушкевич.

Воспитанник 7-й гвардейской воздушнодесантной дивизии Ваня Лапа.

Владимир КАРАВАЕВ

Рисунки А. ГРИШИНА.

Сыны полков

Посмотрите на эти фотографии. На всех трех — ваши сверстники. Черноглазый, веселый Ян Шмушкевич, серьезный Ваня Лапа. Ваня Калишенко — пятый слева у самолета.

Вступая в пионеры, эти ребята дали клятву быть верными своей Родине, и они не жалели сил для ее защиты в годы Великой Отечественной войны.

Сейчас Ян Остапович Шмушкевич живет и работает в Москве, Иван Ильич Калишенко — директор одной из детских музыкальных школ в городе Днепропетровске. Судьба Ивана Лапы неизвестна.

Строчки из документа:

«Под командованием товарища Шмушкевича была проделана следующая работа: взорван вражеский эшелон в районе станции Крошин, уничтожен паровоз и четыре платформы с танками типа «Тигр», убито десять и ранено семь гитлеровцев. В марте 1944 года около станции Новая Мышь взорван паровоз и одиннадцать вагонов с техникой, ранено двенадцать человек из бригады СС...»

Немало таких операций провела диверсионная группа партизан под командованием Яна Шмушкевича. Было взорвано четырнадцать вражеских эшелонов и десять машин, подорван Мирской спиртовой завод. Яну Шмушкевичу было в то время семнадцать лет, но он был уже опытным командиром — он партизанил четыре года.

В тринадцать лет Ян пришел к партизанам в белорусские леса.

По всей Белоруссии были развешаны листовки — за голову Яна фашисты обещали солидное вознаграждение. Но поймать Яна им так и не удалось.

Друзья прозвали его «Неуловимый Ян».

*

Ваня Лапа — воспитанник 7-й гвардейской воздушнодесантной дивизии 4-й гвардейской

армии — был ездовым на батарее 76-миллиметровых орудий.

Часто под ураганным огнем вражеских самолетов Ваня ловко лавировал на подводе с боеприпасами и всегда вовремя подвозил их к той батарее, которая срочно нуждалась в снарядах. Бойцы звали Ваню Гаврошем.

Ваня был награжден двумя медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

*

Ваня Калишенко — сын 164-го Галицкого истребительного авиационного полка орденов Суворова и Кутузова.

В пятнадцать лет он уже был отличным механиком. Он вместе со взрослыми готовил самолеты к боевым вылетам.

Если в полк приходило известие, что самолет «ранен» фашистами и совершил вынужденную посадку, Ваня забирался в фюзеляж истребителя (взрослому человеку там не поместиться) и летел на помощь.

Ваня очень хорошо играл на баяне, и в перерывах между боями приходили послушать его солдаты и из других полков.

Со своими боевыми товарищами Ваня прошел всю войну.

Ваня Калишенко (пятый слева) со своими фронтовыми друзьями.

Макс ДАХИЕ

Александру Матросову

Давно
войны
навечно смолкли пушки.
Большое небо
надо мной плывет...
А где-то под деревнею Чернушки
К земле прижал
атаку
пулемет...
Руины сел окрестных заметая,
Метель слепила, выла круговерть.
И, снежные фонтанчики взрывая,
Его друзей
разыскивала смерть.
Рванулось сердце
и застряло в горле...
И вся страна — герои
битв
и книг,
И всех линеек пионерских горны
Ему в лицо: — Вперед!
Настал твой миг!..
Он знал —
конец!..
Победный день не
встретить...
На Красной площади
друзей не
обнимать.
...Запутался в треухах елей ветер...
Мне
За Матросова
в шеренге
отвечать...

Л. КОРЧАГИНА

Повесть про Гулю

Девчонка читала повесть
Про Гулю,
Девчонка шептала:
— А я так смогу ли?
Взять бы и мне хоть одну
Высоту.
Сумею ли сделать я былью
Мечту?
Как же проверить сердце
В бою?
Как же поверить в силу
Свою?
Самой же девчонке пока не понять,
Что только вся жизнь ее
Может принять
Экзамен на зрелость,
Экзамен на смелость
И на святое содружество
Совести, чести и мужества.

Юрий Когинов сам подростком прошел войну, потом много лет прожил в краю смелых, самоотверженных рабочих людей — в Сибири. Все, что он видел, все, что пережил, пришло на страницы его талантливых повестей и рассказов.

С этого номера «Пионер» начинает печатать новую повесть Юрия Когинова «Берестяная грамота». Я с большим удовольствием рекомендую это поэтичное, овеянное романтикой, увлекательное произведение вам, дорогие читатели. Уверен, что вы полюбите героев повести — отважных мальчишек и девчонок, которые в годы войны вместе со старшими товарищами в немыслимо трудных условиях делали все для того, чтобы приблизить великий час нашей Победы.

Анатолий АЛЕКСИН,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской
и премии Ленинского комсомола

Юрий КОГИНОВ

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

Незваные квартиранты

Беды, говорят, в одиночку не ходят. Не успел захлопнуть за собой калитку полицейский, который передал Кольке строжайший наказ старосты Готмана завтра же поутру явиться в управу, как на пороге вырос сам староста и с ним двое фашистских солдат.

— Гутен таг! Добрый день семейству Матрениных! — Иван Фридрихович стянул с головы лохматую пыжиковую шапку, расстегнул драповое пальто с воротником-шалью и, достав из бокового кармана вчетверо сложенный голубой батистовый платок, аккуратно протер пенсне.— Не скучно тут, в медвежьем углу? Я для компании вам постояльцев привел. Иным трое достается, а вам вот двое. Хотя по вашим хоромам...

Иван Фридрихович описал рукой плавный круг. Солдаты, видимо, оценили его жест как приглашение располагаться и тут же загрюкали по полу сапогами и прикладами винтовок, зашагали по дому.

— Сюда, сюда... Здесь будет удобнее,— рванулась в соседнюю, Колину, комнату Елена Викторовна.

Пришельцам комната понравилась. Просторная, с кроватью и диваном, она двумя большими окнами выходила в сад, где теперь, зимой, стояла удивительная тишина.

— Гут! — удовлетворенно произнес плотный, краснолицый, уже немолодой солдат, а второй, совсем юный, на вид, годика так на четыре постарше Коляна, бухнулся на диван, с удовольствием несколько раз подпрыгнул на пружинах.

— Ну вот, Елена Викторовна, и лады, как говорится у нас, у русских.— Иван Фридрихович протер платком шею, расправил пышные седые усы и застегнул пальто на все пуговицы.

Елена Викторовна вышла на кухню. Колян опять сел к столу, где лежала раскрытая книжка есенинских стихов.

Покраснела рябина,
Посинела вода,
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода...

Сколько раз вчитывался Колян в эти строчки и никак не мог понять удивительную тайну их простоты и естественности. «Рябина покраснела, вода стала синей» — ведь это самые обычные слова!

Но к этим самым что ни на есть обычным строкам поэт нашел неожиданную, прямо-таки ошарашивающую метафору: месяц-всадник уронил повода. Это как картина: осеннее стылое поле, загустевшая от близких морозов речная вода и в поле — одинокий всадник на коне, о чем-то замечтавшийся, загрустивший.

Колян очень любил вот так разбирать стихи, выписывал особенно понравившиеся строчки на синей плотной бумаге, покрывавшей его письменный стол. Он уже исписал несколько таких листов, свернул и спрятал за шкаф: надеялся когда-нибудь на досуге достать и перечитать.

Есенин! Колян еще раз пробежал глазами любимые строчки. И вдруг:

— Коммунист? Большевик? — бесцеремонно выхватил из Колиных рук книгу молодой солдат, как кошка, метнувшийся к столу.

У Коляна жарко полыхнуло лицо.

«Балбес! — Колян сжал кулаки.— Языка не знает, а лезет: «Коммунист, большевик!»

Колян пересилил себя, взял книгу и показал на ровные столбики стихов. Вспомнив, что по-немецки поэт будет «дихтер», он объяснил, кто был автор книги и что писал он о природе, «ди натур».

— О, я-я! — Очкарик широко расставил ноги и, тыча себя в грудь, объяснил, что зовут его Курт, что он студент, сам пишет стихи. Он стал отрывисто выговаривать что-то, видимо, свои стихи — Колян не понял ни единого слова. Вдруг солдат внезапно оборвал себя и рванулся на кухню.

— Матка, вассер!

Елена Викторовна взяла со скамейки два пустых ведра и протянула их Коляну.

— Сынок, принеси воды, а я приготовлю таз. Видно, мыться хотят.

В сенях она нагнала Коляна и прижала к себе.

— Сыночек, не знаю, как тебе и сказать, но дело очень серьезное. Ты знаешь Максима Степановича Калачева? Помнишь, заходил к нам? Сегодня я тоже его ждала. А у нас — сам видишь... Словом, найди Сергея Вавилова, скажи ему, что надо предупредить Калачева...

Пока приказано ждать

Найти Серегу оказалось делом несложным. Вместе с другими ребятами он шнырял от одного фашистского грузовика к другому. Машины длинной вереницей выстроились на улице Ленина. Солдаты разгружали их.

Колян удивленно остановился: так много фашистов еще не бывало в их городке. Интересно: надолго они или проездом? Скорее всего капитально решили обосноваться.

В начале октября сорок первого года, после того, как гитлеровцы заняли Брянск, многим в Дедкове, тихом деревянном городке, казалось, что война обошла их стороной.

Дней десять подряд только и было слышно, как за лесом, по дороге на Людиново, урча, шли немецкие танки. Сведущие люди утверждали, что гитлеровцы хотят пробиться на Варшавское шоссе через Людиново, а оттуда — к самой Москве. И, дескать, Дедково, затерянное в лесной глуши, их совершенно не интересует.

Но потом неожиданно появились и в Дедкове танки с черными крестами, и Серега с Коляном увидели первого чужого солдата. Он соскочил с брони танка, который развернулся на Воронежской улице, и, держа наготове автомат, остановил ребят, собиравшихся юркнуть за забор. «Зольдатен?» — крикнул фашист и сбил с рослого не по годам Сереги кепку.

Колян не раз видел, как фашисты срывали с молодых мужчин головные уборы, и горе было тем, кто был острижен коротко. В первый же день фашисты повесили троих красноармейцев. Говорят, они скрывались неподалеку от города в деревне Глинищи, и выдал их дедковский староста Благодухов.

Что тогда началось! Фашисты шныряли по домам, хватали теплые вещи, продукты, перестреляли всех кур и поросят, свели со дворов скот... Дедково оцепенело от страха, даже ребятишки носа не высовывали из дому.

Но когда вражеский отряд ушел, оставив гарнизон человек в пятнадцать, фашисты крепко получили за свое зверство.

Однажды утром промчались по городу три мотоциклиста, стреляя из пулеметов, из автоматов по домам, где жила охрана. Тогда-то и пропал староста-живодер Благодухов. В одном из мотоциклистов Серега, который не утерпел, выскочил на улицу, узнал Василия Самсоновича Ревка, секретаря Дедковского райкома комсомола, который ушел из города с истребительным батальоном. С этим батальоном ушли и рабочие стекольного завода, не успевшие эвакуироваться, медперсонал больницы. Командиром был Максим Степанович Калачев, секретарь райкома партии.

Потом Калачев дважды приходил в город. Глухой ночью постучал он в окошко к Матрениным и долго говорил о чем-то с Еленой Викторовной.

Отец Коляна Анатолий Игнатьевич Матренин (он был директором школы) с самого начала войны ушел на фронт. Были они с Калачевым друзья, и потому, наверное, не опасаясь, заглянул к ним теперь Максим Степанович. Но откуда он приходил в город, Елена Викторовна объяснила Коляну туманно: «Кто же знает, сынок, где они обретаются? Максим Степанович ко мне по делу заходил, спрашивал, нет ли весточки от отца».

Объяснение это не очень удовлетворило Коляна, тем более что после второго прихода Калачева такое произошло!

Седьмого ноября Елена Викторовна была какой-то странной — то весело шутила, то нервничала, волновалась. Несколько раз подходила к репродуктору, проверяла настройку.

Колян тоже заволновался, не заболела ли мама. И вдруг из черной тарелки раздался знакомый голос: «Говорит Москва». И Колян услышал, что сегодня в Москве был военный парад, несмотря на то, что

фашисты несколько дней назад хвастались: «Москва — капут». Вот это была новость так новость!

Но кто же сделал так, чтобы во всех домах заговорило радио? Не Калачев ли? И куда уходила мама накануне Октябрьских праздников несколько дней подряд? С утра уйдет и только вечером возвращается... Может, и она тоже?.. Может, предупреждала людей: мол, в такой-то час включите радио...

Но мама тогда ничего не сказала Коляну. Только теперь доверилась сыну.

Колян отыскал в толпе Серегу, тихо позвал:

— Серый! Пойди сюда, дело есть.

Ого, как встрепенется Серега, когда услышит, зачем понадобился Матренину и его матери!

Но Серега нарочито не торопился. Такие уж сложились у них отношения: Серега — высокий, крутоплечий — вожак, а Колян, близкий друг его, всегда как бы на подхвате.

Вот если б не Колян Серегу, а Серега позвал бы Коляна, тогда шевелись, Матренин!

Серега выслушал Коляна спокойно. Только зубы сжал да глаза чуть прищурил.

— Все понятно. Рви за мной! — сказал и повел за собой.

Максима Степановича Серега узнал не сразу. Борода лопатой, латаный черный полушубок, серые валенки, обшитые кожей. И только когда все трое вошли в дом и бородач снял шапку и открыл высокий, прочерченный гармошкой морщин лоб, он стал прежним дядей Максимом.

— Спасибо, что предупредили,— тихо сказал он.— Спасибо!

— Возьмите нас с собой! — выдохнул Серега.

Калачев прищурился и неожиданно спросил:

— Сколько солдат прибыло в город?

Серега растерянно глянул на Коляна, пожал плечами:

— Много.

— А машин сколько? — Калачев улыбнулся.— Нет, не возьму! Не годишься ты в разведчики, парень.

— Восемнадцать грузовиков на Ленинской улице! — отчеканил Колян.

— Считал?

— Ага... Загадал, когда к вам шел. Если четное число, значит, встретим вас. Я вообще... Я часто загадываю — то колья в палисаднике, то трубы на крышах считаю: чет-нечет...

Колян опустил пушистые ресницы, щеки от волнения горели.

«С виду впрямь красна девица,— подумал Калачев.— Как его ребята дразнят? Крашеные губы? Точно, будто вишни только что ел».

Калачев встал.

— Не обижайтесь. Взять вас с собой не могу. На то есть причины. Но обещаю, что дело вам подыщем.

Серега еще не оправился от конфуза, пробурчал:

— Паразит староста уже постарался: завтра вызывают в управу. Наверняка на какую-нибудь работу пошлют.

— А ты что? Работы боишься, такой богатырь? — спросил Калачев и добавил: — Знайте, в городе честных людей больше, чем вам кажется. Понадобитесь, они вас сами найдут.

Иван, да не тот

Предположение Сереги оправдалось. Тех, кто постарше, вместе со взрослыми мужчинами отправили на заготовку дров. Рабочих стеклозавода направили в цехи разбирать завалы. Серега и Колян оказались в группе, которую староста назвал по-немецки «зондеркомандой» (особой командой). Назвал, конечно, для издевки, потому что обидней дела и сыскать трудно — убирать помещение управы и фашистской комендатуры.

Мишка Капустин, пятиклашка, узнав, что станет уборщицей, запротестовал:

— Права не имеете! Мне только-только двенадцать лет исполнилось.

Разговор шел возле подъезда райсовета, где теперь была резиденция старосты. Готман поскрипел валенками по снегу, хмыкнул:

— Разве в школе вас такой дисциплине учили?

— Учили! — нахохлился Мишка.— И в книгах про это читали, и в кино показывали: если враг, значит, не помогать...

«Пропал Капустка!» — ахнул внутренне Серега и тут же, чтобы отвлечь Готмана, спросил:

— Господин староста, а за работу нам что-нибудь будет причитаться?

— Каждые десять дней буханка хлеба.

— Тогда мы согласны,— сказал Серега за себя, Кольку, Мишку Капустина и еще за двоих из шестого «Б» — Саньку Белого и Гришку Захарова.

Едва отошли от управы, Капустка такую оплеуху от Сереги съел, что пришлось его Коляну из сугроба поднимать.

— Ты что?! Захотел, чтобы за твои речи всех нас на допрос? Кочан ты крутобокий!

А про себя Серега подумал: правильно Калачев предупреждал, чтобы осторожными были. Им с Коляном и от Капустки и от других несмышленышей надо подальше держаться.

С того дня жизнь пошла несладкая. Работа вроде и не ахти какая тяжелая: каждый день в штабе полы подметать, раз в неделю мыть. Пыль со столов и стульев смахнуть, иногда машину или подводу разгрузить, если шнапс или что-нибудь другое привезут, иногда к старосте сбегать с каким-нибудь поручением или от старосты — в штаб. Но все время надо держать ушки на макушке!

Курт, заносчивый очкарик, который у Матрениных стоял, служил в штабе караульным солдатом. Поначалу Колян даже обрадовался такой встрече: все-таки «свой», можно сказать, но Курт и носа не повернул в сторону Коляна. А однажды утром провел по сиденью стула ладонью, проверил, не пыльное ли, и с наслаждением треснул Кольку по щеке.

Но все это были цветочки. Ягодки им преподнес сам Череп — комендант Клюге. Как-то после разгрузки подводы поднялся переполох: недосчитались ящика с мясными консервами. Схватили ребят, как щенков, за загривки — и к Клюге. Какой скандал он поднял! Тонкие, в ниточку губы дергаются, бритая голова трясется — ну вылитый череп, вроде того, что был в школе, в биологическом кабинете. И плеткой каждого. Потом заперли всех на ночь в сарай. Закоченели ребята чуть не до смерти.

А утром ящик с проклятыми консервами нашелся. Но все равно для острастки по распоряжению Клюге лишили «особую команду» хлебного пайка на целый месяц.

Конечно, Серега не спустил Черепу. Вбил на мосту через речку Лавровку два толстенных гвоздя с заточенными остриями. И как только поехал комендант на своей серой легковушке, так и проколол шины. Опоздал на какое-то важное совещание к начальству и такой разнос получил, что неделю ходил чернее тучи.

Но обиду мелкой местью не утолишь. Ну разве не сволочь староста, удружил им работенку! Умеют же такие, как он, изворачиваться, приспосабливаться...

Кто не знал в Дедкове Ивана Фридриховича Готмана, вежливого, подтянутого! Идет, бывало, по улице — сухой, высокий, направо и налево кивает: «Здравствуйте! Как ваше здоровьице?»

В те годы, когда в стране была частная торговля, Иван Фридрихович служил в фирме, которая продавала швейные машины немецкой марки «Зингер». Ходил по домам, сбывал машинки и потом не забывал их владельцев — заглядывал к ним, интересовался, как работает механизм и не надо ли прислать мастера для наладки или ремонта. Когда же частной торговли не стало, сам занялся ремонтом швейных машин.

Официально должность Готмана именовалась «бюргермайстер» — бургомистр. Что-то вроде «старший над городским населением». Но немецкое слово было чуждо русскому уху. Поэтому в обиходе все, даже полицейские, называли Готмана старостой — проще и понятнее. Готман делал вид, что ему все равно: лишь бы было послушание, видимо, рассуждал он.

Только черта с два будут плясать под дудку старосты — бюргермайстера.

То, что происходил он из немцев, дедковцы давно забыли. Когда его прадед приехал в Россию, не упомнит никто. Годов, наверное, двести назад фабрикант Мальцев основал стекольный завод. А теперь, выходит, сказалась в Готмане кровь — всей душой потянулся к фашистам! Получил по заслугам Благодухов, и этого надо проучить. Но как?..

Колян и Серега жили на Воронежской улице. Только Колька ближе к центру, а Серега на другом конце, на Крупчатке,— так звалась эта окраина города. А вот Зишка Говоркова, тоже из их седьмого «Б», та на Буяновке, что к самому лесу подходит.

Теперь каждый вечер, когда ребята возвращались с работы, Зишка поджидала их у школы. Посмеивалась: «Укрепляем мощь великой Германии?»

Девчонка эта ребятам ни в чем не уступит. Она была и председателем совета пионерского лагеря и лучшей гимнасткой школы и даже стояла вратарем в футбольной команде Воронежской улицы. Ну, а язычок у нее!

Серега злился. А она только пуще дразнилась. Серега даже как-то ее стукнул, да она изловчилась, схватила его за шею — и бух в сугроб... Сама она крепкая, лицо в веснушках, волосы огненно-рыжие, двумя косичками топорщатся. В классе ее побаивались, но сегодня Серега, поравнявшись с Зишкой, тронул ее за руку и шепнул:

— Дело есть.

Зайдя за сарай, он распахнул пальто, дал Зишке и Кольке пощупать что-то железное и круглое во внутреннем кармане.

«Граната!» — разом сообразили те.

— Догадливы вы, я смотрю,— процедил Серега.— А может, догадаетесь, зачем я у фрицев ее стащил?.. То-то... Со старостой сегодня считаться пойдем.

Зишка захлопала в ладоши, а Колян покачал головой.

— Нас же, как котят, похватают.

— Дурья башка, да я и сам в петлю-то

— Со старостой считаться пойдем,— сказал Серега.

не собираюсь. Помнишь как мы деда Митрофана на пасеке дразнили?

Года два назад ребята так подшутили. Осторожненько гвоздик в оконную раму Митрофанова домишки вбили, на нитке грузик подвесили, и к тому грузу длинную нитку прицепили, и потянули ее за собой в кусты. Дерг-дерг, в окошко стук-стук. Выбежит дед Митрофан — никого. Вернется в дом, снова кто-то барабанит.

— Что, гранатой по раме тарахтеть будем? — не понял Колька.

— Раз трахнем — и все! — засмеялся Серега.— За бечевку из кустов дерг — и окно навылет... Мы же сами сегодня Готману шнапс носили. Значит, кто-то будет у него, перепьются, не поймут спьяну, кто да что. Понял теперь?

Зишка сдвинула брови — она так всегда делала, когда что-то обдумывала,— и, подняв лицо к Сереге, сказала:

— А ну, рванули!..

Колька ничего не сказал, и от этого ему стало стыдно. Где-то в глубине души он чувствовал, ох, как остро чувствовал, что Серегин план — глупость. Но в то же время понимал и другое. Вот они с Серегой просили у Калачева: «Возьмите с собой, мы тоже будем фашистов бить»,— а теперь, получается, подвернулся случай показать себя, предателя проучить, и первым в сторону он, Колька Матренин. Какая тогда ему вера? Нет, он не трус. Уж коли решили...

— Пошли,— произнес Колян.— Только не спеши, осторожно надо, все предусмотреть...

«Что за шутки, господа?»

Друг за дружкой прокрались они через пролом в заборе. Теперь только двор пересечь и... вдруг — тень наперерез. И голос знакомый:

— Замри!

Калачев! В ватнике, ушанке стоит, палец к губам приложил... Выбрались назад через пролом, присели за сугробами.

— Так...— протянул Калачев.— Не вынесла душа поэта?

Колька зарделся: поэт — вроде он. Но ведь Максим Степанович не знает, что Колька пишет стихи. Нет, это он обо всей их компании. Затею их угадал, что ли?

А Серега по-своему расценил слова Калачева.

— Вот, граната у нас. Теперь вместе с вами...

— Спокойно, ребята, есть дело посерьезнее. Отползайте-ка к Лавровке и там на бережку ожидайте Зину. А мы с ней...

Зишка, несмотря на то, что решительная, поначалу растерялась, когда вошла с Калачевым в сени и услышала из комнаты гул голосов.

— Проходи, проходи, Степаныч! — Готман прямо с порога потащил Калачева в комнату.

За столом, уставленным тарелками, сидели двое.

— Э, да я не в урочный час! — протянул Калачев, нерешительно стягивая с головы ушанку.— Жена, понимаете, совсем житья не дает. Сходи да сходи, говорит, к Фридриховичу за швейной машинкой. Ведь, говорит, обещал, и деньги уже уплатили.

Вот и дочку со мной отрядила. Не вертайтесь, говорит, без машинки!

Готман расправил седые, пышные усы, огладил жилетку.

— Все будет честь по чести. Есть, есть у меня один экземплярчик. Собственный. Еще от старых добрых времен, зингеровский! Сейчас достанем машиночку из потайного уголка. Прятать, прятать, господа, надо все. Не ровен час бандиты из леса нагрянут. Так-то... А вы пока с дочуркой присаживайтесь. Что бог послал отведайте вместе с господами из Брянской управы.

«Господа» — один чернявый, верткий такой, другой с рыхлым широким лицом,— видать, уже изрядно приложились к угощению. Задвигали стульями, освобождая место неожиданному гостю.

— Так это как понимать, уважаемый,— начал вертлявый, наливая в стаканы самогон,— думаете свое швейное предприятие заводить?

Калачев ухмыльнулся, не спеша ковырнул в тарелке вилкой, положил себе груздочков.

— С предприятием пока можно и погодить. Устоится новая власть, осмотримся малость... А сейчас вот их надо обшивать.— Максим Степанович кивнул в сторону Зишки.— Да и на продажу, на обмен кое-что приготовить.

— Правильно понимаете обстановочку,— вступил в разговор чернявый.— Только, скажу вам, надо спешить помогать новой власти. Ох как спешить!

— Ну, что ж,— поднял стакан Калачев.— Давайте тогда за будущее. От каждого из нас зависит теперь, как дальше жить.

— Истинно сказано, истинно! — подхватил чернявый.

Закусили. Рыхлолицый — видно, он был старшим — сказал, что жаль, не успели они свидеться нынче с комендантом. Но завтра с утра непременно все с ним обсудят, все кандидатуры желающих служить в полиции.

Заговорили о непобедимости немецких войск и о том, что Красной Армии больше не существует. То ли захмелел Калачев, то ли подумал, что брянские гости слишком пьяны, но только Максим Степанович о силе фашистского воинства так сказал:

«Смываются!» — радостно подумал Колька.

Готман, раскладывая на тарелки гостей картошку с салом, кивнул в сторону Максима Степановича:

— Степаныч первым в списочке, который я вам передал, стоит. У меня на него виды ой какие надежные! Перестраивать полицию по-новому он первый поможет...

— Простите,— перебил чернявый,— а происхождением своим каковыми будете?

— Самое типичное мое происхождение — из раскулаченных...

Зишка понимала, что игра разворачивается вовсю. Но как, по каким правилам она идет и почему их сторону принял староста, ей было невдомек. Или издевается Готман над Калачевым, медленно припирает его к стене?

— Да кто ж победит такую армию, где даже лошадей сахарным песком кормят? Нарежут соломы, попудрят ее сладким и кормят.

Вертлявый перестал жевать, уставился на Калачева, а его начальник хохотнул:

— Шутник! Только смотрите, не очень-то распространяйтесь. Здесь-то мы все свои, а не ровен час...

В дверь постучали. Калачев встал и сказал Зишке:

— Вот, дождались с тобой. Тут господа об осторожности говорить изволят, а для нас с тобой страшнее всего, коли наша матушка сама собственной персоной сюда прибудет. Где же машинка, Иван Фридрихович?

Готман вышел в сени, и тотчас на пороге

выросло трое вооруженных автоматами людей.

— Оружие на стол! Руки!..

Молодой худощавый мужчина, в котором Зишка сразу же узнала Василия Самсоновича Ревка, взял со стола пистолеты предателей и приказал связать им руки.

Чернявый метнул глаза на Готмана, на Калачева.

— Что за шутки, господа?

Калачев стоял уже у дверей, надевая шапку.

— Господ среди нас, если хотите, только двое. Остальные — товарищи. Да и вы — какие вы господа? Так, жалкие лакеи фашистов...

Вот почему суматоха

Курт и Макс Лихтенберг, которого Колька называл не иначе, как Макс Линдер, по созвучию с именем знаменитого американского киноактера, обычно вставали ни свет ни заря и на спиртовке готовили себе кофе, разогревали булочки и банки мясных консервов.

Бесцеремонное хождение, громкие разговоры и особенно запах кофе заставляли Коляна просыпаться раньше обычного. Они с мамой давно переселились на кухню: мама спала на печи, а Колян — на раскладушке, которую пододвигал к самой двери, чтобы бесцеремонные постояльцы, чего доброго, к ним не зашли.

Но в это утро, когда Колян проснулся, в доме было непривычно тихо.

— Дрыхнут? — спросил Колян.

— Нет никого. Как вечером ушли, так и не возвращались. Может, что случилось?

Колька быстро оделся, выскочил на улицу.

После случая в доме старосты Колян и Серега со дня на день ждали грозы. Но вроде обошлось. Только однажды Мишка Капустка рассказал ребятам, что где-то возле Дедкова попали в руки партизан два важных типа из Брянской управы и что по этому поводу комендант Клюге вызывал к себе Готмана и громко распекал полицейских за то, что они проворонили бандитов. Полицейские сказали, что не видели никого, а военные патрули доложили: действительно, в тот день сани со служащими Брянской управы проезжали через заставы в Любезне под Дедковом и при въезде в город. Часу в восьмом вечера они выехали из города, но куда они потом делись, неизвестно.

— А ты знаешь, кто их схватил? — в упор посмотрел на Мишку Серега.— Не знаешь? Вот и помалкивай.

Когда Колян влетел во двор комендатуры, он сразу догадался, что ночное отсутствие их постояльцев никак не связано с исчезновением брянских чинов.

Во дворе стояли запряженные фуры и грузовики, солдаты загружали их ящиками и тюками.

«Смываются!» — радостно подумал Колька и бросился разыскивать друзей.

Серега и Мишка топтались возле сарая и молча глядели на происходящее. Капустка шепотом сообщил, что ночью человек пятьдесят фашистов уже уехали из города по Людиновской дороге и он сам слышал, как солдаты говорили между собой, что их направляют на фронт, который уже приблизился к Сухиничам и Песочне.

Черт возьми, Сухиничи и Песочня были совсем рядом, ну, километров, наверное, сто от Дедкова. Колян, не скрывая восторга, бросился к Сереге. Но тот крепко взял его за плечо.

— Цыц! Вы что раскудахтались? На нас же смотрят!

И тут же сделал Кольке подножку, повалил в сугроб. Пусть думают, что пацаны просто решили погреться. Как раз когда они забарахтались в снегу, с крыльца послышался голос полицейского:

— Эй, особая команда, к господину Готману!

Часы с боем

Иван Фридрихович прохаживался по кабинету, изредка останавливаясь у окна и бросая беглый взгляд во двор, где метались фашисты. Староста был в черном костюме, белой сорочке с черной бабочкой. У стола по стойке «смирно» застыл полицейский в коротком полупальто, перехваченном солдатским ремнем с тусклой алюминиевой пряжкой, на которой было рельефно выписано «Гот мит унс» («бог с нами»). На рукаве — повязка с фашистской свастикой.

В распоряжении старосты — а значит, и во всем Дедкове — было всего пятеро полицейских, все жители знали их в лицо, но кто они и откуда, с уверенностью никто сказать не мог. Говорили, что это бывшие красноармейцы, изменники и что староста назначил их, а не местных, полицаями, чтобы они, дескать, свирепствовали вовсю. Однако ничего такого уж страшного за полицаями не водилось, хотя службу они соблюдали ревностно и исправно.

Пятерых на город, конечно, маловато. По-

этому, когда комендант Клюге и Брянская управа стали настаивать на том, чтобы создать в Дедкове настоящий, боеспособный отряд полиции, главным образом из местных жителей, чтобы все большевистские связи вывернуть наизнанку, Готман объявил прием желающих. Записалось двенадцать человек. Список этот Готман вручил представителям управы. Теперь же бумага с фамилиями тех, кто захотел выслужиться перед фашистами, оказалась совершенно в другом месте — в планшете Калачева.

Навытяжку перед старостой стоял Фролов, по должности главный среди полицейских. Другой полицай, Романов, позвавший ребят, остался в коридоре.

— Н-да, господин Фролов, загадочная, скажу я вам, история,— обратился Готман к полицейскому, не замечая ребят, столпившихся у двери.— Совершенно странная история: партизаны приходят, говорите, из лесу и оставляют у порога вашего дома целую кипу листовок. И каких, скажу вам, наглых листовок! Вы обратили внимание, о чем в них говорится?

«Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы,— начал читать Готман.— Шестнадцатого ноября сорок первого года германские войска, развернув против Западного фронта тринадцать танковых, тридцать три пехотных и пять мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву. Шестого декабря войска Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок... Частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше четырехсот населенных пунктов... Захвачено танков триста восемьдесят шесть, автомашин — четыре тысячи триста семнадцать, орудий — триста пять... Потери немцев составляют свыше восьмидесяти пяти тысяч убитыми...»

Иван Фридрихович пристально посмотрел в лицо полицейскому:

— Как вы это находите? По-моему, обычные небылицы красных. Однако вы хорошо сделали, господин Фролов, что принесли эти бумажки прямо ко мне. Сами понимаете, в данный момент не резон беспокоить господина Клюге.

Колян и Серега внимательно слушали Готмана, и снова червячок сомнения, казалось бы, исчезнувший после происшествия в доме старосты, зацарапал где-то под самым сердцем.

Какую игру ведет Иван Фридрихович, с кем он? Может, он спасает свою жизнь, боится партизан и потому не сообщил о налете Калачева и Ревка коменданту, не поднял тревогу? Но Зишка клянется, что она слово в слово запомнила, как Калачев сказал тогда арестованным представителям Брянской управы: «Господа — это вы двое. Остальные — товарищи...» Выходит, и старосту он тоже назвал товарищем.

Полицейские уж точно предатели, поэтому Иван Фридрихович и объясняется с Фроловым так хитро.

«Может, тут какая уловка? — подумал Колян.— Может, он перед нами и Фроловым нарочно разыгрывает спектакль?..»

Тут Иван Фридрихович обернулся к двери и словно только сейчас заметил ребят.

— Почему вас только трое, а не пятеро?

Капустка вывернулся из-за Серегиной спины и уже раскрыл было рот, но Серега ткнул его в бок.

«Сейчас ляпнет при Фролове, что после ночи, проведенной по распоряжению Клюге в сарае, Белый и Захаров заболели».

— Двое прихворнули, — не вдаваясь в подробности, объяснил Серега.

Готман сел за стол, сомкнул длинные пальцы. Стали видны туго накрахмаленные манжеты с золотыми запонками.

— Я пригласил вас, чтобы объяснить: в течение двух дней можете быть свободными. Между прочим, и хворым и здоровым советую отсидеться в тепле. Да, да, морозы крепчают, молодые люди, а рисковать здоровьем в такое время грешно... Итак, всего доброго... Ступай, Капустин, а Вавилова и Матренина прошу на секундочку задержаться. Поможете упаковать настенные часы. Прекрасный механизм с мелодичным боем, жаль, если с ним что случится...

Колян и Серега влезли на стулья и осторожно сняли старинные, в черном лакированном футляре с замысловатыми завитушками часы. Фролов козырнул и удалился.

— Попрошу аккуратнее с механизмом,— наставительно говорил Готман,— английской работы вещица. У меня к точным и умным машинам, не скрою, слабость. Давайте их в мешок, так. Теперь оберните рогожей да бечевкой прихватите... Ну, а я, молодые люди, по делам...

Часы лежали на длинном, приземистом столе. Совсем недавно за ним сидел Иван Петрович Мыльников, председатель райсовета. Все в комнате оставалось таким же, как до прихода фашистов: стулья вдоль стен, два книжных шкафа, глубокие кожаные кресла. Только над столом висел портрет Гитлера, которого, конечно, не могло быть до войны.

Из-под челки смотрели на ребят колкие глаза фюрера. От этих подозрительных сверлящих глаз, казалось, некуда деться. Серега и Колян, став к портрету спиной, подвинули часы на середину стола. И тут они увидели стопку листовок. Одну из них только что читал вслух староста. Ребята взяли по листку, быстро пробежали текст. Это было сообщение Советского Информбюро.

Колян заметил, как задрожали Серегины руки. Не выпуская листовки, Серега покосился на дверь. Она была закрыта.

— Берем? — выдохнул Сергей. — Фашисты ничего не знают о листовках, а Готман... Он нарочно оставил нас здесь! Понимаешь?!

Колька глянул на дверь.

— Расстегивай куртку! — приказал Серега и сам, распахнув пальто, сунул за пояс, под рубаху и пиджак пачку листовок.— Остальные — твои.

Колян тоже запрятал пачку листовок под лыжную куртку. Но у него не было ремня. Серега схватил со стола бечевку и туго подвязал ею Кольку вместо ремня.

— Теперь давай отсюда...

Серега послушал у двери — тихо. Жестом показал Кольке, что можно выходить... И тут два нацеленных глаза Адольфа Гитлера снова с прищуром уставились на ребят.

— На-ко, выкуси, фюрер! — показал Серега портрету дулю. — Видел, фашист проклятый? Ничего не поделаешь с нами. Дудки!

Полицай узнает Серегу

Зишка жила в старом доме вдвоем с больным отцом. Мать ее умерла года четыре назад, старшая замужняя сестра Вера эвакуировалась с первой же партией стеклозаводских, надеясь, что следом тронутся и Зишка с отцом. Но старик вдруг сильно занемог. Да и выехать к тому времени было уже не просто: станцию разбомбили, а другого транспорта — в обрез.

У Сереги все вышло по-другому. Отцу Сереги, бригадиру шлифовщиков стеклозавода, приказано было с первым же эшелоном вывезти оборудование и дорогие, хранившиеся в заводском музее хрустальные изделия.

Уехали всей семьей: отец, мать, Серега, два младших брата — Славка и Витька. Но не прошло и полмесяца, как Сергей снова объявился в Дедкове. Сказал, что в Ельце отстал от эшелона, а куда эвакуировался завод, точно не знает, и вот теперь у него одна дорога — к бабушке, которой не под силу было уехать в чужие края. Колька и Зишка не очень-то верили Сергею: видно, рвался Серега ближе к фронту.

Когда ребята примчались к Зишке, она, прочитав первые строчки сообщения о победе Красной Армии, ахнула:

— Мальчики, да какие ж вы молодцы! Теперь — в город. На все заборы наклеим!

Она притворила дверь в комнату, чтобы не услышал отец, выволокла из кухонного стола тощенький мешочек муки...

— Шальная, положи на место! — одернул ее Серега.— У моей бабки крахмал остался, из него и сварим клей. А муку для бати побереги.

Колян, обхватив голову руками, сидел над листовкой: совсем свежий набор и буковки почему-то удивительно знакомы. И вдруг вспомнил: да ведь это же шрифт их газеты «Дедковский рабочий». Такими же буквами весной было напечатано его первое стихотворение: «Выше алые стяги!».

— Листовки печатали наши, дедковские! — выпалил Колян.— Значит, большая сила действует: у них и типография и бумага...

Здорово! Как здорово там, на фронте! «В результате начатого наступления группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...»

И в голове Коляна вдруг зароились слова, стали выстраиваться в строки. И в той победе... В той победе доля есть... Чья доля? Конечно, дедковских партизан! Тогда, может быть, так: мы, партизаны Дедкова, считаем, что в той победе наша доля есть?

— Зишка, дай чернила и ручку! — потребовал он.

— Ты что, приписать хочешь? — Серега накрыл листовку широкой ладонью. — Тебя же, дурья башка, по почерку узнают!

— Остынь немного. Тоже мне командир!— сказал Колян, но тотчас смутился, заморгал длинными, пушистыми ресницами. Впервые в жизни он так разговаривал с Серегой.— Я сам соображаю, что надо по-печатному. Смотри!

И Колян написал внизу листка:

Враги бегут, поспешно оставляя
Орудья, танки, воинскую честь.
Мы, партизаны Дедкова, считаем,
Что в той победе наша доля есть!

Зишка вскочила, обняла Коляна. И тут же стала переписывать стихи на другую листовку.

— Ладно, валяйте,— снисходительно улыбнулся Серега.— Только надо написать: «Мы, партизаны брянские...» И складнее и правильнее по смыслу будет: пусть фашисты боятся не только дедковских, а всех брянских партизан. И в целях конспирации хорошо. Раз написано «брянские», ищи-свищи ветра в поле, кто и где отпечатал листовки.

Колян не стал спорить, очень довольный своими стихами: выходит, и он на что-то годится. Решил: пусть и о дедковских и о брянских партизанах будет в листовках, и пусть еще другие слова впишет каждый, какие хочет, вроде «Смерть всем фашистам».

Всего листовок оказалось сорок семь штук. Их печатали на толстой бумаге, похожей на оберточную, оттого и пачки были такие толстые. Но расклеить листовки оказалось делом нешуточным. Когда наконец у них осталось всего два листка, Серега присел на приступок школы. Отломил ледышку, жадно пососал.

— Надо бы ближе к фашистам налепить,— сказал он.— Возле штаба или еще где... В общем, ждите меня здесь, я один прошмыгну.

Серега, заложив руки в карманы и насвистывая веселый немецкий мотивчик «Лили Марлен», двинулся вдоль заводского забора. Свернул за угол — вот тут будет в самый раз. Оглянулся по сторонам, прямо рукой собрал остатки клейстера из банки, которая была в кармане пальто, мазнул по бумаге. Теперь другой рукой припечатать — и деру.

— Хальт!

Лязгнув затвором винтовки, из пролома в заборе, который впопыхах не заметил Серега, высунулся гитлеровец... Эх, до чего ж глупо попался!

...Фашист срывает листовку и бьет Серегу в спину прикладом. Сергей падает. Солдат рывком поднимает его на ноги и толкает стволом винтовки вперед... Навстречу Фролов, тоже вооруженный, с винтовкой наперевес.

— Дас блятт,— задыхаясь от радости, объясняет солдат. Листовка, дескать.

Фролов приближается.

— Да этого сорванца я знаю! Надо бы ему руки скрутить, герр зольдат.— И вытаскивает из кармана веревку.

— Гут, яволь!— охотно соглашается фашист. Он забрасывает винтовку за плечо, чтобы освободить руки, и вдруг, глухо застонав, тяжело оседает на снег.

— Драпай домой огородами! — не глядя в Серегину сторону и старательно загребая валенками снег на месте стычки, приказывает Фролов...

Тридцать заложников

С тех пор, как Сережка вернулся в город, бабушка его Дарья Михайловна и радовалась тому, что она теперь не одна, но и, конечно, тревожилась. Из всей школы был Сережка самым непоседливым. А ведь время такое — недалеко и до беды.

Но Серега прямо на глазах менялся: серьезнее стал и будто спокойней. А чего там у него на уме — разве узнаешь!..

Ночью разметался на кровати, одеяло сбросил, что-то бормочет. «Не жар ли?» — всполошилась бабушка и чуть свет поспешила к подружке, Варваре Артамоновне. Лекарства какого раздобыть, а может, что присоветует.

Вернулась с горстью сушеной малины и прямо с порога:

— Внучек, беда! Ночью на Буяновке фашист вывел тридцать мужиков из хат и всех запер в эмтээсовском гараже. Говорят, за солдата ихнего. Кто-то его прикончил вчера. Да прямо на улице!..

Сережка отвернулся к стене. Сжался в комок, даже испарина выступила на лбу: «Спалят гады людей! Живьем ведь спалят!..»

Было такое с полмесяца назад в деревне Березовке, недалеко от Дедкова. Показалось фашистам или вправду кто донес, будто в одной избе партизан прячут. И без разбора всех жителей — в амбар. Потом обложили сеном — и... как не было деревни. Это по одному только подозрению. А тут — убитый солдат. И еще листовки на заборах.

Серега вскочил, потянулся за брюками. Спросил, стараясь ничем не выдать волнения:

— Только с Буяновки брали? А на других улицах нет?

Бабушка задернула плотнее занавеску, будто их кто-то мог увидеть.

— Листовок, говорят, за ночь понаклеено — и на домах и на заборах видимо-невидимо. Утром фашисты бегали, как чумные, и соскребали со стен те листовки. А в листовках-то, знаешь?.. Мне Варвара сказывала. Будто гонят их, басурманов проклятых, и от Москвы и отовсюду, гонят взашей!.. Ой, не ходи ты никуда, Сереженька!..

Но Серега уже сунул ноги в валенки...

Однако выйти не успел. Дверь в сенях бухнула, и на пороге выросла Зишка — платок сбит на затылок, рыжие прядки во все стороны, а лицо бледное... Серегу обожгло, точно током:

— Отца взяли?!

Зишка как стояла, так и сползла на пол вдоль притолоки. Дарья Михайловна едва успела ее поддержать.

— На рассвете влетели трое и отца прикладами в спину,— медленно говорила Зишка.— Батя идти даже не мог — волоком его, гады...

— Останешься у нас, дочка. — Дарья Михайловна обняла ее, помогла снять пальто.

Надо ж, какой бедой обернулись листовки!.. Ведь они для людей старались, чтобы все правду узнали, а вышло, будто ты тридцать человек к смерти приговорил.

Серега рванулся к двери, толком еще не соображая, куда и зачем бежать.

— Не ходи,— остановила его Зишка.— Я знаю, о чем ты сейчас. Ты здесь не виноват. Никто не виноват... кроме фашистов.—

Минуту молчала, горестно задумавшись, потом сказала: — А идти сейчас некуда. Мы с Коляном часа два продежурили возле комендатуры. Думали, может, Фролова увидим или Готмана. Да не подступишься — часовой на часовом. Вот если бы Калачев, если бы партизаны...

«Получай за все!»

Это оказался не летний гром, о котором со сна подумал Серега. Он подскочил к окну — зима. Только что пробившийся рассвет окрашивал и небо и широкое заснеженное поле одинаковым серым светом. Но вдруг небо прочертили две гибких, огненных дуги, наполняя все вокруг бледно-розовым светом, и снова, уже не во сне, а наяву, загрохотало из лесу.

— Наши! Красная Армия! — ахнул Серега.— Эй, вставайте!

Но бабушка и Зишка уже одевались.

Серега, отодвинув засов, выглянул во двор. Сухая дробь автоматов перемежалась со звонкими, трескучими разрывами мин. Серега бросился в сарай и, разворотив поленницу дров, вытащил из тайника гранату.

— Быстрее! — крикнул он Зишке.— Красноармейцы же не знают, где эмтээсовский сарай!.. А ты, бабуш, не бойся. Мы мигом!

С размаху перескакивая через плетень, Серега глубоко провалился в рыхлый снег и увидел за стеной школы нескольких человек в маскировочных халатах с советскими автоматами в руках.

— Ур-ра Красной Армии! — крикнул он и, подтолкнув Зишку, бросился вперед.

— Ложись! — послышалось от школы.

Сережка распластался на снегу, прикрыв зачем-то полою своего пальто Зишкину голову. Она забарахталась, выплевывая снег, оттолкнула Серегу. Шапка его откатилась на несколько шагов. Серега хотел ринуться за шапкой, но тут острые фонтанчики снега вспенились как раз между теми, кто за школой спрятался, и открытым местом, где влепились в снег Зишка и Серега.

«Дык, дык...» — ударило где-то совсем близко. «Джи-джи»,— запели белые фонтанчики, сверляя острую пунктирную тропку в направлении ребят.

— Отползай,— потянула Серегу за валенок Зишка.— Отползай!

Пулеметный росчерк добежал вприпрыжку до самой вмятины, которую оставили в снегу Серега и Зишка, и замер: невдалеке сильно рвануло. Сверху на ребят посыпались комья снега и какие-то щепки.

Вскочив на ноги, они увидели, как метрах в сорока, за зданием ремесленного училища, медленно оседало лохматое облако взрыва. К нему бежали люди в белом, припадая изредка на колени или прямо с ходу строча короткими, ломкими очередями...

Но у Сереги и Зишки был свой путь, к гаражу. Они бежали...

На глаза лезет мокрый от пота клок волос, сердце стучит так гулко, что отдается в голове — вот как устал Серега! За ним пыхтит Зишка, валенки увязают в снегу.

И вот гараж — длинный, из толстых бревен, на воротах железные брусья крест-накрест.

Ворота эти совсем рядом. Только вот обежать дом с голубыми ставнями... Но что это? За домом разворачивается грузовик, и, выпрыгивая из кузова на ходу, четверо фашистов стаскивают пулемет...

Опять проклятый пулемет! Двое, подхватив полы шинелей, чтобы не мешали, бегут к воротам, а двое других плюхаются у машины и поворачивают пулемет в направлении сарая.

Лязгают железом ворота и раздается команда: «Раус!» И через какое-то время по этой команде «Выходи» появляется сначала один, потом еще один. И, наконец, целая гурьба своих, буяновских вываливает из ворот.

Солдат, упершийся в приклад пулемета, вскакивает на ноги и, сорвав пилотку с головы, бросает ее наземь и топчет ногами. Он что-то кричит, показывая в сторону выходящих из гаража людей.

«Да это же Макс, Колькин Макс!» — догадывается Сергей.

Но второй — тоже Колькин — Курт, плюгавый очкарик. Он разворачивает пулемет в сторону Макса.

За выстрелами не слышно, кричит ли Макс, падая в снег, кричат ли люди, замершие у черного зева сарая. Длинный свинцовый веер уже дошел и до них: первые в ряду падают...

Серега, ну, действуй!.. Эх, не поспели наши! Пальцы с силой рвут проволочную чеку, и граната, коротко хлопнув почти в руках, летит в очкарика.

— Получай, гад!

И тут же раздается взрыв, от которого у Зишки закладывает уши. Точно в немом кино, она видит, как беззвучно встает черный сноп дыма на том месте, где бил пулемет... Падает Серега...

Зишка слышит автоматные очереди, мимо нее пробегают люди в маскхалатах. Наши! И не красноармейцы, а партизаны, потому что первый, пробегая мимо Зишки, приказывает кому-то голосом Василия Самсоновича Ревка:

— Всех раненых и этого парня — в больницу, на Первомайскую!

«Ура!» — хочет крикнуть Зишка, но горло сжимает ей страх за отца, страх за Серегу...

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Какую игру ведет Иван Фридрихович? С кем он?

ГВАРДИИ ПОЭТ

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы и росли.
Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.
Ты увидел бой, Днепр отец-река,
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он, как герой.
Враг напал на нас, мы с Днепра ушли.
Смертный бой гремел, как гроза.
Ой, Днепро, Днепро, ты течешь вдали,
И волна твоя как слеза.
Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день настал, мы идем вперед
И увидимся вновь с тобой.
Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

Евгений **ДОЛМАТОВСКИЙ**

1941.

Александр РОДИМЦЕВ,
генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза

Наша первая встреча с Евгением Долматовским произошла в далеком 1939 году в Западной Белоруссии. Я только что окончил академию имени Фрунзе и был назначен помощником командира кавалерийской дивизии. С нашей дивизией участвовал в освободительном походе и молодой поэт. Помню, мы ночевали где-то под Слонимом в старинном польском замке. Утром поэт прочитал мне стихотворение «Полночь»:

Спят казаки на полу,
Радио поет в углу.
Джаз бубнит, и телеграф
Медленно гудит,
А с портрета старый граф
На меня глядит.
На стенах висят клыки.
По углам блестят штыки.
Радио поет в ночи,
Радио поет.
На Москву переключи,
Полночь настает...

Я спросил, когда он написал эти стихи. Ведь в них описан наш замок. Оказалось, что стихотворение написано этой ночью...

Второй раз мы встретились в самые тяжелые времена Великой Отечественной, когда из десантников формировалась 87-я стрелковая дивизия. Я был назначен ее командиром.

Морозным декабрьским утром 1941 года комиссар дивизии Федор Чернышев весело сообщил: «Товарищ полковник, у нас теперь будет свой поэт, Евгений Долматовский». Я сказал начальнику штаба: «Поставь его на все виды довольствия». Начальник штаба ответил: «В дивизии нет лишнего оружия». «У него все при себе — и каска, и противогаз, и автомат»,— успокоил комиссар.

Долматовский привез с собой две своих песни — «Моя любимая» и «Ой, Днепро, Днепро». Но оказалось, что солдаты их уже поют. Бойцы нашей дивизии, в прошлом авиадесантники, в августе 1941 года впервые отбросили врага от Киева. Поэтому им особенно близки были слова:

Из твоих стремнин ворог воду пьет,
Захлебнется он той водой.
Славный день придет, мы придем вперед
И увидимся вновь с тобой.

Сейчас эти строчки, я видел, печатаются с изменениями:

Славный день настал, мы идем вперед,
Мы увиделись вновь с тобой.

Вот такие прекрасные поправки внесли наши воины!

Наступающий 1942 год мы встречали вместе. Потом Долматовский уехал в редакцию фронтовой газеты и вскоре вернулся с радостной новостью: наша 87-я дивизия получила наименование 13-й Гвардейской. Я сказал ему: «Гвардии поэт, напишите марш Тринадцатой!»

И он написал. Но для сохранения военной тайны марш был напечатан как «Песня бойцов Родимцева», без указания номера гвардейской дивизии. Поэт знал: гвардейцы гордятся тем, что были авиадесантниками. В марше говорится об их славном прошлом:

Если будет приказ,
Все готово у нас
С неба смерть принести оккупантам.
Мы тряхнем стариной
И порою ночной
Обернемся воздушным десантом.

Марш пели на мотив песни «Если завтра война». Что ж поделаешь, композиторов в дивизии не было.

Снова мы встретились с Долматовским уже в Сталинграде. Он был непоседа, ему хотелось всюду побывать. Под Дубовкой поэт был ранен. Его отправили в Саратов. Но и в госпитале он писал. Стихи его со страниц газеты «Красная Армия» шли и шли к бойцам. Они даже были изданы отдельной книжкой, это, наверное, единственная книжка, вышедшая в те времена в Сталинграде.

В Сталинграде был и композитор Марк Фрадкин. Вместе с ним Долматовский написал песню о бойцах дивизии, о боях в цехах заводов и у вокзала, когда так и было, как в песне:

В последнего немца последней пулей
Стреляет последний боец.

26 января 1943 года мы волею судеб оказались на острие событий. Утром мне доложили, что на западе слышится рокот танков, стрельба. За Мамаевым курганом вроде бы русские голоса. Мы поняли: это идут долгожданные бойцы Донского фронта. Небольшой группой, человек семь (мы и санитарку на всякий случай прихватили), мы спешно отправились навстречу им.

Когда мы шли по Банному оврагу, нас крепко обстреляли немецкие автоматчики. Пришлось нам побарахтаться в снегу, поползать по оврагу. Долматовский кричал мне весело: «Старик, ты живой?» Прижимаясь к земле, я отвечал в тон ему, что мы, мол, народ военный, привычный, музами не изнеженный.

Когда мы наконец выбрались из зоны обстрела, поэт отрапортовал: «Чувствую себя нормально, по-гвардейски».

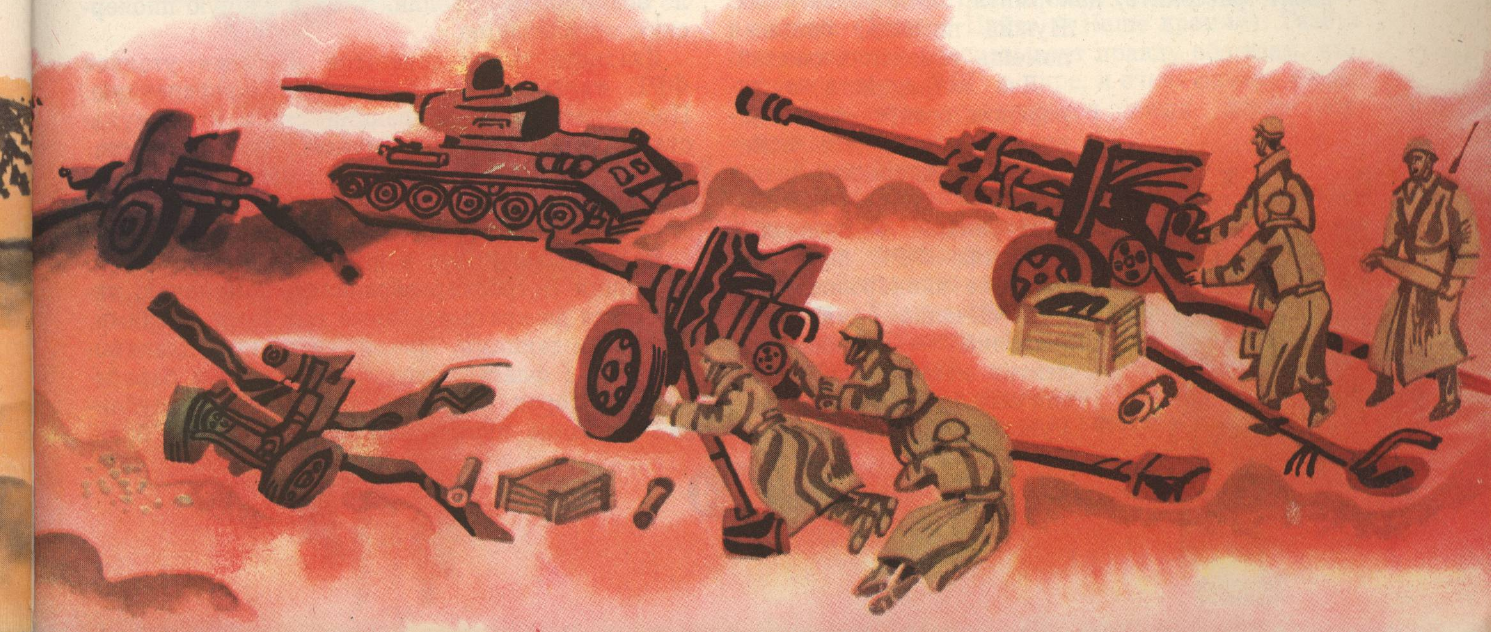
Тем же утром в 9 часов 20 минут воины Сталинградского и Донского фронтов встретились. Враг, находящийся в городе, был разделен на два «котла»: северный и южный. Обнимались комбаты, обнимались бойцы двух фронтов. Назавтра в газете были стихи Долматовского:

Стоят, обнявшись, комбаты, герои лихих атак,
В объятиях их железных раздавлен проклятый враг.

После сталинградской победы награждали отличившихся гвардейцев. В их числе боевой орден получил и наш поэт.

Конечно, старший батальонный комиссар Долматовский был поэтом не только нашего соединения, но мы считаем его и поныне гвардии поэтом 13-й Гвардейской дивизии.

Рисунки А. БОРИСОВА.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ
КЛУБ
«ТОВАРИЩ»

НОВЫЕ
ПИОНЕРСКИЕ
ОРГАНИЗАЦИИ

«Юные пионеры—социалистическая детская организация ФРГ»

Л. СИМОНОВА

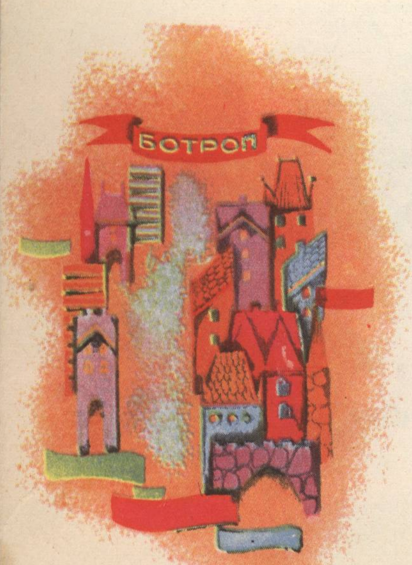
День рождения

Ботроп — небольшой городок в ФРГ. Он стоит на канале Рейн — Херне, и, как повсюду в Руре, здесь много шахт, где добывают каменный уголь.

Теперь этот городок, ничем особенно не примечательный, навсегда вошел в историю. 1 июня 1974 года здесь начала свою жизнь пионерская организация Федеративной Республики Германии.

Для проведения учредительной конференции выбрали Ботроп, потому что в городском совете тут два коммуниста. Это исключительно важно! Вовсе не просто собрать со всей республики ребят, расселить, накормить, организовать их. Нужна помощь, большая помощь городских властей.

Два коммуниста в городском совете — это надежная опора, это понимание, поддержка, успех дела.

И раньше в городах и деревнях ФРГ были небольшие пионерские группы: «Пчелка», «Красная свеколка» — каждый коллектив называл себя так, как ему больше нравилось. Руководили ребятами молодые коммунисты: рабочие, учителя. Ходили вместе в походы, в театр, в кино, говорили о прочитанных книгах, разучивали танцы и песни. Обсуждали политические события в мире.

Коммунисты внимательно следили за работой всех «Пчелок» и «Красных свеколок»: для коммунистической партии важно, чтобы дети коммунистов и сочувствующих им были организованы, собирались вместе, научились принимать единые решения, одинаково относиться к политическим событиям, происходящим в мире. Коммунистам необходима уверенность, что растет верная, надежная, преданная их идеям смена.

И вот наконец наступил момент, когда отдельные пионерские группы выросли, окрепли и стало возможным объединить их в единую пионерскую организацию.

Двадцать тысяч делегатов из всех уголков ФРГ съехались в Ботроп на конференцию. Председателем конференции избрали коммуниста, учителя из Дортмунда Ахима Кросса. (Ахим Кросс теперь возглавил организацию, которая называется «Юные пионеры — социалистическая детская организация ФРГ».)

Рассказывают, что в дни учредительной конференции Ботроп преобразился: помолодел, наполнился до краев детскими голосами, песнями, веселыми танцами. Цветы, гирлянды, плакаты, шествия с флагами под звуки горна и барабана — не город Ботроп, а пионерская республика. Создание пионерской организации — боль-

шое историческое событие, большой праздник!

В Германской Демократической Республике пионерия отпраздновала двадцатипятилетие. В ФРГ пионерская организация смогла появиться только теперь. И это результат огромных усилий и острой борьбы Коммунистической партии и Социалистической немецкой рабочей молодежи ФРГ.

Ребятам ФРГ не просто разобраться в событиях, которые происходят в мире. Печать, радио, школа делают все возможное, чтобы отвлечь их внимание от политики. На школьной скамье мальчики и девочки сталкиваются уже с социальной несправедливостью. Большинство из них не могут получить то образование, которое хотели бы. Они борются за равные права, за справедливость.

«Дети трудящихся,— сказал на учредительной конференции Ахим Кросс,— не вырастают под стеклянным колпаком, они вращаются в самой гуще противоречий и столкновений нашего времени. Они должны быть заблаговременно подготовлены к тому, чтобы стойко перенести все это и выстоять. Для этого детям нужны сильные друзья, которые уже начали борьбу за их права: организация рабочего движения и прогрессивной молодежи».

Пионерская организация в ФРГ поможет ребятам правильно разбираться во всем, что происходит в их стране и в мире, научит быть борцами за дело народа, сделает верными помощниками коммунистической партии. Создание пионерской организации — событие огромной политической значимости.

Председатель Федерального правления Германской коммунистической партии товарищ Герберт Мис сказал всем присутствующим на торжествах, посвященных созданию пионерской организации: «Мы говорим всем, кто хочет это знать: нам нужен не смирный, забитый ребенок, которым легко командовать, нам нужны юные друзья, юные патриоты, юные борцы».

Товарищ Герберт Мис от имени коммунистической партии поздравил ребят, повязал им красные галстуки. А ребята, как они говорят, в знак солидарности с коммунистической партией повязали галстук ее представителю, товарищу Герберту Мису.

Пионеры ФРГ будут носить белые блузы с такой же эмблемой, как на их красном галстуке.

«Пионеры выбирают своим символом красный галстук. Красный галстук — часть знамени рабочего класса,— подчеркнул Ахим Кросс.— Коммунисты и сознательные рабочие всегда высоко несли знамя. С ним одерживали они крупные победы и оставались верны ему в дни поражений. Красное знамя — символ всех, кто выступает за мир, дружбу между народами, за лучшее будущее трудящихся. Теперь этот красный галстук будет и нашим символом. Он соединит нас с миллионами пионеров во всем мире».

Собираться пионерские отряды станут раз в неделю. У каждого отряда два вожатых — один работает с младшими, другой — со старшими.

Учредительная конференция утвердила принципы юных пионеров:

1. Мы, юные пионеры, будем бороться за счастливое будущее детей.

2. Мы, юные пионеры, хотим жить в мире и бороться за него.

3. Мы, юные пионеры, будем выступать за взаимное уважение и любовь в семье.

4. Мы, юные пионеры, хотим быть знающими людьми и хорошо учиться, чтобы познать мир.

5. Мы, юные пионеры, будем уважать труд и учиться у трудящихся.

6. Мы, юные пионеры, будем хорошими, верными и честными друзьями, которые всегда готовы прийти на помощь.

7. Мы, юные пионеры, хотим быть здоровыми, заниматься спортом и играть в веселые игры.

8. Мы, юные пионеры, хотим работать вместе с теми, кто борется за благо детей.

9. Мы, юные пионеры, часть мирового пионерского движения, хотим дружить с детьми всех стран, быть солидарными с ними.

10. Мы, юные пионеры, друзья Социалистической немецкой рабочей молодежи, будем с теми, кто за мир, демократию и социализм.

Пионеры, будьте готовы!
Всегда готовы!

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Важное поручение

Михаэль смотрит в окно: на улице моросит мелкий противный дождь. Так не хочется вылезать из теплой квартиры на улицу. Но все это глупости: надо идти — значит, надо. И Михаэль перекидывает через плечо разбухшую от газет и писем сумку.

Отец Михаэля Томаса — слесарь, коммунист. От имени рабочих-коммунистов он просил сына помочь распространять газету коммунистической партии «Унзере Цайт» («Наше время»). Газета коммунистов рассказывает правду обо всем, что происходит в ФРГ, в мире, и очень важно, чтобы рабочие, все трудящиеся люди знали эту правду.

И вот Михаэль идет по улицам Манхайма, останавливается на людных перекрестках, подходит к заводским воротам.

— Покупайте газету коммунистов «Унзере Цайт»! — кричит он.— Газета коммунистов говорит правду!

Его куртка промокла насквозь. Холодный ветер, кажет-

ся Михаэлю, пробрался к самому сердцу, но он не уйдет домой, пока не продаст газету.

Сколько раз господа, которые не желают читать газету коммунистов, называли его «поросенком», «гаденышем». Как только не называли, пусть: он не уйдет со своего поста, пока не выполнит поручения. Важного поручения коммунистов. Потому что он, Михаэль Томас, пионер, член социалистической детской организации «Юные пионеры», и он этим гордится.

Аэродром у поселка

— Разве капиталистам есть дело до рабочих? — говорит Питер Ребергер, тоже пионер из Манхайма. И сам себе отвечает: — Нет капиталистам никакого дела до рабочих! Надумали построить аэродром прямо у рабочего поселка. Рабочие просили, требовали не делать этого: шутка ли, день и ночь будут грохотать самолеты! Но все напрасно. Тогда в поддержку рабочих выступили коммунисты. Решили послать петиции правительству. Собирать подписи под петицией поручили пионерам.

Казалось бы, чего проще: пришел в дом, вежливо объяснил, в чем дело, попросил поставить подпись — и все. Так нет же! Пришел Питер в один дом, хозяйка встретила его приветливо. Долго говорила, как скверно станет жить, когда то и дело будут подниматься в воздух и опускаться рядом с домами самолеты. Хвалила Питера: умница, что хочет помочь чужим людям. А потом неожиданно появился хозяин, видно, с работы вернулся.

— Кто такой? — сурово спросил у Питера.

— Пионер, — гордо ответил Питер.

— Пионер! — вдруг не своим голосом заорал хозяин дома. — Свинья! Как ты посмел притащиться в мой дом! Вон! И чтоб ноги твоей здесь никогда не было!..

Да, этот человек был против аэродрома, но гораздо больше он был против пионеров. Он ненавидел пионеров. И Питер еще раз понял, что быть пионером — значит быть членом политической организации. Быть пионером — значит бороться за дело коммунистической партии, Социалистической немецкой рабочей молодежи. И побеждать! Хотя это вовсе не просто.

***

Пионерская организация ФРГ «Юные пионеры» родилась совсем недавно, но она уже сумела стать надежным, боевым помощником коммунистической партии!

Счастливого пути вам, «Юные пионеры»!

Писать пионерам ФРГ можно по адресу: **«Юные пионеры», Ахим Кросс, 46, Дортмунд. Зонненшайнгассе, 8, ФРГ.** «Junge Pioniere», Achim Krooss, 46, Dortmund Sonnenscheingasse, 8, BRD.

Не забудьте адрес написать дважды: по-русски и латинским шрифтом.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

Л. БЕЛОУСОВА

«Вообще» помогать или?..

«Я предложила организовать в нашем классе тимуровскую команду. Ребята со мной согласились. Выбрали меня командиром. Сначала все работали хорошо. Но потом стало приходить все меньше и меньше народа. И теперь ходит только три человека. А почему, я не знаю...» Так написала в редакцию Лена Мазурова из Татарской АССР.

Я думаю: почему так получилось? Письмо коротенькое — трудно судить, что в этом отряде произошло. И я вспоминаю другой отряд. Дружный отряд, отряд-«старичок» — ему уже пять лет. Почему нужно разбирать причины неудач и не нужно знать причины удач? Почему все так здорово получается у моего знакомого отряда «Орленок» из села Ухманы, Чувашской АССР? Может, если я разберусь, это поможет Елене? И будет ответом на ее письмо.

*

Пять лет подряд командиром «Орленка» выбирают Колю Макарова, теперь он старшеклассник.

Вначале, когда мы с ним только познакомились, я подумала о Коле: «Разве таким должен быть командир?» Говорит тихо, стесняется. И вообще незаметный какой-то. Сразу не разглядишь. Подумала и ошиблась. Прежде всего — хороший организатор. Это очень трудно — руководить отрядом из семидесяти человек. Руководить без шума, суеты.

Он не кричит, не командует. И все его слушаются. Оттого, по-моему, что он, прежде чем отдать приказ, сто раз все обдумает и взвесит. И еще он очень любит младших ребят и они его тоже. Это, мне кажется, черта

настоящего командира: не надеяться только на старших ребят, которые уже все знают и умеют, а думать о младших, о тех, кто будет работать потом.

Очень важно для тимуровской команды, как и для всякого отряда, правильно выбрать командира. Человека серьезного, и нескучного, и, если хотите, заботливого. Который о каждом человеке в отряде думает.

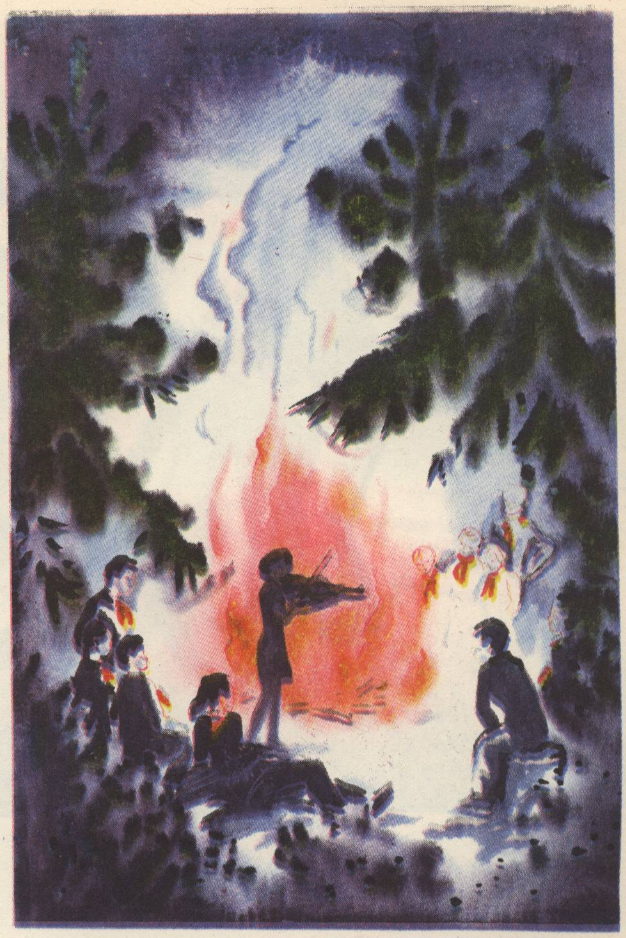
*

У каждого отряда есть план. Как записная книжка у каждого занятого человека: сделать то-то и то-то, не забыть о том-то... Теперь представьте на минуту: тимуровский отряд запланировал в понедельник пилить дрова. И пилит. Старушка несет тяжелую сумку — тимуровцы ничего не видят. Они по плану пилят дрова. Может так быть? Иногда бывает.

У отряда «Орленок» тоже есть план. Но, кроме этого, все ребята в отряде — люди самостоятельные, умеют ориентироваться в ситуации. Нужно срочно помочь — и они оперативно, не спрашивая разрешения командира, не заглядывая в план, действуют.

Однажды Толя Иванов услышал, как на ферме доярки жаловались друг другу: работы много, а времени мало. Так мало, что даже в библиотеку сходить некогда. И вот уже каждую неделю тимуровцы ходят на ферму, носят свежие газеты, новые книги. Забирают старые.

Или вот однажды Слава Трифонов вышел погулять. Проходит мимо дома тети Акулины. Ее дома нет. Заглянул в сарай — есть ли наколотые дрова. Дрова есть, но очень мало. Нашел топор и стал быстро работать, чтобы больше сделать до ее прихода. Только вдруг слышит: ворота скрипят. Слава испугался: тетя Акулина пришла, а он еще ничего не успел. Но пришла не тетя Акулина, а Гена Николаев из их тимуровского отряда. Сразу работа пошла веселее. Горка дров росла. На носу выступили капли пота. Мальчики не переставали работать. Кончили дело, оставили на дровах записку, а в ней одно слово: «Тимур» — и пошли домой.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

*

И все-таки всем вместе работать интереснее. Одному копать картошку скучно. Пять минут поработаешь быстро, потом — медленнее. Тоска. Во-он еще сколько копать! А если вас не двое, а двадцать человек?

Веселое это дело — всем отрядом копать огород у подшефной тети Кати! Я это точно знаю. Потому что видела, как тимуровцы работают. Постояла, посмотрела и не выдержала.

— Коля,— говорю командиру,— давай и мне лопату, я тоже хочу копать.

Но свободных лопат не оказалось. А свою, ясное дело, никто отдавать не захочет.

Пока я искала лопату, огород уже вскопали.

Тимуровцы собрались у ведер с водой — пить. Мне тоже хотелось пить, только кружку я взяла последней — неудобно все-таки: люди работали, а я...

Тимуровцы «Орленка» помогают своему колхозу. Часто случается так: решили ребя-

та помочь колхозу. И думают: как? Думают, ничего придумать не могут.

Тимуровцы «Орленка» считают: прежде чем взяться за дело, нужно знать заботы своего колхоза. Подойти к ним серьезно и по-хозяйски. И не «вообще» помогать, а делать именно то, что необходимо сегодня, именно здесь.

В Чувашии много оврагов. Издали они похожи на глубокие раны. Это действительно раны колхозных полей. Сколько можно было бы посеять и собрать хлеба, не будь этих оврагов! Вылечить землю, спасти урожай могут только леса. И отряд решил: каждый посадит пять деревьев. И тимуровцы сдержали свое слово.

*

На равных со взрослыми решают тимуровцы серьезные государственные задачи. И пользуются в селе серьезным, взрослым авторитетом. Но заслужить авторитет — это еще полдела...

Шли тимуровцы вечером по улице. Темно уже. И вдруг слышат в саду шум: хулиганы яблоки обрывают. Поймать никого не удалось, но тимуровцы решили дать хулиганам бой.

— Квакины — противники отряда, но они слабые,— сказал тогда Виталий Макаров.— Сердце Тимура больше сердца Квакина.

Тимуровцы организовали наблюдение за участками своих подшефных. И вскоре задержали хулиганов, обрывающих подсолнухи. Один из них оказался тимуровцем. Он был единогласно исключен из отряда. Дисциплина, авторитет отряда — прежде всего. Быть принятым в отряд — большая честь. Ею надо дорожить. А если не сберег?

Однажды вечером, когда тимуровцы работали у своих подшефных, к ним подошла девочка. Подошла, постояла. Взяла маленькую деревяшку и положила ее в поленницу. Потом взяла полено, но не донесла его до места, а бросила посреди дороги. Опять остановилась и стала смотреть, как работают другие.

Работа шла полным ходом. Вова Филиппов таскал чурбаки, Сережа Белоусов их раскалывал, Слава Трифонов подавал расколотые чурки Гене Николаеву. Гена сооружал красивую поленницу. А эта девочка никак не могла найти себе места: то за одно возьмется, то за другое. А командир Коля Макаров почему-то ей ничего не говорит. Она постояла, постояла и ушла.

— Коля,— не выдержала я,— откуда эта девочка?

— Люда, из 6-го «б»,— ответил он.— Просила принять ее в тимуровский отряд. Дали ей, как обычно, испытательный срок — две недели. Но... она не выполнила ни одного поручения: то не могла, то забыла, то не успела. Через две недели все единогласно решили: не

принимать ее в отряд. И не приняли. Люда приходит в отряд. Ее никто не прогоняет. Она уже понимает, что с нами интереснее. Научится работать — примем ее в отряд.

*

— По этой тропинке все время прямо, и придем,— сказал мне Слава Трифонов.

Я ему верю на слово, потому что никакой тропинки не вижу. Вижу только белое пятно впереди — его рубашку. За ней и иду. А Славе тропинку и вовсе не надо видеть: он эту дорогу с закрытыми глазами знает.

Черная-пречерная ночь. Мы перешли поле и вошли в лес. Лес шумит, как будто тяжело ворочается во сне отсыревшими листьями и ветками.

Где-то далеко голоса.

— Раз! — мы на вершине лесного оврага.

— Два! — сбегаем вниз.

— Раз! — наконец-то почти у нас под ногами, на поляне, костер.

— Два! — бежим вниз. Я еле успеваю обогнуть какие-то темные кусты. Вдруг они зашевелились и тоже побежали с нами. У меня от неожиданности даже дух захватило!

Только потом сообразила: и не кусты это были вовсе, а мальчишки и девчонки. В темноте мы их просто не разглядели.

Все ярче разгорается костер. Все шире становится поляна.

Тимуровский отряд «Орленок-13» собрался почти в полном составе. Нет только третьеклассников: им еще рано ходить ночью в лес. Отряд собрался не работать, как обычно, а отдохнуть и поговорить о своих делах. Но какой же костер без печеной картошки? Люда Садкова и Альбина Алексеева разгребают угли — вот она, картошка!

А это что за треск и шум? На поляну, словно в сказке, сама по себе вползает огромная вязанка дров. Чудеса! Приглядываемся — вязанку тащит Коля Макаров, командир отряда, и еще двое ребят.

Горит костер. Без таких костров, когда друзья собираются вместе поговорить, посидеть просто так, тоже не бывает настоящей тимуровской команды.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

ШТАБ ПРОСИТ:

Напишите, помог ли вашему отряду опыт отряда «Орленок».

Есть ли трудности в вашей работе?

Удачи?

Какие? Штаб ждет ваших донесений.

НАУЧНАЯ РАБОТА— С ПЕРВОГО КЛАССА...

Академик И. К. КИКОИН

Я считаю, что человек начинает заниматься научной работой с первого класса. В сущности, школьник и ученый занимаются одним и тем же: решают задачи и отвечают на вопросы. Только ученый решает задачи, до него никем не решенные, а школьник решает задачи, которые ему пока неизвестны, но ответ на них уже есть. Это тоже самостоятельная научная работа. Так к ней и надо относиться.

По-моему, у всех людей есть к чему-нибудь способности: только школьник может не сразу понять, способен он к математике или физике, к физкультуре или пению, к литературе или к биологии... Но я уверен, что каждый непременно может найти для себя один-единственный Главный предмет.

Мне было лет тринадцать, когда я понял, что мне по-настоящему хочется заниматься физикой и математикой. То, что мое призвание — физика, я решил позднее. Сейчас легко об этом говорить: выбор сделан. Но как понять себя? Как узнать, что тебя интересует?

Попробуй выяснить, на каких уроках у тебя возникает больше вопросов. Вопросы не возникают в двух случаях: когда все знаешь (чего практически не бывает) и когда предмет неинтересен. Чем больше возникает вопросов, тем лучше. И никогда не надо стесняться задавать их. Они не бывают ни смешными, ни глупыми, в любом вопросе есть своя логика. Древняя мудрость гласит: «Стесняющийся спрашивать не может ничему научиться». Мне повезло: у нас на уроках в школе не стеснялись спрашивать. Но уж если так получилось, что тебе неловко спрашивать: вдруг, мол, подумают, что вопрос глупый, смеяться станут, — надо все-таки набраться смелости и спросить. Первый вопрос — самый трудный. Чем больше интересует тебя физика или литература, тем больше воз-

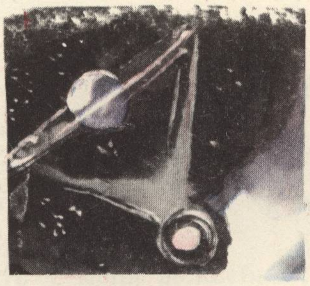
никает вопросов. Наука так и развивается: ученые отвечают на неразгаданные вопросы. Правильно поставленный вопрос содержит в себе половину ответа.

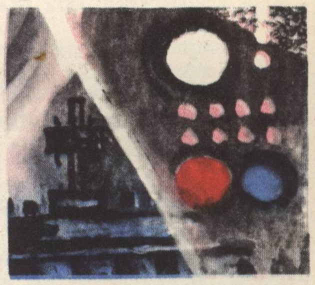
Интерес к наукам возникает по-разному. Увлечь каким-то предметом может хороший учитель, хорошая книга или хорошая статья. В школе я отвечал за физический кабинет и библиотеку, и это очень мне помогло заинтересоваться физикой. Но если даже ты выбрал свой любимый предмет, то не надо забывать об остальных. Математик и физик должны хорошо знать русский язык, правильно излагать свои мысли. Любому специалисту нужно знать историю развития государства. Без логики не напишешь удачного сочинения.

Способности — это хорошо. Но развить их можно только трудом. Увлеченное занятие любимым делом — не в тягость, но переутомляться не стоит. А главное, если вовремя отдыхать и придерживаться определенного распорядка дня, то успеть можно намного больше. Очень многие ученые соблюдают строгий режим. Когда немецкий философ Кант выходил на прогулку, жители Кенигсберга проверяли по нему часы. Русский физиолог Павлов ценил прежде всего точность и размеренность в жизни. Весь его домашний распорядок был расписан по минутам, и все члены семьи были обязаны строго соблюдать его. Мне это, к сожалению, редко удается.

Очень хорошо сочетать занятия наукой со спортом. Я говорю «наукой», так как мы уже договорились, что занятия школьника и ученого очень похожи. Можно назвать много имен ученых-спортсменов. Например, английский физик лорд Кельвин (Томсон) занимался греблей на восьмерке и был капитаном. Физика Нильса Бора любители спорта знают как боксера. Сам я занимался академической греблей.

Учебники, таблицы Брадиса, логарифмическая линейка, готовальня и микроскоп — твои друзья «В Стране знаний», в твоей самостоятельной научной работе...

Рисунки Г. ЧЕЛОВЕЧКОВА.

Хорошая память, конечно, намного облегчает занятия. Память надо тренировать. Заучивайте стихи наизусть, старайтесь больше вычислять в уме, запоминать даты. Все это хорошая тренировка для памяти. Существует специфическая память. Например, математики и физики легко запоминают формулы, но это не значит, что математикам следует тренировать память, запоминая только формулы, цифры, а гуманитариям — заучивать стихи. Мне тоже приходилось тренировать память, и я заучивал наизусть не только стихи, но и прозу. Начинать лучше с небольших упражнений, так как нагрузка на мозг при таких тренировках очень большая и можно сразу переутомиться.

Память не самое главное в изучении какого-либо предмета. Главное — это понять логику, последовательность изложения материала, что из чего вытекает и почему получается именно так, а не иначе. Запоминать механически, зубрить нет никакого смысла. Зубрежка ничего не дает, она засоряет и переутомляет память, зубрежкой память можно только испортить. Поняв логику предмета, главную идею, дольше помнишь.

Ну, вот и все советы. Читайте, думайте, увлекайтесь, больше задавайте вопросов, и учиться вам будет интересно.

«Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя

Вилена ЧИЖОВА живет в Киеве, учится в 7-м классе. Вилена сочинила стихи про своего дедушку и прислала нам в «Кораблик».

Мой дедушка

Мой дедушка сейчас пенсионер,
А раньше был он офицер.
Еще мальчишкой в восемнадцатом
году
Ушел он на гражданскую войну.

Он Врангеля бил, бил и Колчака.
Сильна была у дедушки рука.
В Отечественную
Фашистов дед мой бил
И первым он вступил в Берлин.

Сейчас вся грудь у деда в орденах.
Он храбростью их заслужил в боях.
И я горжусь, что у меня и у страны
Есть дедушка, прошедший две войны.

Алла ТЕРЕЩЕНКО прочитала книгу о старом партизане, и ей захотелось написать о нем стихотворение. Учится Алла в 4-м классе, живет в городе Карасуке, Новосибирской области.

Ночной бой

Вспоминал партизан седой
Тот ночной неравный бой.
Вспоминал он товарищей своих,
Мало кто остался ночью той
в живых.
Он как будто слышит
Голос пулемета.
Он как будто видит
Вражескую роту...
И на пионерском
Сборе у костра
Рассказал ребятам он
Про красных партизан.

Андрюша БЕЛЯЕВ из Липецка мечтает стать летчиком.

Лесной аэродром

На маленьком лесном аэродроме
Хрипло и натужно двигатель ревет.
На маленьком лесном аэродроме
Испытанье истребителей идет.

Пилоты летают очень много:
Каждый день по нескольку часов.
А потом уходят из ангаров,
Задвигают их ворота на засов.

Очень трудна испытателей работа.
Им приходится жизнью рисковать.
В воздух поднимается много
самолетов —
С каждым днем все выше,
все быстрей летать.

«Мы лепили снежную бабу, и я сочинила стихотворение».
Ира ВЕРШИНИНА.
Ире 13 лет, она живет в Московской области, в городе Балашихе.

* * *

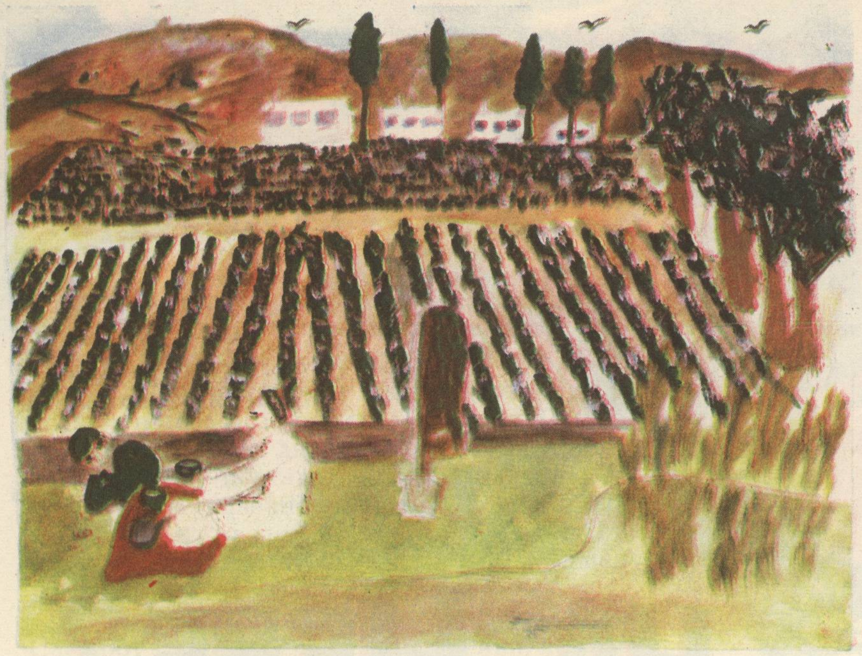
Утром рано я проснулась,
Удивилась: как светло!
Что за чудо? Нет, не чудо —
Это снегу намело!
Все вокруг красивей стало,
И деревья и дома,
Словно в сказку я попала
И волшебница сама.
Страшно снег потрогать даже,
Вдруг испорчу красоту!
Но уже через минуту
Бабу снежную леплю.
Все так радостно и звонко,
Словно ручеек журчит.
Вижу я: из-за пригорка
Брат с салазками бежит!

Вот еще стихи про первый снег. Они пришли из города Новошахтинска, прислал их **Володя ЗОЛОТАРЕВ**, шестиклассник.

Пушистая зима

Зимой сугробы белые
Нам вьюги принесли,
И снег пушистый падает
На голые кусты.

Кругом белым-бело, как в сказке,
Снег сверкает серебром.
Так и тянет нас в салазки
Прокатиться с ветерком.

«ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ НА КОЛХОЗНОМ ПОЛЕ».
Зоя КУДАЙБЕРГЕНОВА.

Все, о чем пишет **Алеша НЕЧАЕВ**, было на самом деле. Алеша живет в Куйбышеве, у него и сейчас есть ежик.

БОРЬКА

Прошлой осенью мы с папой в лесу нашли ежика. Взяли его домой и назвали Борькой. Сначала он убегал под диван и забивался в угол при нашем приближении, но потом привык, и мы тоже очень полюбили своего ежика. Спал он в том же углу под диваном, ел фрукты, мясо, но предпочитал блюдечко молока. Так он прожил у нас всю зиму. И вот в один весенний день мы поехали за Волгу и взяли Борьку с собой. Мы шли по цветущему лесу, слушали пение птиц, и на душе было радостно. Борька тоже чувствовал себя превосходно.

Вечерело, когда мы пришли к пристани. И вот, проходя через поле, я споткнулся о камень и выронил Борьку. Обернувшись, я с ужасом увидел, как из-под камня поднимается черная голова змеи с раздвоенным языком. На какое-то мгновение я растерялся и не мог решить, что мне делать. И вдруг я увидел, как мой Борька яростно бросился на змею. Между ними завязалась отчаянная борьба. Ежик, свернувшись в клубок, накатился на туловище змеи и каким-то неуловимым движением схватил ее за шею. Она отчаянно извивалась, скользя по его колючкам, а потом беспомощно распласталась по земле. Борька еще немного постоял над ней и, убедившись, что она мертва, с видом победителя заковылял в мою сторону...

Я был очень удивлен, что такой, казалось бы, медлительный и неповоротливый ежик так ловко расправился со змеей. После этого случая я еще больше привязался к моему Борьке.

Лене СОБОЛЕВОЙ 12 лет. Она из села Сева, Пермской области.

Пес и кот

Метель за окошком
Шумит и шумит.
В углу на лежанке
Кот Васька спит.

А около печки
Пес Тузик лежит
И по-собачьи
Себе говорит:

«Полно мне завывание
вьюги слушать!
Хочется мне колбасы
покушать!»
Подошел тут он
К Васькиной миске
И съел у него
Вкусные две сосиски.

Васенька проснулся,
Сразу спрыгнул к миске.
Очень удивился:
«Где ж мои сосиски?»

Котик оглянулся —
Песик облизнулся...

Наташа КАШУРИНА живет в городе Тавде, Свердловской области. Ей 11 лет, она мечтает стать актрисой. Стихи у Наташи веселые.

* * *

Есть у меня волшебник,
Волшебник карандаш.
Он нарисует сказку,
Сказку про царя.
А хочешь, нарисует
Он твое лицо.
А можно и штанишки,
Фуражку и пальто!
Еще он нарисует
Мне велосипед,
Чтобы я умчалась
Прямо в «Пионер»!

«ЛЕТЧИК ИДЕТ НА ТАРАН».
Саша МЫСИК. 12 лет.

ПЯТИЛЕТКА,
ГОД ЗАВЕРШАЮЩИЙ

— Как на Неве? — Чистая вода!

Галина ГЕОРГЕ

Корабли науки, мощные красавцы танкеры, работяги сухогрузы, изящные чистюли пассажирские суда — такие они все разные, ходят по всем морям и океанам, а родились в одном месте. В Ленинграде, на Васильевском острове. Вон у каждого из них эмблема — якорек, вписанный в шестеренку, а рядом буквы «Б» и «З», Балтийский завод. Его отличные суда знает весь мир.

Это похоже на работу закройщика. Только вместо материи — толстая сталь, вместо раскройного стола — громадные площади цеха, а вместо ножниц — современная техника. Первый цех будущего корабля — этот, корпусо-заготовительный. Здесь идет раскрой металла. На чистом полу в натуральную величину краской чертят детали судна. По чертежам делают из фанеры шаблоны (то есть выкройки), а по шаблонам уже вырезают из металла все, что надо.

Работают в этом цехе РАЗМЕТЧИКИ И ГАЗОРЕЗЧИКИ То, что разметчик вычертит, газорезчик выкроит.

В. К. Кучумов, очень опытный разметчик, однако и ему не по силам некоторые чрезвычайно сложные детали современных судов. Тут балтийцам помогают электронные машины с программным управлением.

Долго наш фотокорреспондент искал мелкие детали в этом цехе, а то ведь все гигантские раскраивают, что не вмещаются в кадре!

Перед выходом в море.

Чтобы быстро шла сборка, не путались детали, рабочий надписывает на них мелом номера, готовит их для следующего цеха, корпусо-сборочного, где возьмутся за них СУДОСБОРЩИКИ и СВАРЩИКИ. И здесь уже из груд стальных листов, прямых и изогнутых, таких невыразительных, соберут секции —

части корабля, и засветится, забрезжит его образ.

Придет силач трактор «Кировец», кран погрузит на его платформу секцию (тонн в пятьдесят!), и поедет он в стапельный цех. Первой станет на стапель днищевая секция, и на нее СБОРЩИКИ поставят вторую, третью, а СВАРЩИКИ навечно соединят их меж собой, а ПРАВЩИКИ выправят вмятины, уберут бугорки — бухтины, чтобы был корабль красивым да гладким.

Потом придут на стапель ДОСТРОЙЩИКИ. Сделают трапы, леерные ограждения, вставят иллюминаторы.

СУДОВЫЕ МОНТАЖНИКИ станут начинять корпус корабля механизмами... И наступит день праздника для всего завода — спуск корабля на воду. Даже те, кто всю жизнь работает на Балтийском, клянутся: сколько ни видишь такое — всегда волнуешься!

За сутки до спуска под корабль подкладывают клинья, смазывают его днище специальными жирами, чтобы от трения, когда он заскользит со стапеля к воде, не возник пожар.

В день спуска все собираются на берегу. На корабле может находиться только СПУСКОВАЯ КОМАНДА. СТАРШИЙ СТРОИТЕЛЬ (человек, который отвечает за все работы на корабле,— и сборочные, и монтажные, и отделочные) переговаривается по радио с диспетчером:

— Как на Неве? Как на Неве?

— Чистая вода! — отвечает диспетчер.

— Товарищ директор завода! — говорит старший строитель. — Разрешите спустить судно на воду!

— Разрешаю!

Лучший газорезчик завода перерезает стальную балку — задержник, корабль мчится, словно с горки, и входит в невскую воду.

И в этот миг все суда и суденышки, какие только есть на воде и у причала Адмиралтейского завода, начинают гудеть изо всех сил:

— Привет тебе, новый товарищ!

— Здравствуй, друг!

— Счастливого плавания!

Однако до плавания еще далеко. Корабль пришвартуется к достроечной стенке. И снова МОНТАЖНИКИ, ДОСТРОЙЩИКИ, СТОЛЯРЫ, МАЛЯРЫ, МЕХАНИКИ несколько месяцев будут заканчивать монтаж механизмов, украшать, проверять, испытывать.

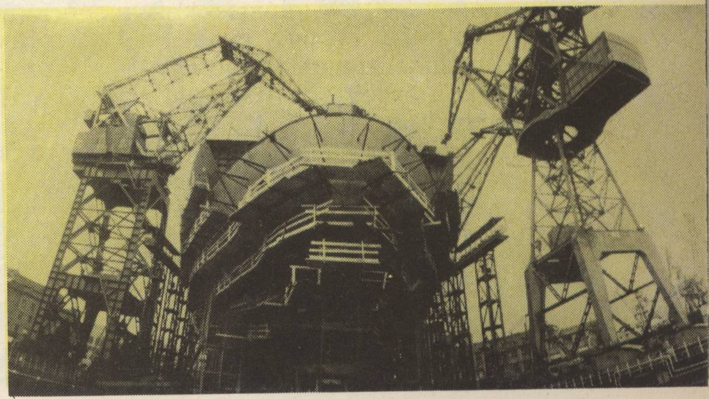
Однажды на борт поднимется СДАТОЧНАЯ КОМАНДА. Корабль отправится в свое первое плавание — на ходовые испытания. СДАТОЧНОМУ КАПИТАНУ и всей его команде (а в ней не только матросы, но и инженеры, и монтажники, и маляры — ведь это испытательное плавание, в нем сразу исправляют недостатки, если обнаруживают их) предстоит не много пройти дорог вместе с судном, но зато они — первые.

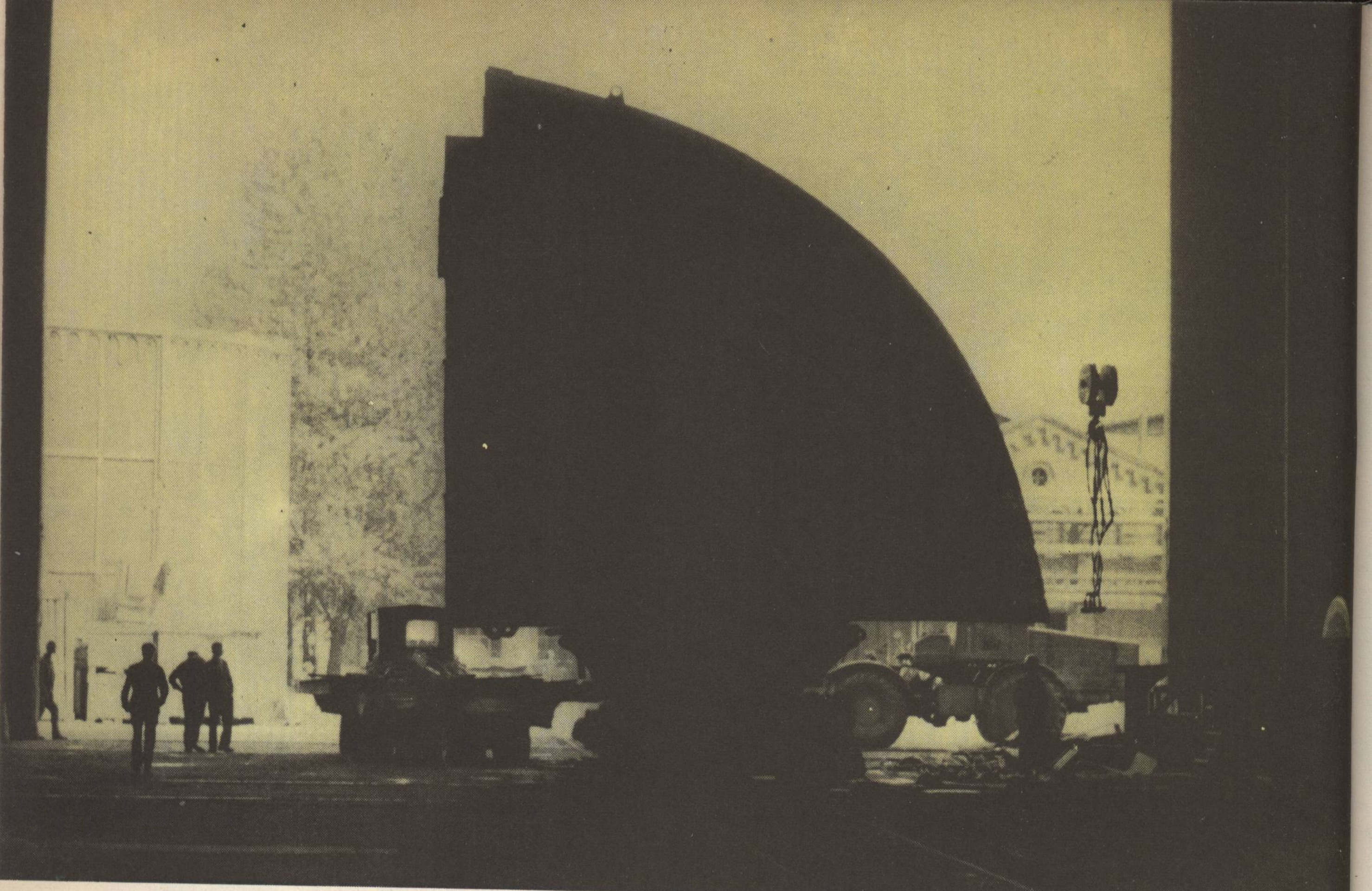
Остается ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ. Она расспросит обо всем СДАТОЧНУЮ КОМАНДУ, прочтет все записи в судовом журнале, даже вскроет все механизмы и заглянет в них... И позволит отпустить корабль в БОЛЬШОЕ ПЛАВАНИЕ.

И опять все соберутся на берегу. Взовьется на мачте флаг, советский или кубинский,

Фотографии В. АРСИРИЯ.
Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Скоро этому кораблю плавать по далеким морям.

Готовая часть судна отправляется ча стапель.

За работой один из старейших рабочих завода, разметчик В. К. Кучумов.

болгарский или ГДР, норвежский, шведский, ФРГ — балтийцы строят суда для многих стран. Кораблестроители помашут на прощание рукой своему детищу... И всем станет немного грустно...

А В ЭТО ВРЕМЯ на стапель, где строится другой корабль, поднималась бригада Федора Васильевича Вишнякова, прославленного человека, Героя Социалистического Труда. А может, бригада Василия Александровича Смирнова, тоже Героя Труда, делегата трех партийных съездов, члена Центрального Комитета нашей партии. Это он на фотографии с двумя своими учениками. А вообще их у Василия Александровича сотни. И все они, как и бригадир, сильные и крепкие, с бронзовыми лицами — от летнего солнца на стапеле, от зимних ветров.

А В ЭТО ВРЕМЯ в ворота завода вошли гости и друзья, будущие моряки, курсанты Военно-морского училища. А на стапеле принимали в комсомол пионеров подшефной школы.

А красные следопыты забрасывали вопросами рабочих-ветеранов:

— Расскажите, как вы тут в войну, под бомбежками, суда для фронта ремонтировали?

— А как организовали профилакторий для истощенных людей?

— Про то, как в ополчении воевали — под Гатчиной, под Лугой, на Невском пятачке!

— Про партизанские отряды!

А В ЭТО ВРЕМЯ в цехе гребных винтов, как обычно, делалась продукция для всех судостроительных заводов нашей страны.

А в заводских училищах — ПТУ-30 и ТУ-14 мастер объяснял ученикам:

— Вот разметчик — рабочая профессия, но без геометрии, математики, черчения в ней шагу не сделаешь! Деталь ведь без расчета не вычертишь!

В цехе гребных валов мастер проверял токаря: нет ли в стальной махине, которую парень обтачивал, отклонения от нормы в... несколько микрон. Не надо ли воспользоваться специальными резцами, которые изобрел токарь этого цеха, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель Ленинградского совета новаторов Алексей Васильевич Чуев?

А В ЭТО ВРЕМЯ с берега помахали прощально рукой самому крупному в мире ледоколу — «Арктика», или танкеру для Индии «Бхагат Сингх», или рудовозу для Норвегии «Ренате», а в конструкторском бюро на ватмане появилась первая линия — контур завтрашнего корабля.

Первый цех будущего корабля — корпусозаготовительный.

Бригадир судосборщиков — Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС Василий Александрович Смирнов со своими учениками В. Васильевым и С. Иштиным.

Это цех гребных винтов корабля.

Альберт **ЛИХАНОВ**

Мой генерал

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Часть третья

Привилегии

Класс переменился.

Перед уроками все мальчишки подходили ко мне поздороваться по петушкам — это было признаком высшего уважения, а девчонки улыбались мне в любую секунду перемены или урока.

Сначала я чувствовал неловкость, будто что-то сидело во мне, какая-то заноза. Потом заноза рассосалась, я привык и вообще стал замечать, что жизнь моя улучшилась. «Пары», конечно, и теперь иногда проскакивали. Но не так, как раньше. Те-

перь учителя ставили их с оговорками. Целые речи произносили. Как же, мол, ты, Антон, можешь такое себе позволять? Ну ладно, дескать, был бы неспособный человек, а то ведь не только без двоек, но даже и без троек можешь учиться.

В общем, все было бы прекрасно, если б не Кешка и Алька. Кешка не здоровался по петушкам, а буркал неохотно: «Привет». Алька не улыбалась мне каждую секунду. Наоборот, они словно сговорились и поглядывали на меня как-то недоверчиво, что ли. С каким-то сомнением.

Я их понять не мог. Что с ними случилось? Ведь я-то остался таким же, как и был! Однажды у меня даже мелькнула нехорошая мысль: неужели завидуют? Нет, не такие люди Кешка и Алька, чтобы завидовать неизвестно чему. Тому, что ли, что дед у меня генерал? Вот глупость-то! Ведь я же тут ни при чем.

Я отогнал эту мысль, да ненадолго. Както раз я проходил по коридору, а Кешка и Алька стояли у батареи. И когда я прошел мимо них, услышал вдруг Кешкины слова. Слова были обидные, и сказал их Кешка обидно:

— Без лампасов, а вылитый генерал!

Это слово — «генерал» — он произнес как бы с большой буквы. Я словно споткнулся.

Я не верил своим ушам, не верил, что Кешка, мой друг Кешка, способен на такое предательство.

Я глядел на Кешку, чувствовал, как горят мои уши, и видел его взгляд — пустой, будто он и не видит меня, а смотрит сквозь стекло. Алька усмехалась...

"Генерал"

Теперь меня звали Генералом.

Кешка и Алька молчаливо хмурились, а остальные произносили новую кличку приветливо, с уважением, и я успокоился... Генерал! Мон женераль! Не так уж в конце концов плохо. Не то что, к примеру, Газовый Баллон.

Газовый Баллон сник. Не хрюкал больше. Ждал, когда я с него «американку» потребую. И как потребую — при всех, с позором, или один на один. Я часто ловил на себе его взгляд — тревожный, будто просящий о чем-то. О чем? Ясное дело: я теперь Генерал, а он как был Газовый Баллон, так им и остался. Стоило мне захотеть, и я его

Анна Робертовна стояла посреди комнаты и пела...

как угодно высмеять мог. За что угодно. За любой пустяк. Хотя бы за то, что он не смеется, а хрюкает. Ничего не стоило мне сменить его прозвище — Газовый Баллон на другое какое-нибудь, пообиднее. Нюф-Нюф, например. Был такой герой в «Трех поросенках». Но не делал я этого. Что-то меня удерживало.

А события развивались. Однажды вечером я шел в библиотеку. И носом к носу, под самым фонарем, столкнулся с нашей пионервожатой Галей. Она покраснела, увидев меня, хотя это было глупо. Она покраснела, потому что шла не одна, ее вел под руку монтажник Борис Егоров. Все в школе знали, что Егоров — Галин ухажер, никакого секрета тут нет. Но Галя стеснялась, всегда гуляла с Борисом по самым закоулкам и бездорожью.

Так вот, я столкнулся с ними под фонарем, хотел шмыгнуть в темноту, пока они меня не разглядели, но Галя уже покраснела, остановилась и завела со мной разговор, хотя для нее же лучше было бы меня не заметить.

— Здравствуй! — сказала Галя, хотя днем мы виделись в школе. Она замолчала, переступая с ноги на ногу. Я уж совсем было собрался нырнуть в темноту, но Галя вдруг бухнула: — Скоро примем ваш класс в пионеры. А Борис Егоров,— она указала на монтажника, будто его не знала в нашем поселке последняя собака,— а Борис Егоров будет у вас вожатым.

Я ухмыльнулся. Галя хотела оправдать свои прогулки с Борисом. Я взглянул на монтажника. Тот ничуть не разделял Галиного смущения.

— Слышь ты, как тебя? — сказал он, сверкая зубами.— Передай народу, чтоб посображали заранее, понимаешь? Кандидатуру начальника отряда!

— Председателя совета! — ужаснувшись, поправила Галя.

— Ну, в общем, понимаешь! — хохотнул Борис.— Командира! Генерала!

Меня словно ошпарило кипятком. Генерала?

Нет, Егоров, конечно, не знал моей новой клички — откуда? Просто у отряда должен быть председатель. Командир. Генерал, как пошутил Галин ухажер.

Я шагал домой и хмыкал себе под нос: «Хм-хм!» В конце концов, думал я, у меня есть привилегия: мой дедушка — генерал! А я дедушкин внук! И ведь должна же в моих жилах бежать генеральская кровь! Да что я, с отрядом не управлюсь? Хм-хм!

Оставалась мелочь. Избрать себя председателем совета отряда. Вот только как? Хорошо в Америке — захотел, сам свою кандидатуру выдвигай. А у нас — неловко как-то. Но тут мне пришла счастливая идея. Есть же человек, который передо мной виноват, который как бы мой должник. Сказать ему, да и дело с концом! Я совсем громко захмыкал: действительно неудобно. Но я себя убедил: удобно! «Взялся за гуж, не говори, что не дюж!» Стыдиться нечего. Стыдиться стыдно.

Чем больше я себя убеждал, тем неубедительней получалось. Но через себя переступил — есть такое выражение. На большой перемене отвел в угол Кирилла Пухова и, заикаясь, объяснил ему свое первое желание. Злой Демон оживился.

— Будь спок! — воскликнул он.— Не сомневайся.

— Но об этом никто не должен знать! — сказал я как можно более угрожающе.

— Это второе желание? — спросил радостно Газовый Баллон.

«Ну выжига!» — подумал я, но согласился.

— Клянись! — потребовал я.

— Это третье? — засмеялся он счастливо и вздохнул, будто сбросил тяжелый груз.

— Третье! — хмуро подтвердил я и погрозил ему кулаком.

Злой Демон облегченно ухмылялся.

А мне стало тошно. Что-то изнутри меня давило, какое-то сомнение. Но я не знал, какое...

Выборы

Первый сбор получился очень торжественным, потому что мы еще не остыли после линейки. Лица у всех были розовые, галстуки непривычно сжимали горло, глаза блестели. Все казались праздничными и растерянными, поэтому, когда Галя спросила, какие кандидатуры на пост председателя, все начали переглядываться. Сердце у меня сжалось: а если Пухов не успеет, растеряется и выберут другого? И что только случилось со мной? Какой такой Злой Демон в меня вселился?

Я хотел, смертельно хотел стать председателем совета отряда, носить красные лычки на рукаве и командовать классом. Я считал, что имею на это право: ведь дедушка у меня генерал, не то что у Кешки, к примеру, у него дед всего-навсего старший сержант. Да о чем говорить! Мой дед был самым главным из всех родителей и дедушек нашего класса.

Ясно, ясно, все было ясно, да только сердце все равно у меня колотилось, и я впился взглядом в Газового Баллона.

Пухов, наконец, поднял руку, медленно, как в замедленном кино, поднялся с места и пошевелил губами. Я услышал свое имя.

Класс загомонил, мальчишки и девчонки хором соглашались с Пуховым, только Кешка и Алька молчали...

— Эй, потише! — прикрикнул Борис Егоров.— Лучше объясните, почему предлагаете эту кандидатуру.

Борис Егоров смотрел на Галю, Галя отводила серые глаза, хмурилась, делала строгий вид, но ничего у нее не получалось, не выходил у Гали строгий вид — она всего год, как сама нашу школу окончила. А Егорову было в общем-то все равно, почему выдвигают мою кандидатуру. Он спросил просто для порядка. Да и вообще он не про сбор думал...

— Как же! — ответил ему Пухов.— У него дедушка генерал.

— Генерал? — машинально переспросил Борис, все еще глядя на Галю.— Ах, генерал? Какой генерал? — удивился он, разглядывая меня с интересом.

— Генерал-лейтенант,— сказал я с достоинством.— Но разве в этом дело?

Класс затих. Егоров смутился. И тут вскочила Галя.

— Конечно, не в этом,— воскликнула она с жаром, и щеки ее порозовели.— Тебя председателем и без дедушки избирают. Верно, ребята?

— Верно! — заорали ребята. А когда все стихли, я услышал Кешкин голос:

— Нет, неверно!

Я медленно поднялся. Все кипело во мне. Я обернулся к классу — к мальчишкам, которые жали мне петушка, к девчонкам, которые всегда охотно мне улыбались. Я увидел их глаза, доброжелательные улыбки и произнес каким-то противным скрипучим голосом, вперив в Кешку свой взгляд:

— А тебе что, завидно?

В классе повисла тишина.

Я хотел сдержаться, взять себя в руки, но ничего не вышло. Злой Демон понес меня под гору.

— А тебе завидно? — повторил я и неожиданно прибавил: — Старший сержант.

Кешка посмотрел на меня.

Он только посмотрел на меня, а я готов был провалиться в тартарары сквозь землю.

Боже! Какой позор!

Я нашел глазами Кирилла Пухова, но он понял мой взгляд по-своему. Он кивнул мне, выполняя обещание, и крикнул:

— Да чего там, голосуем!

Лес рук взметнулся кверху, избирая меня председателем...

Вечером мама устроила торжественное чаепитие. Купила торт. Накрыла стол нарядной скатертью.

Я пил чай и чувствовал, как разглядывает меня дедушка. Поглядывает потихоньку — то исподлобья, то сбоку. То встанет покурить и смотрит в затылок. Будто он что-то чувствует. А вдруг узнает? Или просто спросит?

Мама смеется, шутит, говорит о чем-то с папой, а мы с дедом молчим.

Когда укладывались спать, он опять молчит. Только вздыхает. Дает мне возможность высказаться. Но я не хочу высказываться. Мне нечего ему сказать. Наконец дед не выдерживает.

— Пошепчемся? — говорит он тихонько.

Я сжимаю губы, даже перестаю дышать. Я не шевелюсь, будто сплю, а сердце грохочет, грохочет во мне. Будто я вор какой. Будто я что-то украл...

Анна Робертовна

А дедушка вел себя странно, очень странно.

Может, я, конечно, сам в этом виноват. Промолчал бы, не рассказал про выдумку Анны Робертовны, глядишь, все было бы нормально. Хотя, как знать... Встретились бы где-нибудь на улице, дед и без меня бы узнал.

В общем, дело было так.

Как-то пришел я на французский. Дверь у Анны Робертовны не закрыта была. Просто притворена. Звонить не пришлось. Я вошел, разделся. Какие-то голоса слышались из комнаты — мало ли, соседи зашли... Но тут вдруг запели. Анна Робертовна запела. Я в комнату заглянул и обомлел.

Диван раздвинут. На диване три подушки лежат. И три скомканных одеяла. Анна Робертовна посреди комнаты стоит, под самым абажуром, головой кисточек касается. Дирижирует сама себе костлявыми руками, пританцовывает и поет:

Отцве-ели уж ж давно
Хризанте-емы в саду-у,
А любо-овь все ж-живет
В моем се-ердце больно-ом!

Я комнату оглядел — кому это она? Сама себе, что ли? И чуть не упал. Нет, не сама себе. Перед ней, у стенки, в рядок, сидят на трех горшках три розовых младенца. Щеки помятые, видно, после сна. Улыбаются Анне Робертовне. Молчат.

Я в себя пришел:

— Бонжур, Анна Робертовна!

— Ох! — вздрогнула она.— Как ты меня напугал, Антоша!

Малыши захныкали, Анна Робертовна бросилась к ним, но ребята были бойкие, сразу видать — строители, сорвались с горшков и разбежались. Пришлось мне Анне Робертовне помогать, малышей ловить, приводить их в порядок. Вот никогда не думал, что придется таким заниматься! Анна Робертовна вся взмокла.

— Шер енфан! — кричала она. Мои дорогие дети, значит. Но «енфаны» не слушались, неорганизованная, видать, была публика. Один ревел, второй на пол лег, третий одеяло тащил с дивана.

— Это я,— сказала Анна Робертовна,—

по совету твоей мамы, помнишь? Пока дождешься своего внука! Вот и решила высвободить трех молодых матерей из нашего дома. Но не знаю, как управиться? Может, много сразу взяла? Может, надо было двоих?

Анна Робертовна была возбуждена, щеки ее горели, глаза за стеклами очков походили на яркие фары.

— Антоша! — воскликнула она.— У вас нет соответствующей литературы? Может, у мамы осталась? С той поры, когда ты был маленьким?

Я обещал поискать соответствующую литературу. И завтра занести. Похоже, французский теперь отменялся. Кажется, навсегда. Я помог Анне Робертовне сварить манную кашу. Помог покормить с ложечки ее огольцов. Выстирал их штанишки, развесил на батарее.

Анна Робертовна ощущала угрызения совести. Про кашу и штанишки она пыталась говорить со мной по-французски. Но это были слабые попытки. Я ее старался не понимать. Переспрашивал по-французски:

— Кес-ке се? — Что такое, значит. И она переводила себя на русский. Объясняла, что надо сделать. Когда я уходил, пацаны утихомирились. Сидели на диване, бузили и вразнобой гремели побрякушками. Анна Робертовна опять стояла посреди комнаты, размахивала руками и снова пела про хризантемы. Я заглянул в комнату и посоветовал:

— Им не это надо!

— А что? — обрадовалась Анна Робертовна.

— Что-нибудь педагогическое, — сказал я.— «В лесу родилась елочка», например.

— Ого, Антоша! — воскликнула она.

Я хмыкнул. Ведь если «ага» — хозяин, то «ого» — вообще ничего.

Домой я драпал бегом. Еще в прихожей, впопыхах, рассказал деду. Он не засмеялся. Покачал головой. Подумал.

— Вот тебе и Анна Робертовна,— сказал.— Молодец!

И затих на весь вечер.

А через день или два я увидел поразительную картину

По улице шла Анна Робертовна и катила перед собой детскую коляску, но бог с ней, с Анной Робертовной. Рядом шагал дед в своем коричневом пальто. И катил перед собой сразу две коляски! Это было не такто просто, катить одновременно две коляски, дед пыхтел, поворачивал то одну, то другую и вовсе не смущался! А напротив! Весело смеялся! Прохожие оглядывались на странную пару — дело было как раз после смены.

А мне... Мне стало стыдно за дедушку. Как ему не совестно только, думал я. Генерал катает коляски!.. Если б ребята узнали, обсмеяли бы меня за такого генерала.

Воскресник

Сперва дед катал чужие коляски, а потом стал кладовщиком. Я даже заплакал, когда узнал об этом. Позор какой...

Но вначале был воскресник.

Зима уже пришла. Поселок наш снегом засыпало. Пушистым, мягким.

Зимой красиво, но мне не до красот. Что-то во мне ноет, болит, настроение паршивое.

Перед Новым годом Галя мне объявила:

— В воскресенье — общий воскресник! Для тебя первое мероприятие. Не подкачай!

Я не обрадовался. Мечтал командовать классом, а теперь никакого желания нет. Клял себя почем зря. Не пришла бы ко мне эта дурацкая мысль, не подкупил бы Газового Баллона в «американку», все было бы нормально. И с Кешкой по-прежнему дружил, и Алька бы на меня не косилась. Но отступать некуда!..

...Нашу школу направили на пустырь. Его расчистить требовалось. Под какой-то там объект, толком неизвестно. Расчистить так расчистить. Учителя с ломиками ходят. Мы лопатами снег разгребаем. Бульдозер нам помогает. Мороза особого нет. Дышится легко, весело. Хорошо! Я даже забыл свои мучения. Махал лопатой и никем не командовал.

Галя и Егоров рядом со мной работают. На них смотреть забавно. Борис Галю то за руку возьмет, то остановится и смотрит на нее, как загипнотизированный, ни на кого не обращая внимания. Галя смущается, руку вырывает, приказывает ему делом заниматься. Егоров кивает послушно и лед ломом так крушит — только брызги летят.

И тут я увидел деда. Одет он был как все, в телогрейку. На голове — лохматый отцовский треух, на руках варежки из собачьего меха.

Дед подходил к моему отряду, и с каждым его шагом хорошее мое настроение исчезало все быстрей и быстрей. Нет, вовсе не так представлял я себе этот момент. Дед в форме, ребята им любуются, ордена сверкают, позументы горят и кругом шепот: смотрите, смотрите... А тут шлепает какой-то старик — в валенках с загнутыми голенищами, с ломиком на плече, и видно, что ломик ему плечо оттягивает.

— Как дела? — спросил меня дедушка, приглядываясь к ребятам. Но мало кто обратил на него внимание. Все старались, работали. Только Газовый Баллон, как всегда, начеку. Глаза выкатил, уши торчком.

— Ничего,— неохотно ответил я,— трудимся.

— Ладно,— кивнул он,— меня ждут, пока...

Он двинулся дальше по снежной площадке, а Газовый Баллон уже мне в глаза заглядывает.

— Он? — спрашивает.— Генерал?

Бывает, человек необъяснимые поступки совершает. Сперва выкинет какое-нибудь коленце, потом сам же объяснить не может. Так и я. Пожал плечами и фыркнул:

— Вот еще!

И тут же покраснел. Вот тебе раз! От собственного деда отказался! А тут еще Галя приветливо мне рукой машет и кричит на всю площадку:

— Рыбаков! Антоша! Это и есть твой дедушка?

Я краснею все больше, а народ наш уже лопаты покидал, смотрит вслед деду и обсуждает, прямо базар какой-то.

«Не может быть!.. Генералы не такие».

В висках у меня кровь, наверное, вскипела. Глаза чем-то черным заволокло. Темный народ! Понимали бы чего! Да еще сам я... Вихрь какой-то во мне возник, циклон, самум, цунами. Я, наверное, побледнел от отчаяния. Мне расшвырять всех хотелось. И тут я вспомнил про свое командирство. И заорал:

— Эй вы! Заткнитесь!

Сразу стало тихо. И Алька многозначительно сказала в тишине:

— Ого!

И тут вдруг ожил Газовый Баллон. Он сорвался с места и погнался за дедом. Я видел, как дедушка остановился, кивнул Пухову, посмотрел на нас издалека, что-то сказал и пошел себе дальше, а Кирилл уже несся назад. Он подбежал к нам, убавляя скорость, потом перешел на шаг, уперся в меня, как колом, своим взглядом:

— Гони назад «американку»!

Я стоял белее снега. А Газовый Баллон заорал, обернувшись к классу:

— Он от деда отказался! Но это его дед. Только никакой не генерал, а простой пенсионер. Сам сказал.

Я будто под пулеметными очередями стоял: со всех сторон меня насквозь простреливали. И первой расстреливала Алька. Не знаю, какие глаза у судей бывают, наверное, такие, как у Альки. Холодные и надменные. К горлу что-то подкатило, и я сорвался. Заревел — почему-то басом! — бросил лопату и пошел, увязая в сугробах, домой.

Встреча

Перед сном, в темноте, дед сказал:

— Сегодня один гражданин из вашего класса мою личность выяснял. Спрашивает: «Вы генерал?» Я подумал: раз у меня выясняют, значит, ты мной не козыряешь. Правильно. А то за чужой-то спиной нетрудно жить. Есть такие, видал не раз. Чужой славой пользуются и глаз не жмурят.— Он зевнул, добавил сонным голосом: — Ну, я и отказался. Говорю: «Пенсионер я!» Как полагаешь, правильно поступил?

Я сжался весь. Вот оно в чем дело. Губы у меня затряслись. Но я шепнул:

— Правильно.

Что мне еще оставалось? А самого в жар бросило. Вон как выходит! Я дедом козыряю, чужой славой пользуюсь!

Вечером решил, будь что будет, а в школу не пойду. Утром передумал: скажут — струсил. Не на таких напали. Но идти в школу тошно было. Плелся, еле ноги переставляя. Вздрагивал от каждого окрика.

Когда я к нашему классу подошел, гам там стоял невообразимый. Алькин голос всех перебивал:

— А мундир он что, на базаре купил?

Я переступил порог — все стихло. Каждый своим делом занялся: книжечки раскладывают, тетрадки перебирают, друг с другом беседуют. И никто меня не замечает, пацаны по петушкам не здороваются, девчонки, которые приветливо улыбались, мимо глядят. Один Газовый Баллон меня зрачками таранит и небрежно говорит:

— Слышь! Председатель! Я Егорова встретил. Он говорит, чтобы ты готовился. Обсуждать тебя будем за то, что с воскресника ушел. Галя вот только вчера простыла. Поправится, и сразу сбор.

У меня горло заледенело. В висках опять молотки застучали. Я повернулся к Баллону, окатил его с головы до пят презрительным взглядом и сказал:

— Чего командуешь? Меня ведь еще не переизбрали, кажется?

Пухов захрюкал:

— Я тебя выдвинул, я и задвину!

Тут уж все покатилось. Я сжал кулаки и опустил голову. Словно оплеуху мне дали. А я и ответить не могу.

Слезы навернулись на глаза. «Не сметь!— командовал я себе.— Хватит позора!» А сам думал про класс. Про этих подлых друзей. «Предатели, вот вы кто. А еще по петушкам со мной здоровались!»

Я хотел вскочить на учительский стол, гаркнуть во все горло, что дед у меня генерал, генерал, генерал! Но не смог, не захотел. «Хватит деда, хватит чужой славой пользоваться! Что же, без деда я ничего не значу? Сам-то?» И я промолчал. Стиснул зубы и ничего не ответил на пощечину Кирилла...

Один я теперь. Совершенно один. Алька на меня только поглядывает, с Кешкой я поссорился, а народные массы меня предали.

Надо же! Я друзей теряю, а дедушка их

находит. Вот Иннокентия Евлампиевича нашел, Кешкиного дедушку.

Это надо же, какие истории бывают, поверить невозможно. Но бывают. Факт. Своими глазами видел.

Мой-то с Кешкиным дедом на воскреснике познакомился. Если, конечно, можно так сказать — познакомился. Иннокентий Евлампиевич кладовщиком на стройке работает, дед с ним перекурить сел, разговорились: оказалось, оба на Третьем украинском фронте были. Словно в укор мне чуть не каждый день сидят теперь на кухне, дымом окутались, вот, мол, ты Кешку унизить хотел, а мы, генерал и сержант, один табачок курим.

Я мимо дедов на цыпочках прохожу, учебники раскрываю, гляжу в них, да ничего не вижу. Думаю: знает ли Иннокентий Евлампиевич про нашу ссору и как мне дальше жить?

Кешкин дед на Кешку очень похож. Костистый, широкоплечий, голова квадратом. Вот только у старого Иннокентия борода седая, с виду жесткая, у рта желтее — обкуренная да глаза похитрей, чем у Кешки.

Иннокентий Евлампиевич моего-то немного постарше, ему за семьдесят давно перевалило, он пенсионер, но как только дома остается — сразу болеет. Вот и работает кладовщиком — для здоровья.

«Бу-бу-бу»,— слышались голоса за стенкой. Деды замолкали, верно, думали о чем-то, что-то вспоминали, потом смеялись — негромко, глухо, потом снова говорили, говорили, говорили: «Бу-бу-бу». И наш уже реже пек пирожки, нерегулярно мыл пол, и мама радовалась, как маленькая, удивляя отца, который повторял: «Я же говорил! Просто он акклиматизировался!»

Я не радовался и не огорчался, я вообще почти не замечал, как живет дед: своих забот хватало. Но однажды произошло поразительное событие. Дед повстречался с Иннокентием Евлампиевичем.

Да, да, не удивляйтесь, они встретились, хотя знакомы были уже давно, давно друг к другу ходили. Правда, у нас они всегда сидели на кухне. И вот как-то они зашли в комнату, где я учил уроки, и стали куда-то звонить. Мой дедушка набирал номер, а Кешкин озирался по сторонам. Потом он увидел фотографию на стене, подошел к ней, постоял минуту и... я вздрогнул от неожиданности.

— Хто это? — крикнул Иннокентий Евлампиевич и испуганно схватил деда за руку.

— Ну, Евлампиевич,— засмеялся дед,— не думал, что такой стреляный воробей, как ты, может испугаться. Я это, чего с тобой?

— Вот этот, с усиками? — не поверил старый Иннокентий и замер, разведя руками.

Я ничего не понимал.

— Ой-еей! — Замотал седой бородой Иннокентий Евлампиевич. — Ой, стар стал, никуда не гожуся — ослеп начисто! Ой-еей!

Дед положил телефонную трубку.

— Чего запричитал-то?

Евлампиевич успокоился, повел глазами на деда, открыл рот и фыркнул.

Он скомандовал: «Вольно!»

— А я ведь тебя давно знаю, Петрович,— сказал он, смеясь.— Ты при форсировании Днепра в каком чине состоял? Полковника?

— Полковника,— ответил дед.— Ну и что?

— Да то! Ты меня там как раз и отдал под арест... Дал я одному пленному фрицу по мордам,— говорил, захлебываясь, Кешкин дед.— Конвоировал группу, ну и дал ему понюхать. Тут полковник как раз навернулся с этими усиками. Ты! Что да к чему? А я обмер. С перепугу, ясно дело. Ты мне трое суток и сунул.

Вот тебе на! Значит, мой дед Кешкиного деда под арест отдал?

— Ой-е-ей! — замотал опять головой Иннокентий Евлампиевич.— Не признал, ну ни столечки. Переменился ты, ох, переменился!

— Погоди-ка,— ответил дед, — что-то смутно я припоминаю. Но неужели тот,— он показал пальцем за спину, задумался,— это ты?

Седой Евлампиевич подошел к деду, взял его руку в свои ладонищи.

— Ой-е-ей! — повторял в который раз.— Это ж надо, такая конфузия. Сколь ден с табаком воюем, а не карточка, так бы и не признал...

Кладовщик

Прошла неделя, а может, больше, и дед стал таинственно исчезать.

Утром он уходил раньше нас, захватив авоську с пустыми бутылками, и вид у него был озабоченный. Он поглядывал на часы. За дверь выскакивал всегда неожиданно, словно не хотел, чтобы кто-нибудь шел с ним хотя бы до крыльца, да и вообще вел себя непонятно.

Когда я возвращался из школы, его еще не было; появлялся дедушка после окончания рабочей смены, и я видел в окно, как он медленно идет по двору в телогрейке, ушанке, валенках, а в руке авоська с молоком.

Целый день ходит по магазинам? Так у нас их — раз, два да и обчелся. Может, опять помогает Анне Робертовне? Но там же детишки, он бы пальто надел. Телогрейка для такого дела не подходит.

И тут дед такой удар нанес! Не ждал я, не гадал, что он так может: ни с кем не посчитаться, ни о ком не подумать...

Однажды отец пришел с работы какой-то растерянный. Стал помогать маме картошку чистить, нож три раза уронил. Потом

Дедушка у Кешки работал на складе.

стакан кокнул... Что такое, что случилось? Папа в ответ бубнил, что все нормально. Потом вскочил, обмотал шею шарфом два раза почему-то и велел нам с мамой срочно пойти гулять. Нет, с ним определенно что-то происходило.

Мы с мамой послушно одевались, когда в коридор вышел дедушка и спросил шутливо: «А меня не возьмете?» Отец вдруг ответил резко: «Воздержимся!» Всегда говорил с дедом вежливо, а тут прямо-таки воскликнул. Зло как-то. Нехорошо. У дедушки даже брови домиком сделались от удивления. Но он ничего не сказал, ушел в комнату.

Мы вышли на улицу, мама опять принялась расспрашивать отца о его странном поведении, но папа ее рукой остановил.

— Удар! — воскликнул он. —Настоящий нокаут! Сегодня меня один там спрашивает: «Это не твой родственник кладовщиком работает? Упрямый, говорит, старик! Рыбаков Антон Петрович». Представляете?

Я не понял отца, чего это он такое рассказывает. Какой Рыбаков, какой кладовщик? Мама тоже удивилась. А отец зашипел:

— Как не понимаете! Дед наш кладовщиком устроился. Я его замом начальника по кадрам звал, а он в кладовщики!

Я засмеялся. Сказал отцу:

— Что-то ты сегодня все путаешь. Газету вверх ногами читал, теперь у тебя генерал кладовщиком служит.

А мама уже руками размахивала, потом за щеки хваталась, ко лбу снег приложила и стала причитать, как радиола, если игла посреди пластинки застрянет:

— Кошмар какой, кошмар какой, кошмар какой, кошмар какой...

Тут только до меня дошло. Дед работает кладовщиком! Генерал — кладовщик. Был генерал-лейтенант, стал генерал-кладовщик, ничего себе!

Я то смеялся, то всхлипывал. Субботник просто перед глазами плясал, обсуждения эти дурацкие: «Такие генералы не бывают! А маленький-то, маленький какой!» И физиономия Пухова с редкими зубами: «Я тебя выдвинул, я и задвину!» «Да задвинь, задвинь,— думал я, как в лихорадке,— жалко мне, что ли.— И тут же, без перерыва, деда укорял: — А ты за что, за что кладовщиком стал? Что я тебе плохого сделал?»

Папа ходил взад-вперед, убитый горем, я хихикал и хлюпал носом.

— Хватит! — воскликнула мама решительно. Я сразу успокоился. Папа остановился.

— Хватит,— повторила мама,— сейчас же идем домой и пресечем это безобразие! Вместо того, чтобы читать книги, смотреть спектакли и концерты по телевизору, он...

— Предлагаю,— прервал ее папа,— сделать это завтра и прямо, так сказать, на месте преступления. Чтобы были улики! Вещественные доказательства!

— Просто позор! — воскликнула мама.— Позор на нашу голову!

Утром дед убежал с авоськой. Мы немного подождали. Потом спустились вниз. Сели в мамин «газик».

...Дверь у склада была распахнута, туда вереницей входили люди. Выходили обратно с ящиками гвоздей, с охапками новых лопат, с мотками проволоки. Мы переглянулись. Из склада слышался громкий голос деда.

— Не ур-рони! — кричал он грозно, будто артиллерией командовал. — Аккур-ратно!

— Подождем,— нервно сказал отец.— У него теперь самая работа, начало смены. Нельзя же дискредитировать!

Я спросил у мамы, что это такое дискредитировать. Оказалось, подводить, срамить при народе, подрывать авторитет. А как же наш авторитет теперь, подумал я, как мой?

Хотя, какой теперь у меня авторитет? Нету никакого авторитета. Я горестно усмехнулся.

Вереница поредела, потом кончилась, мы двинулись к двери.

— Ну! — воскликнул он весело.— Слава богу! С плеч долой! Все думал, как вам объяснить, чтобы поняли, а объяснять не придется, вот хорошо.

— Придется!

— Не понимаю,— поднял руку дед,— вы что, против товарищества? Я же Иннокентия Евлампиевича замещаю, понимаете, он в больницу попал. Поправится — сразу вернусь, буду пирожки печь, раскопал тут один рецептик.— Дед поднял толстую книгу, помахал над головой.— Сибирские старинные пироги с черемшой!

Пришел какой-то человек за гвоздями, дед надел очки, перестал обращать на нас внимание. Мама нервно потирала руки, готовилась произносить свою речь, но когда посетитель вышел, дед сказал:

— Следующую неделю — вторая смена, в ночь, имейте в виду.

Мама обессиленно уронила руки, отец чертыхнулся.

— Тебе отдыхать надо, а не работать. Можно подумать — кладовщика некем заменить! — возмутился он.

— Ах, товарищ замглавного! — улыбнулся дед.— Не очень-то знаешь мелкие проблемы. Высоко паришь! Именно кладовщиков и не хватает: молодежь сюда не идет, неинтересно, а стариков нету. Не закрывать же склад!

Отец хмурился, мама сердилась, но оба молчали.

— Дедушка,— привел я последний аргумент,— но ты же генерал, стыдно! Ты же нас подводишь!

Дед стал серьезным.

— Вот это разговор! — сказал он медленно и вдруг рассердился:— Если вам стыдно, можете рядом со мной не ходить!

Я ушел со склада, будто оплеванный. Мама и отец уехали на работу, а я пошел в школу.

На дороге никого не было, и я опять разревелся. Выходит, я чистоплюй, стыжусь деда и все такое... Я ревел, не мог успокоиться, и не обида, а правда душила меня: ведь все так и есть...

Сбор

Я словно барахтался в каком-то болоте: хотел выбраться из него, да ноги проваливались, скользили, дно уходило из-под ног. Меня тянуло вниз, и не было, не было никакого спасения...

Но жизнь полна противоречий. Так сказал отец. Он сказал это давно, и я, кажется, забыл его выражение, но вот мне стало совсем худо, и эти слова выплыли из тумана памяти. Я даже вздрогнул.

Я запутался вконец, что там и говорить, мне было плохо и тошно от скользкой, противной лжи, в которой я барахтался, но вот мне стало еще хуже — а я словно прозрел. Огляделся вокруг и как бы сразу выздоровел после тяжелой болезни. Действительно: жизнь полна противоречий...

Весь день дедушкины слова жгли меня. Он говорил на складе во множественном числе: вы, вам. Но мне было ясно: говорил он это только мне. Значит, я стыжусь дедушки. Стыжусь того, что он кладовщик. А перед тем стыдился его вида — в телогрейке, треухе, валенках, а не в генеральской шинели с золотым шитьем. Я потерял совесть, проще говоря. Мне, оказывается, важен не дедушка, не человек, не его жизнь и характер, а его блестящая форма с генеральскими погонами. Докатился, нечего сказать. Воспользовался его славой. Захотел быть командиром, как он. Подумал, что генеральское сияние и надо мной светится.

На одной из переменок Газовый Баллон опять возник.

— Сегодня сбор!

И редкие зубы открыты в ухмылке. Думал, я снова голову опущу, как в тот раз. Но нет. Я Пухову в глаза посмотрел, кивнул спокойно: мол, задвигай, не возражаю. Давно задвинуть пора. И мне теперь от этой мысли легко. Верно сказал отец: жизнь полна противоречий.

После уроков в пионерской комнате весь наш класс. В Галином царстве нарядно, как на демонстрации. Знамя в углу! Сбоку флажки всех отрядов. Барабаны на полке замерли. Горны золотом горят. Стены плакатами увешаны. Посреди комнаты стол красной скатертью покрыт. Хочется шепотом говорить. И на цыпочках ходить, как в музее.

Я зашел на цыпочках, присел на краешек стула, но Егоров пальцем меня поманил.

— Иди сюда, ты еще председатель.

И вот я сижу у красного стола, а Борис Егоров объявляет:

— На повестке дня: первое — мой уход в армию. Да, да, не шумите, ухожу, буду присылать вам письма и прошу меня от вожатства не освобождать.

Последнюю фразу Борис говорит Гале, она кивает, опустив голову и розовея: настроение у нее унылое. Пионерский галстук на ней всегда бодро топорщился, а теперь даже и он грустно отвис.

— Ничего,— говорит Борис,— не грусти...— потом спохватывается, добавляет: — те. Не грустите, будет у вас вожатый солдат.

Ребята шумят, но Борис руку поднимает:

— Второй вопрос, — и мне кажется, в меня гвозди вбивают,— поведение председателя совета отряда. Слово имеет,— Борис смотрит на Галю, и старшая вожатая уже поднимается, но я вскакиваю раньше ее и говорю:

— Слово имею я!

Галя удивленно глядит на меня, а я спокоен. Совершенно. Наверное, все во мне перегорело, как, например, перегорает волосок в электролампочке.

Я оглядываю наш отряд, ребят, которые по петушкам руку жали, девчонок, которые улыбались, когда я входил, смотрю на тех, кого недавно клял последними словами, считая предателями, и чуточку улыбаюсь. Да какие же они предатели? Даже самый большой мой враг Злой Демон Пухов по кличке Газовый Баллон не предатель и не враг. Враг я сам. Сам себе.

И я говорю:

— Все обвинения справедливые.

— Ты их сначала выслушай! — кричит Газовый Баллон, поднимаясь с места.— Берешь инициативу в свои руки? Опять обмануть хочешь?

Уши у него, как две красные фары. «Чудак,— думаю я про него беззлобно,— чего волнуешься? Это мне волноваться надо». В пионерской комнате шумно. Хорошо. Пусть будет по-твоему. Я сажусь. А Газовый Баллон загибает пальцы.

— С субботника ушел — раз! Председатель называется. Нет, это два. Раз — когда от собственного деда отказался. Три — своего деда за генерала выдавал. У меня доказательства есть! — Он опять пальцы загибает.— Во-первых, он сам сказал, что простой пенсионер, а во-вторых... Во-вторых...— Пухов оглядывает комнату, флаги, горны, барабаны, оглядывает победно

всех ребят и девчонок и торжественно закругляет: — Во-вторых, я сам видел, он кладовщиком работает!

На публику это действует, народ бурлит и клокочет, кипит, словом, как вода в раскаленном чайнике. Кладовщик! А не генерал! Это надо же! Еще вчера меня бы это убило наповал. Теперь не убивает. Я поднимаюсь. Теперь надо мне говорить, оправдываться, и я повторяю дедушкины слова:

— А вы что, чистоплюи? Любая работа почетна. Не знаете?

— Не воспитывай,— бушует Газовый Баллон.— Оправдывайся, если можешь.

— Оправдываюсь,— говорю я и улыбаюсь,— только еще самое главное обвинение ты забыл. Я понимаю, слово ведь мне давал. Третье желание по «американке». Я тебя от него освобождаю. Вот. Главное, — говорю я, глядя на Галю и Егорова,— главное, что меня в председатели за «американку» выдвинули, понимаете? Вот что главное.

В пионерской комнате тихо.

— Как-то непонятно,— говорит словно про себя Алька.— Его обвиняют, а он не оправдывается, а наоборот. Еще больше себя обвиняет.

— Откуда же у тебя генеральский мундир? — кричит вспотевший Пухов.

— Отец у меня в самодеятельности, понимаете? — отвечаю я.— Там по пьесе генерал есть. Вот он мундир и взял.

Что тут началось! Дым столбом. Все орали. Перебивали друг друга. Газовый Баллон на стул вскочил. И тут я услышал Кешкин голос.

— Эх вы, публика! — крикнул он, произнеся слово «публика» с презрением. Все настороженно замолчали.

— Вы же его не из-за деда выбирали! — сказал он.— Сами тогда Гале доказывали! Так чего сейчас? Чего вам сейчас-то генерал потребовался?

Снова все заорали, и Гале пришлось колотить одной палочкой в барабан.

— Мы обсуждаем не дедушку! — воскликнула она. — Мы обсуждаем Рыбакова. Конкретно его поведение на субботнике.

— А дедушка у него генерал,— вдруг тихо сказал Кешка, и все притихли и обернулись к нему.— Мой дед с ним воевал. Мой дед — сержант, но Антошкин дедушка не постеснялся на складе его заменить, когда мой заболел.

Лицо мое словно кипятком ошпарили. Я сказал хрипло:

— Кончайте! Что вам мой дед дался? Я сам за себя отвечаю. И прошу меня из председателей снять. За позорное поведение. И за спекуляцию.

— Чем? — вякнул Пухов.

— Дедушкиной славой, осел!

Белка

Я выскочил со сбора первым и забился на пыльную лестницу, ведущую на чердак. Меня искали, звали, я слышал голоса Альки и Кешки, но молчал. Слезы застилали глаза, а я улыбался. Мне было хорошо, понимаете? «Жизнь полна противоречий»,— сказал отец. Вот и у меня были противоречия: я плакал, улыбаясь, мне было и хорошо и тяжко сразу.

Я сидел долго. Стало смеркаться. Наверное, закончилась смена на стройке.

Я выполз из убежища, оделся и поплелся домой. Все, что я сделал, было правильно и справедливо. Вот только что скажет дед, когда узнает про мои дела? Эх, скажет, Антоха, опозорил!.. Давила меня моя жизнь. Пусть теперь прошлая, вроде даже исправленная. Кешка стал председателем — по справедливости, так и должно быть, а все же, все же что-то саднило меня... Подлость, наверное, вот что. Разве забудешь, что натворил? Разве отмоешься до чистого?..

Я тащился по улице и вдруг увидел толпу... Мальчишек десять, старшеклассники, а сбоку, в сторонке, стоял Газовый Баллон.

Мальчишки торопливо наклонялись к земле, лепили снежки и швыряли в стену нового дома: там, по шероховатой бетонной стене, карабкалась белка.

Мальчишки веселились, пуляли в стену снежками, а белка перебиралась смелыми короткими рывками все выше и выше, к самой крыше, цепляясь неизвестно за что. Тайга была рядом, белки забегали в поселок нередко, но по деревьям они легко удирали назад, а этой не повезло, она, наверное, скакала по земле, когда ее заметили, метнулась к дому и теперь карабкалась, беззащитная, по глухой стене.

Снежные снаряды с фырканьем разрывались совсем рядом с ней, белка вздрагивала всем маленьким телом, пушистый хвост она прижимала к стене.

Десятеро против белки. Эти десятеро были людьми. И у каждого на плечах была голова, а в груди должно быть сердце. Газовый Баллон стоял рядом. С интересом ждал, чем все кончится.

— Вы! — крикнул я.— Вы, гады! Что делаете!

Газовый Баллон обернулся ко мне, глаза его хитро сощурились.

— А! Генерал!— закривлялся он.— Опять командуешь!— И захохотал:— Генерал без войска!

В другой раз я бы сошел с ума от этих слов, опять бы что-нибудь выкинул, может быть, а тут как будто не расслышал их.

— Прекратите! — заорал я.

Возле белки теперь уже не снежки хлопали. Цокали мерзлые комья земли и камни. И тут она упала.

Я посмотрел на стену дома: там, на шероховатом бетоне, краснело кровавое пятнышко...

Я швырнул портфель, надвинул поглубже шапку и, разогнавшись, шарахнул головой в живот здоровому парню. Он охнул, свалился, а я таранил следующего... Мальчишки ненадолго опешили, потом я ощутил лицом колючий снег и стал задыхаться в сугробе. Меня лупили по спине, по голове, но я не чувствовал боли, а яростно вертелся, норовя вскочить и протаранить когонибудь еще.

Неожиданно удары стихли. Старшеклассников не было. Только Газовый Баллон стоял на своем старом месте.

Губы у меня дрожали. Руки тряслись. Я обтер тающий снег с лица и увидел деда. Он тяжело дышал и глядел на меня хмуро.

— Я все видел,— сказал он, переводя дыхание,— ты молодец!

Есть ли Демон?

Молодец!

Я вздрогнул. Жизнь полна противоречий... Он сказал, что я молодец. А в самом-то деле, в самом деле?..

Есть незаконные приемы, я знаю. Например, в боксе нельзя бить ниже пояса, если ты честный человек...

Честный человек. А ведь я нечестный, раз применил запрещенный прием, заставил Пухова выдвинуть меня в председатели за «американку», а потом пользовался дедушкиной славой. Как ему сказать? Но не сказать нельзя.

Дед идет рядом. Снег скрипит под валенками. Он хмурится. Молчит. Потом произносит удивленно:

— Откуда такая бесчеловечность?

Я опускаю голову. Он говорит не обо мне. Он имеет в виду мальчишек. Но получается так, что это про меня.

Бесчеловечность. Раз есть эта бесчеловечность, значит, есть и человечность.

А разве человечность — моя жизнь? Пусть теперь прошлая. К горлу подкатывает комок, но я его глотаю. Хватит слез, пора отвечать за себя. Я готов завыть от бессильной обиды: мальчишки убили белку, потом они сунули в сугроб меня — десятеро против одного. Да, я готов завыть от бессильной обиды. От несправедливости. И, может, больше всего от несправедливости своей. Собственной.

— Дед,— говорю я решительно. Он замедляет шаги, оборачивается.

Он слушает меня, сдвигает брови, молчит.

Я жду его слов. Не утешения, нет, его суда.

Но дед молчит. И молчание больно отдается во мне.

Я слышу скрип валенок. Сигналы далеких кранов. Крики ворон, пролетающих над головой.

Я ждал самого тяжкого. Я приготовился к упрекам: раз заслужил, умей отвечать. Но я не приготовил себя к этому. К самому страшному осуждению. К дедушкиному молчанию.

Вон он, дедушкин суд. Нет никаких Злых Демонов. Ни в других, ни в тебе. Есть только ты, твоя сила или твоя трусость. Признаться в трусости и даже подлости — уже сила. Хватило бы силы вынести эту тишину...

Часть четвертая

Склад

Прошло время, отодвинулись назад прожитые дни, и жизнь пошла дальше.

Отчего-то чаще бывает мне грустно теперь. Нравится посидеть молча, задумавшись.

Нравится быть одному, совсем одному, лежать в темноте с открытыми глазами, нравится идти в снегопад по пустынным, заснеженным улицам...

О прошлом я вспоминаю с горечью и сожалением, но спокойно. Прошлое миновало. Миновало — не значит исчезло, забылось. Забывать нельзя.

После сбора опять в классе все переменилось. Нет, по петушкам со мной здороваться не подходили, но глядели на меня приветливо, разговаривали добродушно. Впрочем, может, это не класс изменился после сбора, а я сам после той истории с белкой. По-другому на людей смотрю, да и на себя тоже. Проще и сложней сразу.

Газовый Баллон поглядывает на меня както странно, кажется, вопросительно, но молчит, ни о чем не спрашивает. На уроках я чувствую спиной Алькин взгляд. Когда оборачиваюсь, она смотрит задумчиво. Что она думает обо мне? Вообще-то интересно бы узнать, но я не подхожу и к Альке. Я один. Это нужно теперь мне, чтобы я был один. Я ходил каждый день в школу, сидел на уроках, отвечал, если вызывали учителя, но был один. Я сам как бы отодвинул класс в сторону.

Дед. Единственный человек, с кем я был рядом, это был дед.

Он так ничего и не сказал мне тогда. Не упрекнул ни единым словом.

И мы стали жить дальше. Дедушка по-

прежнему работал кладовщиком, Иннокентий Евлампиевич все еще болел, лежал в больнице, я каждый день ходил после школы на склад.

Дедушка шуршит карандашом и глядит в синеющее окошко перед собой. Там, за окном, глыбистая, неровная земля. Правда, земли под снегом почти нет — там диабаз.

Диабаз — скальная порода. Плотина нашей ГЭС будет лежать на диабазовых плечах берегов. Эту породу лопатой не возьмешь. Отец все мечтает:

— Вот бы добиться такого бетона, чтобы как диабаз!

Дед не забыл этот разговор, черкал бумагу карандашом, листал справочники, вычислял на логарифмической линейке.

Я спросил его, что он считает. Дед промолчал. Будто не слышал.

Но спустя неделю дед шепнул перед сном:

— Понимаешь, интереснейшая задача! Одним махом — всю площадку!

Я сперва не понял, о чем он говорит. Дед напомнил, о чем говорил отец. В Ленинграде делают для нашей станции турбины. Каждая турбина — двести с лишним тысяч киловатт, махина будь здоров. Рабочее колесо — шесть метров в диаметре. Такую турбину сделать — ого-го! — сколько труда надо. Потом перевезти — целый эшелон. Но и этого мало. Надо смонтировать. А чтобы смонтировать, нужна площадка. Целая площадь. А вместо земли-то у нас диабаз! Чтобы площадь выровнять, сколько нужно техники, сил, людей.

— Понимаешь,— шептал мне дед,— а я хочу разом!

— Как это разом? — не понял я.

— Одним взрывом! Только надо рассчитать.

И вот он глядит в синеющее окно своего склада и, пока никого нет, считает, шуршит карандашом.

Ногам тепло, а изо рта у деда вырывается парок.

Он улыбается, мурлычет свою любимую песню, а я тихонько, про себя, пожалуй, подтягиваю ему:

Если смерти, то мгновенной,
Если раны — небольшой...

Дедушка думает о взрыве, а я — о дедушке.

Но о нем думаю не только я. Однажды распахивается дверь, и на пороге возникает Анна Робертовна. Давненько я ее не видал! В руках француженка держит узелок.

— Мон женераль! — говорит она, сияя улыбкой и развязывая узелок.— Гриша увлекся, понимаете! Такая милая девушка! И я просто счастлива, тьфу-тьфу, как бы не сглазить!

В узелке пуховый платок, в пуховом платке шерстяной берет, в берете маленький горшочек. Анна Робертовна открывает крышку, и из горшочка как пахнёт гречневой кашей.

Мой генерал растерянно смотрит на меня...

Снеговал

А потом настали актированные дни. И не пятидесятиградусные морозы были причиной. Причиной был снегопад. Нет, это слово не подходит. Снеговал. Вот, снеговал.

Сначала просто валил снег.

Падал медленно, лохматыми хлопьями. Похоже белые полосы заштриховали поселок. Смутно темнеют туши гигантских слонов: это дома. Там, где стройка, перемигиваются чьи-то белые глаза: огни электросварки пробиваются сквозь снежную пелену.

Потом небо упало на поселок.

Тучи разглядеть невозможно: только поднимешь глаза кверху, в них летит снег, моргаешь и прячешь лицо от белой паутины. Но и не видя, чувствуешь, как висят тучи над самой головой, рядом, царапают о крыши свои животы.

День стал похож на вечер. В школе учатся при включенном свете, машины идут с зажженными фарами, и все стали молчаливее, притихли, будто чего-то ждут.

Дождались.

С вечера гремел гром — это зимой-то! — и сверкала молния. Молнию сквозь снег увидеть невозможно — лишь светится серым светом небо за окном.

Ночью мы проснулись от громкого голоса начальника стройки. Радио было включено, мы всегда оставляли его включенным, чтобы не проспать, и начальник вдруг заговорил тревожным голосом:

— Товарищи! Внимание, внимание! Срочное сообщение!

Я сразу проснулся, включил свет: часы показывали пять утра. Вбежали мама и отец, наспех одетые и взлохмаченные.

— Товарищи! Ночью на поселок обрушился небывалый снежный заряд! Мы связались с областным центром! На подмогу высланы войска и снегоочистительная техника! Создан оперативный штаб. День объявляется актированным! Просим всех принять участие в налаживании нормальной жизни! При передвижении советуем пользоваться лыжами! Просим соблюдать дисциплину и спокойствие!

Он еще не кончил говорить, как мы дружно бросились к окну.

Я прижался к стеклу и увидел фантастическую картину: дома словно провалились по колено, уменьшились на целый этаж. А одноэтажные дома почти совсем исчезли. Только торчали трубы да гладкими холмами выступали крыши. Снег перестал.

Низко над домами быстро летели грязные тучи, похожие на молчаливых птиц.

Заиграла веселая музыка, чтобы успокоить тех, кто слушал тревожное сообщение. И тут мама нервно вскричала:

— Ну вот! Достукались! Доигрались!

Я не понял, кто достукался и доигрался, но мама пристально, в упор разглядывала отца, и я догадался, что виноват папа. Только почему?

— Ах! — говорила мама, бегая по комнате.— Проклинаю себя, что уступила! Надо было настоять! Настоять!

Папа хмурился, а я хлопал глазами.

— Где он? Что с ним? — крикнула мама и приказала:— Быстро! Одевайтесь! Надо спасать деда!

Мы засуетились. Я торопливо одевался и отчаянно ругал себя — действительно, вот результат! Мы-то спали дома, а дедушка дежурил на своем складе, и неизвестно, что теперь с ним.

Мы спустились в подъезд — там толпился народ. Люди растерянно переглядывались...

— За мной, товарищи! — крикнул отец соседям.

Мы вернулись домой, оставив дверь открытой, в кухне мама сорвала с рам бумажные ленты, отец распахнул окно.

Наш второй этаж стал теперь первым. Снег лежал чуть выше подоконника. Папа взял в руку лопату и шагнул из окна в снег. У-ух! У меня в животе что-то пискнуло, мама побледнела: отец провалился. Когда он появился, в его волосах блестел снег.

— Ничего страшного, —сказал он хладнокровно, будто всю жизнь только в снег и проваливался.—Проходите, товарищи!

Мама подставила к подоконнику табуретку для удобства, соседи входили в квартиру, вежливо здоровались, потом направлялись на кухню и выходили в окно.

Дедушкины стихи

Дедушкин склад едва выступал из-под снега. На крыше вырос забавный гриб-сморчок на тонкой ножке: круглая железная труба с колпаком обросла снегом. Папа подсадил меня на крышу, и я пробрался к грибу, закричал в трубу, словно домовой:

— Эго-го!

— Го-го! — откликнулся тотчас дедушка.

— Ты живой? — заорал я. Дедушкин голос был слышен нечетко.

— Пусть в печку кричит,— посоветовала коренная сибирячка.

Дедушка, видно, отворил дверцу буржуйки и заговорил, словно в микрофон, гулким железным басом.

— Слышь-ка,— спросил он меня, — сильно занесло?

— Порядочно,— отвечал я, смеясь. Мама и папа ожесточенно жестикулировали, наконец папа сдался и стал подсаживать на крышу маму. Она срывалась, падала, но снова упорно карабкалась.

— Подожди,— сказал я деду,— сейчас тут с тобой поговорят. Как следует.

Мама смахнула с черной трубы снеговую шапку, взялась за нее обеими руками, набрала побольше воздуха в легкие, и лицо ее на секундочку замерло от напряжения.

— Папа! — закричала она.— Как же так? Это безобразие! Я не позволю. Не допущу в конце концов!

Неожиданно мамино лицо потеряло уверенность, она обхватила трубу, и в глазах ее дрогнули слезы.

— Замерз ведь поди-и,— по-сибирски пропела она и всхлипнула.

— Олюшка,— сказала труба дедушкиным голосом. — Олюшка, голубушка, кто же знал, что такой завал!

Мы принялись копать. Чтобы добраться до двери, пришлось очищать порядочную площадку. Мы быстро взмокли, мама раскраснелась, а отец, посмеиваясь, приговаривал:

— Олюшка!
Голубушка!
Кто же знал,
Что такой завал!

И тут я почувствовал, что за спиной у меня кто-то есть. Я обернулся.

В рассветных сумерках виднелась знакомая фигура. Она нерешительно приблизилась... Газовый Баллон!

— Ну? — спросил я, удивляясь про себя.— Чего это его принесло? Что-нибудь случилось?

— Это,— произнес Кирилл,— как его...

Я пожал плечами.

— Можно, я помогу? — проговорил он наконец.

Чего опять суется... Я хотел прогнать его, но мне стало стыдно.

— Пожалуйста,— сказал я,— разве жалко... Копай.

С грустью смотрел я, как Кирилл радостно схватился за мою лопату, стал разметывать снег... Мне его жалко стало, но не так, как тогда, когда я на балконе в генеральской форме появился. Мне почему-то жалко его стало по-настоящему, без всякого злорадства или радости...

Мы молча копали. Иногда останавливались, чтоб перевести дыхание. Но молчали. Потом копали снова. Вдруг Кирилл выпрямился.

— Я тогда дурак был,— сказал он без всяких предисловий.

Я мотнул головой.

— Дураком был я.

Он вздохнул. Согласился.

— И ты тоже.

Мы стали копать дальше. И какая-то сила во мне появилась вдруг. Я копал и копал, и непонятная радость меня распирала. Я повторял про себя дедушкины стихи и крутил головой: ну, Пушкин!

— Олюшка!
Голубушка!
Кто же знал,
Что такой завал!

Командный пункт

И вдруг я увидел, что нас не четверо, а пятеро. Я протер глаза. Мама и папа копали в сторонке, мы с Кириллом были чуть поодаль, а неподалеку маячила еще одна фигура.

— Эй, кто там? — крикнул я.

— Кто, кто? — ответил неизвестный Кешкиным голосом.

Я прислонился к снежной стене, и горло у меня перехватило. Я вонзил свою лопату в снег, и сил у меня будто втрое прибавилось. И какая-то радость меня с краями переполняла.

Папа и мама, увидев Кешку, остановились, стали между собой переговариваться. Я их понял.

— Конечно! — сказал я. — Вы идите, вас ведь ждут, деда мы сами откопаем...

Дверь откопали, когда уже совсем рассвело, дедушка протиснулся в узкую щель, огляделся, зажмурился и вдруг аппетитно зевнул. Кирилл затрубил губами туш, я засмеялся, а Кирилл объявил:

— Спасение зимовщиков с дрейфующей льдины!

Дедушка блаженно улыбнулся, потом вдруг разом построжал и гаркнул своим знаменитым командирским голосом:

— Благодарю за спасение!

Кешка сделал руки по швам и бойко отрапортовал:

- Служим Советскому Союзу, товарищ генерал - лейтенант!

Генерал-лейтенант стоял перед Кешкой в растоптанных валенках, в ватнике и ушанке. Одна рука была в нормальной перчатке, а из второй торчали голые кончики пальцев.

Дед приложил к ушанке перчатку с голыми пальцами — приложил умело, резко, и четко, и протяжно скомандовал:

— В-вольно-о!

А потом... Потом мы пошли к нам и ждали, пока дед переоденется.

Я даже думать об этом перестал. Ведь именно с этой моей прихоти начались все несчастья. Я хотел обязательно рядом с дедом идти. Чтобы он в форме, с орденами и погонами. И на мне как бы отражается свет его славы. Вот чего мне когда-то хотелось.

И вот мы идем по улице, а встречные люди оборачиваются на деда, переговариваются громко:

— Смотрите, даже генерал приехал... Подмога пришла!.. Ну, теперь не пропадем!

Дед хмурится, а я улыбаюсь: понятно, почему он именно сегодня шинель надел. Для этого вот. Чтобы люди оборачивались. Чтобы думали: раз генерал, значит, армия на выручку пришла, все в порядке. От дедовой шинели сегодня польза — она людей успокаивает. И я улыбаюсь, и ругаю себя за прежние свои глупости и страдания, и думаю, какой дедушка молодец: надел свою шинель в самый нужный час, надел не для

Я швырнул портфель и, разогнавшись, шарахнул головой в живот здоровому парню...

похвальбы, а для дела, и вот наконец я иду с ним и горжусь, и Кешка и Кирилл тоже гордятся моим дедом. Настал долгожданный момент. Только он в тысячу раз лучше, чем я когда-то придумывал. В миллион.

Мы идем к управлению, там штаб. Туда люди движутся, чтобы организованно, всем вместе поселок расчистить.

Когда мы с дедушкой вошли в кабинет к начальнику стройки, народу там было невпроворот. Но все сразу раздвинулись, пропуская нас. Притихли. Начальник стройки шагнул к деду, молча пожал ему руку.

— Догадываюсь, кто к нам прибыл,— сказал он и поглядел в угол. Там, у телефонов, стоял отец.— Очень кстати, Антон Петрович.

— Что ж, поручайте,— ответил дедушка строго и показал на нас, — вот у меня и помощники есть.

Начальник стройки подошел к нам, пожал и нам руки.

— Пионерам мы работу найдем, а вас, Антон Петрович, приглашаю быть моим заместителем. По-фронтовому — начальником штаба.— И обратился к людям, сидевшим в кабинете:— Прошу любить и жаловать! Генерал-лейтенант Рыбаков. Сообщения о ходе работ передавать ему, он координирует наши усилия.

Народ стал расходиться, уехал куда-то и начальник стройки. Отец объяснял что-то деду, водя пальцем по карте. Получили задание и мы: откапывать клуб. Начальник стройки приказал — вечером должно быть кино.

Мы работали три дня.

Взрослые — три дня и три ночи.

Я спал в эти ночи один. Ненадолго появлялась мама. Ложилась на часок отдохнуть. Потом вскакивала и убегала опять. Перед уходом варила кофе.

Кофе я носил деду. После клуба нашу школу «бросили на питание». Все столовые работали круглые сутки, а мы разносили еду в специальных бидонах. И чай носили. И кофе. Но мамин кофе был особенным — его любил дед. И вечером я относил ему термос.

Дед дежурил в кабинете начальника стройки. На диване лежала его шинель. Когда я приходил с термосом, он выпивал чашечку кофе. Угощал других, если кто-нибудь был еще на КП. Дед говорил по телефону: «Сведения передайте на КП», «Приезжайте на КП», «КП распорядится», «КП отвечает».

— Вот какой у меня КП,— сказал он мне.— Благоустроенный. С диваном. Можно поспать.

КП — командный пункт. Я спросил у деда, какие у него были КП. Там, на войне?

— Блиндажи,— сказал он.— Такое помещение в земле. Сверху покрыто бревнами. А бывали и обыкновенные дома. Замаскированные, конечно... Или палатка. Но не маленькая, где только спят, а особая, большая, чтобы можно совещание собрать.

Он помолчал, подумал. Потом сказал:

— Ну вот. А это, наверное, мой последний КП... Понимаешь...

Дед замолчал, расстегнул пуговицу на мундире, положил на сердце руку.

— Лекарство принести? — спросил я.

Он покачал головой. Дверь открылась. Дед стремительно пуговицу застегнул. Лицо его изменилось мгновенно. Стало бодрым, веселым, усмешливым. Я улыбнулся: не хочет признаться, что устал.

И опять дед командовал. Посылал людей к новым объектам. Распоряжался самосвалами. Отчитывался перед начальником стройки. Дед командовал сражением, кричал в телефон, и я, разнося днем обеды, видел, как отступает враг. Как все ближе и ближе победа.

Выстроившись ступенькой, один за другим, двигались по улице роторные снегоочистители. Они шли медленно, грозно рыча моторами, и далеко в сторону отлетали струи снежной пыли, похожие на фонтаны. Я представлял: это идут танки, упорно сокрушая врага.

Вечером я разглядывал дедушкину карту. Она покрылась кружками, крестиками, пунктирами. Все больше на ней становилось красных отметок. Я знал, что это расчищенные улицы. Освобожденные из-под снега дома.

В третью ночь мы засиделись допоздна. Дед велел мне лечь на диван. Укрыл шинелью. Я уснул.

Проснулся словно от толчка. От какого-то предчувствия.

Дедушка сидел напротив, облокотившись о спинку стула. И смотрел на меня. Щеки его ввалились. И глаза были печальны.

— Ты что? — тревожно спросил я.

— Вот смотрю на тебя, — ответил дедушка.

— Я думал, что-нибудь случилось,— сказал я.

Я сел на диване. Накинул шинель на плечи. Прислонился к спинке. Я посмотрел на деда, и отчего-то мне снова стало смертельно жалко его. Как тогда, в самом начале, когда он шел по улице, и молочные бутылки постукивали в его авоське. Мне захотелось обнять его. Прижаться к нему покрепче. Сказать самые хорошие слова, какие только бывают на свете.

Но я улыбнулся.

Я не обнял его и не сказал самых хороших слов, а только улыбнулся и спросил:

— Помнишь, ты обещал рассказать мне свою военную тайну?

Он качнул головой.

— Не сейчас. Но расскажу. Кажется, совсем скоро.

Я запомнил эти его слова. Они пронзили меня почему-то. Но я улыбнулся снова, кивнул и спросил:

— О чем ты думаешь?

— О тебе,— сказал дедушка серьезно. Глаза у него были все такие же грустные.

— О тебе,— повторил он снова. Добавил:— И обо мне.

— Я тоже часто думаю о нас с тобой,—сказал я.— О тебе и обо мне. Я думаю, как трудно быть тобой. Не генералом, нет, не подумай. А тобой. Вот тобой, понимаешь?

Он прикрыл глаза, усмехаясь, потом произнес:

— Очень жалею, что мы с тобой жили так мало вместе. Не могу себе простить. Но видишь, как получилось? Я служил, а у папы своя работа. И я очень жалею. Есть вещи поважнее службы, работы, долга. Есть вещи, которые превыше всего.

Я его не очень понимал.

— Ничего. Подрастешь — поймешь. Только запомни навсегда: у человека должно быть продолжение. Это высшее счастье.

— Как у березы? — спросил я.— Или у ели. Пихты. Кедрача. Семечки разносит ветер, и из земли всходят новые березы. А потом опять, опять.

— Нет! — сказал дед.— Нет, нет и нет! У людей должно быть по-другому. У людей— новые люди должны быть лучше и лучше. Не такими же, нет. Только лучше! Всегда лучше! Запомни это.

Я отвел глаза в сторону.

— Прости,— сказал я негромко.

— Я тебе верю,— сказал дед,— помни это.

В комнате стало тихо. Только где-то тикали часы.

— Скоро каникулы,— сказал дедушка негромко,— давай проведем их вместе. Иннокентий Евлампиевич выходит из больницы.

— Давай! — воскликнул я, и мне представилась тайга, и мы идем с дедом на лыжах, а за спиной у нас ружья, или едем на автобусе в большой город, или сидим в кино, тесно прижавшись друг к другу.

А вышло по-другому. Вышло еще замечательней...

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

РАССКАЗЫВАЕТ СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР МУРа С. М. КАМЕНЕВ

В прошлом году мы печатали рассказы Сергея Михайловича Каменева. В редакцию пришло много откликов на них. Почти во всех письмах: «Пусть инспектор Каменев продолжит свои рассказы». Выполняем просьбу читателей.

ДВА КЛАДА

Настоящее имя этого человека я назвать не могу. Пусть его фамилия будет Трешкин.

Это был человек лет сорока — сорока пяти. Жил в своем собственном доме под Москвой.

Как-то в апреле копал Трешкин свой огород. Вдруг лопата стукнулась обо что-то. Нагнулся Трешкин, разворошил землю — камень лежит, да такой здоровый!.. Решил его рачительный хозяин со своего огорода убрать. Копнул еще раз — открылся небольшой железный бочонок... Весь проржавел... Схватился за него Трешкин — тяжелый! Оглянулся кругом — никого, стукнул по бочонку лопатой — гнилое старое железо не выдержало, и хлынули из него желтые кружочки — монеты, золотые!..

Не буду говорить о том, какие чувства испытывал в эти минуты Трешкин. Думаю, что обуревали его не самые чистые человеческие побуждения. Так или иначе он быстро сообразил, что золотишко надо припрятать, потому что не ровен час... Монеты были пересыпаны в мешок, мешок Трешкин отнес в чулан и завалил старым тряпьем.

Но что делать дальше? Мысль о кладе не давала Трешкину жить! Дня два он продержался кое-как, на третий отправился к своему приятелю, прихватив с собой три монеты.

Приятеля этого Трешкин вроде бы знал хорошо. Все-таки два года знакомы — это срок! Не знал он, однако, что были у Приятеля и другие «сроки» — тюремного заключения. Уж после он уверял нас, что Приятель всегда подозрительным казался, «и дел я с ним общих не имел»... Наверное, и в самом деле не имел. Но, видно, такой уж человек был этот Трешкин, что не хотелось ему о спрятанном золоте советоваться с честными людьми, а понадобился вот такой Приятель...

Трешкин заметно нервничал... Приятель осмотрел монеты, попробовал на зуб. Спросил небрежно: «Много у тебя таких?» Трешкин неопределенно развел руками: «Есть кое-что».

— Брось темнить,— усмехнулся Приятель.— Я же помочь хочу. Покупатель у меня первый сорт!

— Весь бочонок купить могут?! — воскликнул Трешкин.

Через день Приятель сам вдруг пожаловал к Трешкину.

— Ну, с тебя причитается. Договорился! Клиентура широкая... Где золотишко-то?

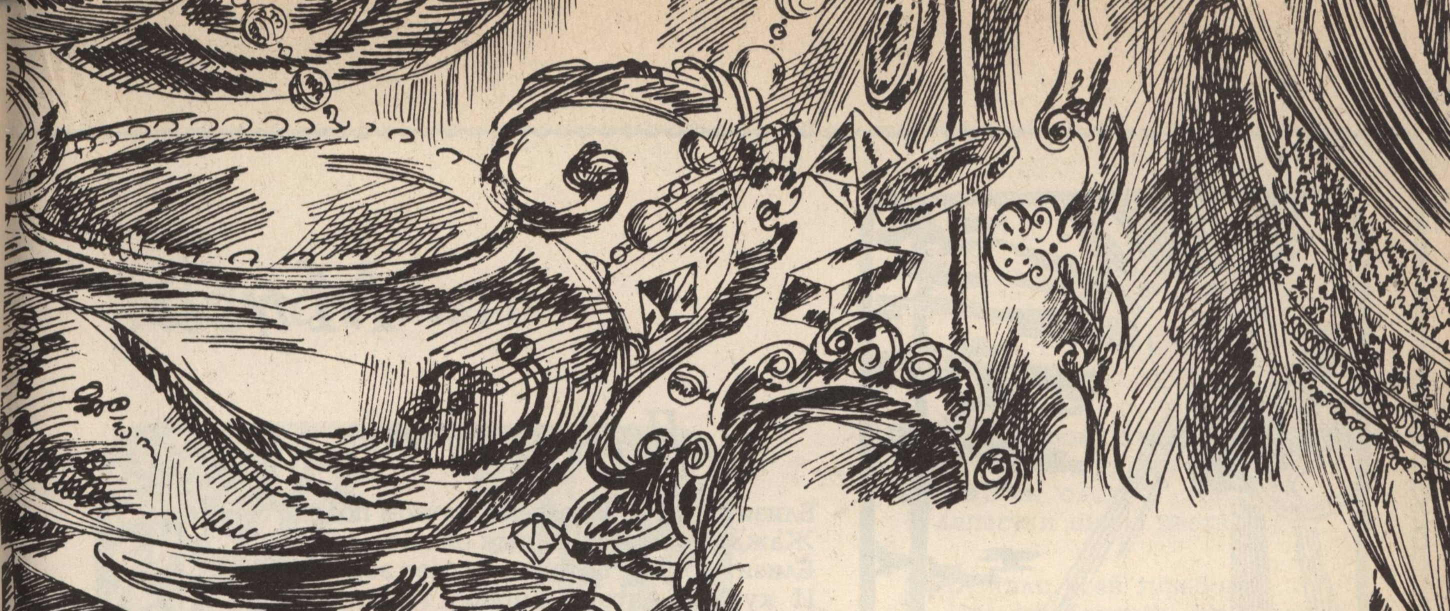
— Что ты,— пролепетал Трешкин,— я его дома не держу...

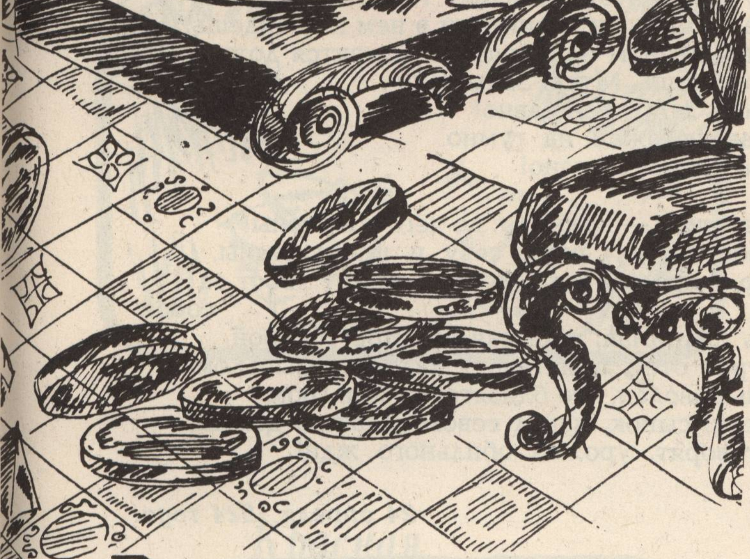
— Кончай трепаться!

Трешкин почувствовал недоброе, попятился, хотел крикнуть...

Только на другой день кто-то зашел к Трешкину и увидел его с разбитой головой.

Трешкина доставили в больницу. Постепенно он пошел на поправку. Однако объяснить, что с ним произошло, пострадавший не хотел. Мы сами обнаружили в кармане его залитого кровью пиджака три золотые монеты... Те самые, что он показывал Приятелю... И стал раскручиваться клубок... Приятель был отправлен туда, где ему и следует быть. Трешкин к судебной ответственности не привлекался. За жадность свою он и так поплатился. Думал стать богатеем, а стал инвалидом...

Вспоминается мне еще одна история, тоже связанная с кладами. Ломали старый дом, и даже не один.

Всякому известно: на стройку посторонним вход воспрещен. Но мальчишки нигде себя посторонними не считают!.. Уже вечерело, когда Славка заметил бутылку. Необычное горлышко ее, длинное и витое, остановило Славкин взгляд. Он вырыл бутылку из земли и сразу почувствовал, что она тяжела, словно гантель.

— Ого-го, бутылочка! — удивился Алешка.— А внутри чего?

— Закупорено! Давай кокнем о камень — и готово!

— А если там зажигательная смесь? — сказал рассудительный Алешка.

— Ты что! Бутылка-то старинная, видал. Тогда и танков-то не было, при царе. Какая ж тебе зажигательная смесь!

Что есть силы он треснул бутылкой о камень. Но бутылка осталась целехонька! Стукнул снова — кирпич треснул.

— Ну и бутылочка!

— Дай-ка сюда! — Алешка схватил удивительную бутылку и с размаху, словно гранату, метнул ее под гусеницу стоящего невдалеке бульдозера. Бутылка жалобно звякнула...

— Ой, чегой-то такое, смотри!

На земле засверкали камни — голубые, прозрачно-чистые!

— А чего это? — шепотом сказал Славка.

— Драгоценные, наверно, вот чего!.. Надо в музей нести! — решительно сказал Алешка.

— А зачем в музей-то? — прошептал Славка.— Давай лучше продадим. Купим клюшки хоккейные, шлемы, щитки... Всю зиму играть будем!

Но Алешка настоял на своем.

Прибежали... Однако сонная сторожиха сказала им, что музей закрыт. Сказала и опять ушла... Ребята остались стоять у запертой двери. Было уже совсем темно.

— Мне домой надо, не то влетит...— сказал Славка.— И зачем мы только нашли эту драгоценность! Лежала бы себе и лежала...

— Не болтай ерунду,— сердито сказал Алешка.— Придумать надо, куда ее деть. Как бы не стащили ее у нас...

Они опасливо замолчали, ожидая, пока свернет за угол одинокий прохожий...

— Я домой, а ты как хочешь,— тихо сказал Славка.

— Ладно, пошли,— насупленно сказал Алешка.— В детскую комнату милиции...

...Конец у этой истории счастливый. Ребята благополучно сдали свою находку работникам милиции. А через некоторое время их родители получили вознаграждение — более десяти тысяч рублей.

Вы, наверное, удивитесь: почему же так много! Дело в том, что клады — это прежде всего ценность историческая. Поэтому очень важно, чтобы они попадали в руки ученых, государства.

И еще мне в этой истории очень нравится поведение Алешки. Дважды его приводили в милицию (и за не очень хорошие дела). Теперь Алешка пришел сам, потому что понял: здесь его друзья!

Муса

Первый дождь

Близится туча. Изрезаны плугом поля.
Жаждой томится, дождя ожидая, земля.
Близится туча. Готово для сева зерно,
И кузовок, что в амбаре томится давно,
Тоже готов — ни сориночки в нем не найдешь,
Чистым зерном наполняется. Близится дождь.
— Слышишь, Муса! Запрягай!
— Конь запряжен давно!
— Так поезжай на гумно.
— На гумно? Решено!

А за гумном — всё поля: до чего же черны!
В небо глядят, рады севу и шуму весны.
Ветер — предвестник грозы — тащит хвост за собой
Пыль поднимая, скрывая простор голубой.
Смотрит отец, приставляя ладонь козырьком,
Очень доволен, что близятся туча и гром:
— Если, сынок, перед севом резвятся дожди,
То, говорят, урожая обильного жди!

24 апреля 1924 года.

Весна наступила

Смотри, на дворе наступила весна.
Смотри, пробудился и лес ото сна.
На плечи лопаты,
И в поле, ребята!
Работе мы рады
И солнышку рады!

Земля так тепла — чуть дымится она!
И пашня готова взрастить семена.
Мы грядки копаем,
Мы сеем, сажаем
И знаем, что наша
Работа нужна.

До сумерек в поле мы день провели —
Нельзя оторваться от теплой земли.
Работой и песней
Мы встретили вместе
Весну на приволье,
Где небо да поле!

Апрель 1924 года.

Джалиль

Красная ромашка

Лишь лучи лугов коснулись —
Все ромашки встрепенулись,
На подруг глядят с любовью:
«С добрым утром!
Как здоровье?»

Тихо гладит на рассвете
Лепестки ромашек ветер,
И заря росою чистой
Осыпает луг душистый.

Что за счастье — так качаться,
Невзначай подруг касаться!
Только вдруг случилось что-то,
На цветы легла забота:

Это девочка-ромашка
Загрустила — вот бедняжка!
Не белы ее обновы,
Лепестки ее багровы.

Как одна, ромашки луга
Все похожи друг на друга.
Отчего ж оделась эта
В лепестки иного цвета?

Окружили всей гурьбою:
— Что же, девочка, с тобою?
Мы белы, а ты багряна,
Это странно, очень странно...

И ромашка им сказала:
— В страхе я всю ночь дрожала.
Здесь лежал отважный воин,
И в бою он был спокоен.

На рассвете вражьи пули
По плечу его хлестнули,
Но не чувствовал он боли —
Все враги остались в поле!

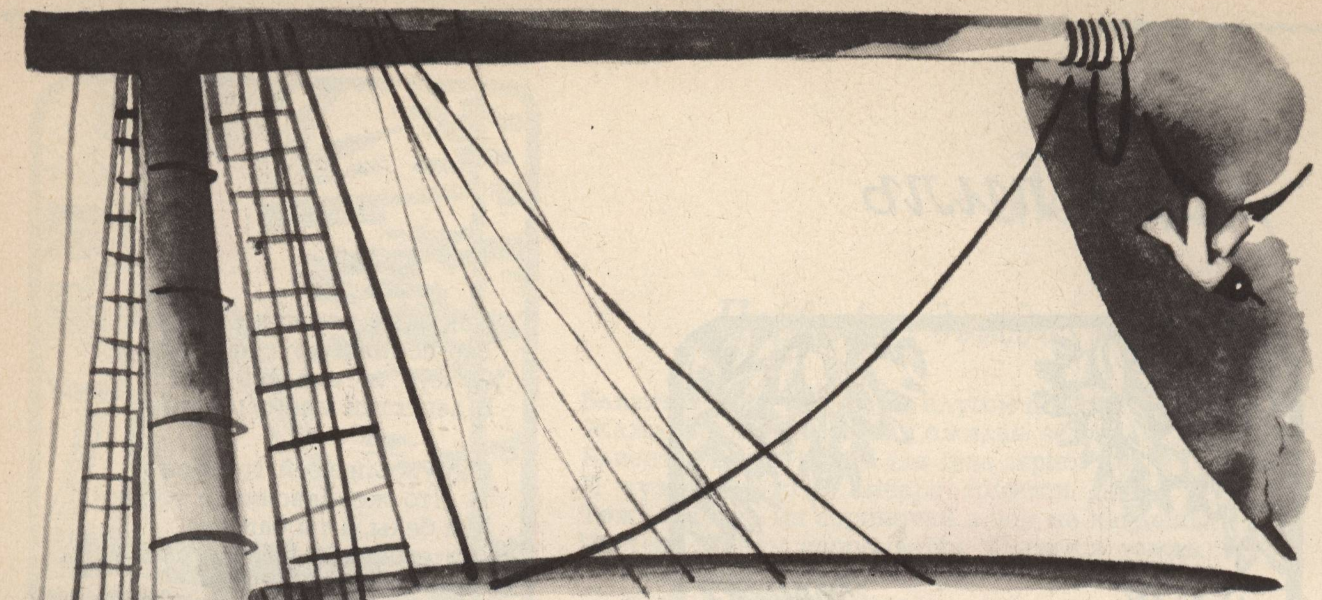
Лепестки мои багряны —
Это кровь его из раны,
Я в кумач теперь одета,
Как Чулпан — звезда рассвета.

И пошел он снова биться.
Кровь его во мне струится,
Алой звездочкой горю я
На заре, о нем тоскуя.

Июль 1942 года

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

«Бригантина уплывает в синеву»

К. КОНСТАНТИНОВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

...Он стоял на борту своей бригантины, широко расставив ноги в огромных бахилах. Как и полагается капитану, держал в зубах старую, прокуренную трубку и, не разжимая зубов, отдавал приказания. Едва заметная улыбка бродила по заросшему жесткой щетиной лицу. Доверчивая голубизна глаз выдавала старого морского волка.

В весенний, непривычно теплый день ему удивительно все удавалось: приказания звучали быстро и четко, бригантина шла точно по курсу, и редкие встречные льдины ласково терлись о ее борта.

А вокруг было солнце и море! Повсюду. Можно было завернуться в море и потрогать рукой солнце.

Эта чертова каша из осколков солнца и моря манила, влекла с неодолимой силой, кружила голову, опьяняла... Все на свете перепуталось: пенистые облака цеплялись за верхушки айсбергов, на мгновение останавливались, таинственно кружась вокруг них, и плыли дальше, навстречу загадочной белизне другой вершины. Море голубело где-то над головой, пронизывало насквозь всю вышину, и, казалось, не существовало силы, которая могла бы ограничить эту бесконечную синь.

...Колька едва успел отскочить, когда огромный МАЗ, груженный углем, тяжело проехал по луже, подминая под себя беспомощные палочки мачт и разбрызгивая грязь, воду, ледышки. В ушах стоял треск ломаемых мачт. Вода мутными ручьями сбегала в лужу, словно ничего не произошло. Весеннее солнце по-прежнему ярко светило, и небо было по-прежне-

му нестерпимо синим. Только Колькины руки были растерянно опущены да незаметно дрожали кончики пальцев, отчаянно сжимавшие изуродованную бригантину. Не было больше ни бригантины, ни теплой страны, в которую он рвался всей душой. Колька еще долго стоял, глотая слезы. Потом присел на краешек тротуара, уткнув в колени лицо.

Сильно припекало солнце. Над асфальтом поднимался голубоватый пар, светлые просыхающие пятна на нем уже вплотную обступили лужу. И Колька глубоко и шумно вздохнул, как вздыхает человек, прежде чем снова приняться за неудавшееся дело. Сильным движением он выкрутил мокрый парус — вода закапала на асфальт с когда-то белой маминой салфетки. Потом аккуратно сложил парус и зашагал домой.

Парус надо высушить на весеннем ветру и чуть срезать здесь, слева. Пожалуй, совсем немного придется срезать...

Лада **ОДИНЦОВА**

Оруженосец времени

Какое славное занятье
Наедине с самой собой
Мечтать о рыцарском
о платье
И представлять себя такой:

Вот мальчик я
средневековый,
И шпага на боку блестит.
Хотя в доспехи
конь закован —
Быстрее ласточки летит!

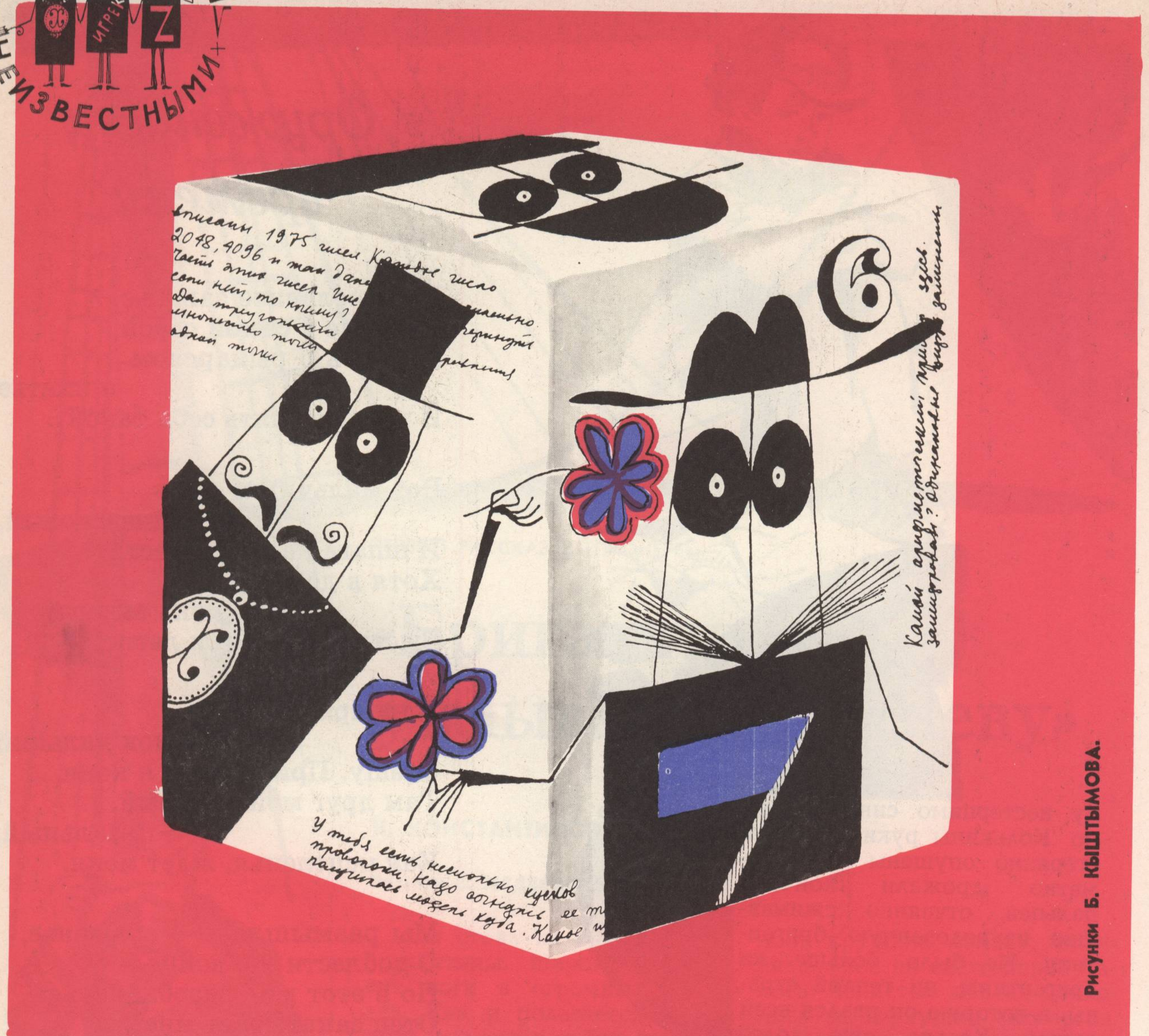
Я на край света
в замок дальний
Спешу. Пришпорил я коня.
Там друг мой раненый,
печальный,
Как исцеленья, ждет меня.

Мы размышляем о сраженье,
О доблести и о войне,
Но в этот миг разоблаченье
Отец закатывает мне:

— Оруженосец! Ты одета?
Садись, поехали, нас ждут.
И не грусти:
велосипеды
Не хуже лошадей бегут.

И надо ж! Тоже мне
сравнил он!
Да с потрохами пусть сожрут
Меня все крокодилы Нила,
Когда так лошади бегут!

И ясный день
весну проносит
В упругом воздухе литом.
Я —
времени оруженосец!
Никто не ведает о том.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

ШЕСТАЯ ОЛИМПИАДА 3-х НЕИЗВЕСТНЫХ

А. ОРЛОВ, А. РОЗЕНТАЛЬ

У нас — новая Олимпиада! Даже две: Олимпиада лягушат (для учеников 3-х — 4-х классов) и Олимпиада Трех Неизвестных — для более старших ребят.

Победителей (независимо от возраста) ждут призы:

за решение наибольшего числа задач;

за «укрощение» самых трудных задач;

за самые изящные решения

и просто за то, что задачи (пусть даже не все) решены без единой ошибки.

Мы очень любим (и учитываем) **подробные решения задач,** голые ответы нас не устраивают!

Не забудьте отправить письмо до **1 апреля 1975 года.** Все решения посылайте в одном конверте (обязательно!). Фамилию, имя, класс, школу и свой адрес напишите печатными буквами.

Поздравляем с началом VI Олимпиады!

ЖЮРИ.

Олимпиада лягушат

СОБАКИ, ПРИСЛАННЫЕ ИЗ НОВОСИБИРСКА

Вот какую задачу прислал нам учитель математики Николай Константинович Антóнович из Новосибирска:

БАРБОС
+ БОБИК
СОБАКИ

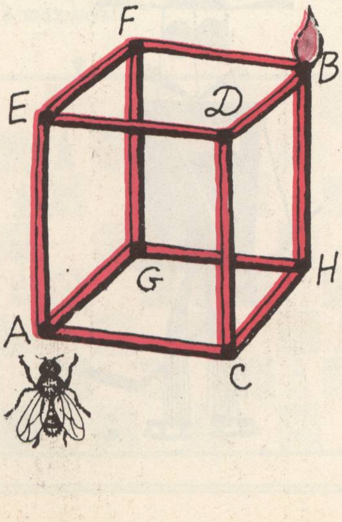
Какой арифметический пример здесь зашифрован? Одинаковые цифры заменены одинаковыми буквами, разные цифры — разными буквами.

СДЕЛАЙ САМ!

У тебя есть несколько кусков проволоки. Согни ее так, чтобы получилась модель куба. Какое наименьшее число кусков проволоки понадобится, чтобы ни по одному ребру проволока не проходила дважды? На рисунке — куб из семи кусков, но можно обойтись и меньшим числом.

ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ К МЕДУ

Перед тобой куб, который ты смастерил из проволоки. Представь себе, что в вершине A сидит муха, а в вершине B — капля меда.

Сколькими способами муха может добраться до меда, не проходя дважды через одну и ту же точку? Примечание: кроме путей типа ACDB, возможны и такие: ACDEFGHB.

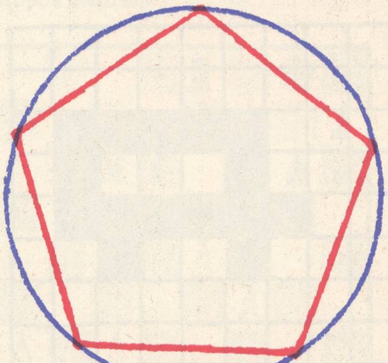
ВОСЕМЬ НЕВЕРНЫХ

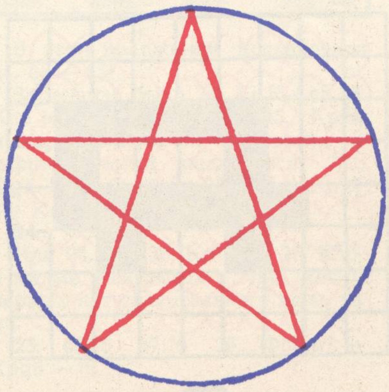
Найди все натуральные числа n, для которых справедливо неравенство: $486 < n \leq 501$ — и, кроме того, верно одно и только одно из следующих условий:
а) число n — четное;
б) n делится на 3;
в) n делится на 2 или на 3;
г) n не делится на 3, но делится на 4;
д) n не делится ни на 3, ни на 4;
е) n делится на 3, но не делится на 6;
ж) n делится на 8 или 9;
з) n делится и на 3 и на 4;
и) n делится на 11.

Иначе говоря, для каждого такого числа n должно быть верно только одно из этих девяти условий.

НА ЛЕДЯНОЙ АРЕНЕ

Сильный удар по шайбе — и она стремительно скользит по льду круглого

катка. Ударившись о борт в точке A, шайба «отразилась» (по закону «угол падения равен углу отражения») от борта, затем снова ударилась о борт, снова отскочила, и так до тех пор, пока не вернулась в точку A. Нарисуй, как двигалась шайба? Если она отскакивала от борта пять раз (шестой совпал с первым), возможны два пути: по сторонам правильного выпуклого пятиугольника или по сторонам пятиконечной звездочки.

Если шайба отразилась от борта не пять раз, а семь, возможны три пути — один выпуклый и два звездчатых. Нарисуйте их. А если отражений было девять? Одиннадцать? Тринадцать?

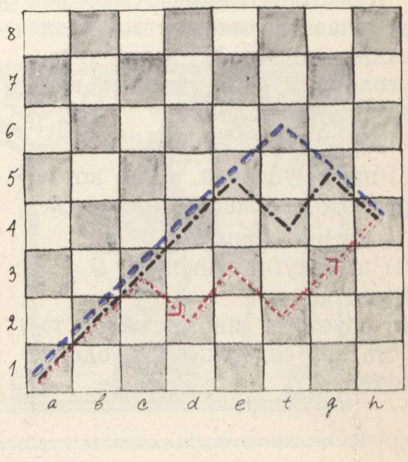
Олимпиада 3х неизвестных

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ...

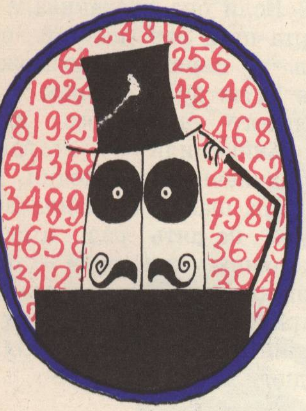
Передние покрышки автомобиля стираются через 25 тысяч километров пути, а задние — через 15 тысяч километров. Когда нужно поменять покрышки местами, чтобы автомобиль прошел возможно большее расстояние с одними и теми же покрышками?

ПРО ЧЕРНОГО СЛОНА

На поле a1 стоит слон. Он должен за несколько ходов достичь поля h4, каждым хо-

дом перемещаясь на одно поле вправо — вверх или вправо — вниз. Сколько существует различных путей у этого слона (три из них показаны на рисунке)? А сколько существует всего путей выхода на вертикаль $\mathfrak{h}$?

СЛИШКОМ МНОГО ДВОЕК

В ряд выписаны 1 975 чисел. Каждое число — какая-то степень двойки: 2, 4, 8, 16, 64, 128, 256, 512, 1 024, 2 048, 4 096 и так далее до числа 2^{1975} включительно (в десятичной записи этого числа более пятисот цифр!). Икс намерен сделать следующее: часть этих чисел зачеркнуть, а некоторые из оставшихся подчеркнуть так, чтобы сумма всех зачеркнутых чисел была равна сумме подчеркнутых. Удастся ли ему это? Если удастся, то каким образом? Если нет, то почему?

А ДО ВЕРШИНЫ ДАЛЕКО...

Дан треугольник ABC.

а) указать множество всех таких точек M этого треугольника, для которых выполняется условие:

$/AM/ \geq /BM/ \geq /CM/$;

б) найти условие, при котором это множество является:

1) пятиугольником;

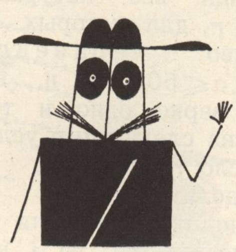
2) шестиугольником;

3) точкой;

4) пустым множеством, то есть не содержит ни одной точки.

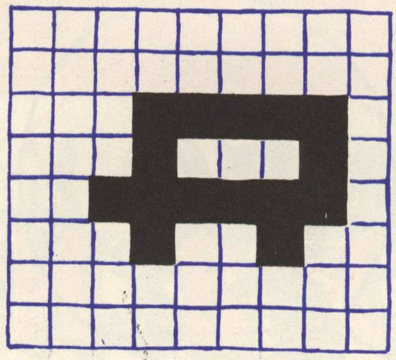
СУММА ЦИФР СУММЫ ЦИФР

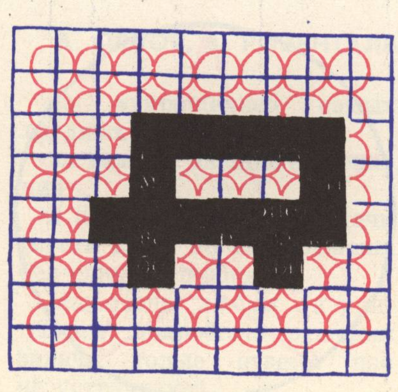
Пусть A — произвольное 1975-значное число, делящееся на 9. Сумму цифр этого числа обозначим буквой a. Сумму цифр числа a — буквой в, сумму цифр числа в — буквой с. Найти с.

СНИМАЕТСЯ КИНО

Художник - мультипликатор взял два листа клетчатой бумаги. Из одного вырезал автобус — ровно по клеточкам, как на рисунке. А на другом листе нарисовал вот такой узор: посадил одинаковые кружки на каждый узел сетки. Потом наложил «автобус» на лист с узором и стал двигать его горизонтально. Докажите, что при таком движении «автобуса» суммарная площадь частей кругов, закрытая им, не будет меняться.

О ДРОБЯХ

Будем подставлять в формулу $\dfrac{2n^2-1}{2n+1}$ вместо n различные натуральные числа: 1, 2, 3, 4, 5. Получим дроби:

$$\frac{1}{3},\ \frac{7}{5},\ \frac{17}{7},\ \frac{31}{9},\ \frac{49}{11}.$$

Все эти дроби несократимы. А существует ли такое натуральное число n, при котором дробь будет сократимой?

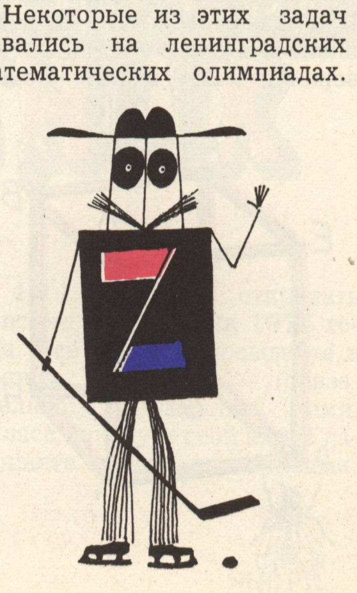
ДОКАЖИ, ЧТО ЛУЧШЕ НЕЛЬЗЯ

А теперь мы предлагаем тебе решить две задачи из Олимпиады для лягушат, но не просто решить, а доказать, что твое решение единственно верное.

Задача «Сделай сам». Докажи, что меньшим, чем у тебя, числом кусков не обойтись.

Задача «На ледяной арене». Докажи, что ты нашел все различные пути, других нет. Сколько возможно различных путей, когда число отражений P — произвольное простое число?

Некоторые из этих задач давались на ленинградских математических олимпиадах.

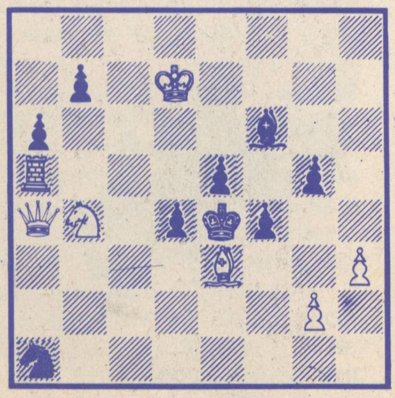

Во время матча Карпов — Корчной Пешкин не пропустил ни одной игры. Здесь он повстречался с президентом Международной шахматной федерации бывшим чемпионом мира М. Эйве. Конечно же, Пешкину захотелось поговорить с голландским гроссмейстером о своих юных друзьях. Он спросил:

— Как вы думаете, когда ребятам лучше всего начинать играть в шахматы?

— Я научился играть в пять лет,—сказал М. Эйве.—Очень легко усвоил правила шахматной игры. Мне кажется, что с семи-восьми лет уже можно играть в турнирах. В детстве я любил составлять и решать шахматные задачи. Вот предложите своим друзьям, читателям журнала «Пионер», задачу, которую я составил, когда мне было одиннадцать лет.

Пешкину понравилась задача, и он включил ее в свой конкурс.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

— Что вы, гроссмейстер, можете сказать об игре Анатолия Карпова? — спросил Пешкин.

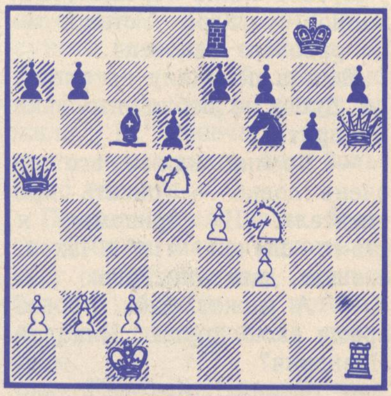
— Игра Карпова мне напоминает игру гениального кубинца Капабланки, она поражает логичностью стратегии.

Пешкин рассказал президенту Международной федерации о турнирах клуба «Белая ладья».

— В этих соревнованиях,— сказал М. Эйве,— **будущее советских шахмат. Они выявят множество будущих гроссмейстеров и чемпионов.**

АТАКА АНАТОЛИЯ КАРПОВА

В матче Карпов — Корчной было сыграно много интересных и поучительных партий. Посмотрите, как блестяще провел Карпов наступление на черного короля во второй партии.

В этом положении последовало 24. e4 — e5!

Заманчиво было 24. К: f6+ef 25. Kh5 (если 25. Ф:h7+, то 25... Kpf8, и король спасался бегством), но черные могли защититься: 25... Фg5 + 26. Ф:g5 fg 27. Kf6 + Kpg7 28. К:e8 + С:e8.

24... Сc6:d5.

Или 24... de 25. К:f6+ef 26. Kh5, и белые выигрывают, так как у черных нет спасительного шаха на g5.

25. e5:f6 e7:f6 26. Фh6:h7 + Kpg8 — f8.

Теперь, когда линия «е» вскрыта, черному королю укрыться негде.

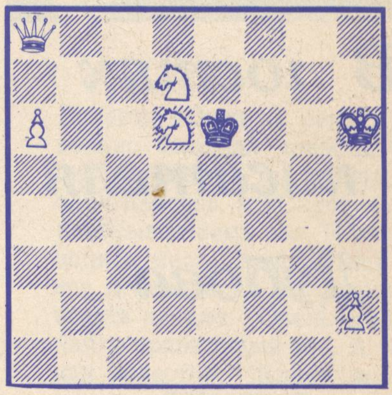
27. Фh7 — h8+

Черные сдались. Если 27... Крe7, то 28. К:d5 + Ф:d5 29. Лe1 + и т. д.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Найдите, как в этом положении белые дают мат в три хода.

Решения присылайте не позднее чем через месяц после получения журнала.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕШКИНА

В Орджоникидзе во Дворце пионеров есть шахматная секция. Более трехсот ребят ходят на занятия по теории, участвуют в соревнованиях.

Особенно понравилось Пешкину то, что участники этой секции не только учатся сами, но и учат других.

Интересные шахматные турниры провели в школах, где они учатся, **Таймураз Бугулов, Петя Жуковский, Игорь Ваниев. Владик Едзиев и Алеша Ботоврин** в своих школах помогают новичкам овладеть секретами игры в шахматы.

В гостях у писателя Дубова

С. ИВАНОВ

Есть книги, читать которые легко и просто,— как телевизор смотреть. Почитал ее малость, потом бросил меж страниц закладку и пошел в футбол играть.

Есть книги трудные, их так просто не забудешь. Правда, и читать их трудно. Так же трудно, как иной раз трудно бывает жить. Зато они делают человека взрослее.

И еще есть одна особенность у настоящих книг. На первый взгляд они будто ничему тебя не учат. Просто знакомишься с героями, узнаешь, «как было дело» и «чем все это кончилось»... А вдруг, глядишь, научили! Вчера, может быть, сделал бы что-то не очень красивое, разрешил бы себе немного струсить. А сегодня уже нет — стыдно. Перед книгой и перед теми людьми, которые в ней живут. Вот и выходит, что настоящие книги учат добру, честности. Иными словами, учат жить. Потому что жить человеку надо честно и достойно.

Лауреат Государственной премии Николай Иванович Дубов — один из тех, кто пишет настоящие книги. Вы, конечно, знаете их: «Беглец», «Мальчик у моря», «Сирота» и другие. Пишете к нам в журнал письма, в письмах вопросы. Что правда в тех книгах, что выдумка? Как вообще появляются на свет такие книги? На наш взгляд, вопросы эти интересные и важные. В самом деле, как это получается: лежит на столе у писателя стопка белой бумаги, прошло полгода — повесть! Как это так?!

И вот сидим в спокойной комнате за столом с неяркой скатертью. На столе лекарства — Николай Иванович не очень здоров. На столе «Беломор» — писатель, к сожалению, много курит. Замечая мой взгляд, он разводит руками:

— Здесь я плохой пример для ребят.

Нас четверо за столом: Николай Иванович, его жена Вера Мироновна, фотокор «Пионера» Виктор Арсирий и я, которому приходится не только внимательно слушать своего собеседника, но и очень быстро писать, потому что почаще хочется взглядывать на его лицо. А лицо у Дубова очень хорошее, спокойное, усталое. Усталое лицо рабочего человека.

Беседа поначалу не клеится. Дубов не любит интервью. Говорит:

— По мне как-то это не очень ловко — писать про писателя. Не припомню я что-то случая, чтоб Чехов, скажем, давал интервью.

— А может быть, просто время было другое, Николай Иванович?

— Думаю, дело не только в этом... Самое главное и самое интересное в писателе — это то, что он сделал: его книги.

— Но ведь очень же интересно знать и как они получаются. Вот, скажем, как возникает замысел? Что вы берете из жизни, что «из головы»?

— Ответ здесь можно дать только такой: все из жизни, и одновременно все «из головы»... Мне приходит довольно много писем с просьбой: дайте, пожалуйста, адрес... и называют имя какого-нибудь моего героя. Что ответить? Написать: адреса нет? Решат, что такого человека не существует. Но ведь он существует! В моей памяти, в моей душе. И, надеюсь, в памяти и душе тех ребят — раз они спрашивают о нем, беспокоятся о нем.

А в самом деле, как же быть? Как сказать о Лешке Горбачеве, что он не существует?! Да нет! Конечно, он есть. Живет в десятках ребят, похожих на него. В сотнях ребят, которые хотели бы стать на него похожими...

Итак, для писателя его герои — живые (даже, наверное, реально существующие) люди. И, помня это, я задаю Дубову, как говорят в школе, «вопрос на засыпку»:

— Николай Иванович, в работе над книгой кто кому «подчиняется» — вы своим героям или они вам?

Наверное, Дубов понял мою уловку. Улыбается:

— Пока мне весь замысел до конца не ясен, за работу не сажусь. И вроде бы, можно сказать, что я диктую героям «свои условия», заставляю поступать так, как я задумал. Но вот сел, начал писать... И вдруг все пошло в другую сторону. Скажем, в какой-то сцене появляется но-

вый герой. Как будто второстепенный. В замысле его даже не было. Но он оказывается очень важным человеком. И действие невольно сворачивает, вырастают новые эпизоды. План летит кувырком!.. Например, «Мальчика у моря» и «Беглеца» я задумывал короткими рассказами. А получилось две повести.

— Ваши книги — это всегда трудные судьбы, трудные проблемы. Почему вы так последовательно, даже можно сказать, так упорно беретесь за такой вот нелегкий материал?

— Писать, я думаю,— медленно отвечает Дубов,— следует только в тех случаях, когда надо сказать что-то серьезное. Я не люблю легкую литературу. Надо и себя уважать и читателя.— Тут он умолкает на минуту и потом с ударением повторяет: — Читателя, даже если он маленького роста, надо уважать. Говорить с ним о серьезном и серьезно. А у нас, взрослых, почему-то не очень «принято» так говорить с ребятами.

Детям предстоит вскоре войти в жизнь, их нужно к этому готовить, говорить о ней правду, даже если она горька, надо подготовить их к тому, чтобы они могли противостоять скверне жизни, если с нею столкнутся.

Я слушаю этот ответ писателя Дубова и думаю о тебе, о том, кто читает сейчас эти строчки. Спроси себя честно: а я-то лично хочу серьезного разговора, готов к нему, достоин его?.. Не слишком ли часто в душе твоей живет этакая добренькая бабушка, которая ласково гладит тебя по головке да приговаривает: «Ты еще ребенок. Что с ребенка возьмешь!.. Вот ужо повзрослеешь когда-нибудь, вот тогда и...» Не слишком ли мы добры сами к себе?..

В огромной стране, которую зовут литература, есть — тут уж никуда не деться — книжки-пустышки. Вспыхнула на один год и пропала, как не было. А есть книги, которые, словно звезды, живут целые столетия и еще будут жить. И, может быть, не умрут никогда. В чем же секрет таких книг?.. Их, к слову, не так уж много в мировой литературе... Хочу узнать об этом мнение Дубова.

— Книга - долгожительница,— говорит Николай Иванович,— это прежде всего серьезная книга. Она о главном, о том, что всегда волновало и будет волновать людей: жизнь, борьба, любовь, смерть, правда, долг, мужество. При этом писатель непременно должен быть гражданином своего времени, своей страны. Значит, ему надо суметь показать и новые характеры — людей, которые ни в какую иную эпоху не жили. И, конечно, вечная книга невозможна без большого таланта...

Продолжается наша беседа. И опять меня гипнотизирует воображаемая стопка белой бумаги, которая «вдруг» становится повестью.

— Николай Иванович, как вы работаете: быстро, медленно, трудно, легко? Правите много или мало?

— В вашем вопросе есть и ответ,— говорит Дубов,— пишу и быстро, и медленно, и легко, и трудно. У меня всегда очень длителен подготовительный период — обдумывание, проверка своего замысла со всех точек зрения. А дальше — как получится.

Повесть «Огни на реке», довольно большая повесть, написана быстро, так сказать, в один присест, а «Сироту» переписывал семь раз. И на рукописи места живого нет — все исчеркано... Мучительно всегда начало. Очень трудно найти правильный тон. А тон, как известно, делает музыку...

— Вы много работаете?

— Сажусь с утра. И потом сколько хватит сил.— Дымящейся папиросой Дубов указывает на таблетки и пузырьки.

Тут я наконец понимаю, что нам давно уже пора уходить. Никак не возможно более отрывать человека от дела. И надо дать ему отдых. Беседа наша продолжается уже почти три часа.

— Большое спасибо, Николай Иванович! До свидания.

— Передайте привет читателям «Пионера».

— Непременно. Тем более что читатели «Пионера» — это и ваши читатели.

— Спасибо на добром слове.

Николай Иванович Дубов. Он стал профессиональным писателем довольно поздно. Почти в сорок лет. До этого работал журналистом в районных газетах, потом в республиканской, на Украине. А еще раньше был рабочим на паровозоремонтном заводе.

Сейчас Николаю Ивановичу шестьдесят четыре года...

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Кто послал марки Морису?

Пять филателистов — москвич **Павел, Иржи** из Праги, **Адам** из Варшавы, парижанин **Морис** и **Джина** из Рима обменялись недавно редкими марками. Каждый из них получил четыре марки и сам послал четыре марки. Один из филателистов послал две марки одному другу и две — другому. Павел отправил все свои четыре марки Джине. Иржи послал три марки Адаму.

Кто послал марки Морису?

Совет капитана Перо: прежде всего я определил, как можно распределить посылаемые марки по условию игры:
а) 4—0—0—0; б) 3—1—0—0; в) 2—2—0—0; г) 2—1—1—0; д) 1—1—1—1.

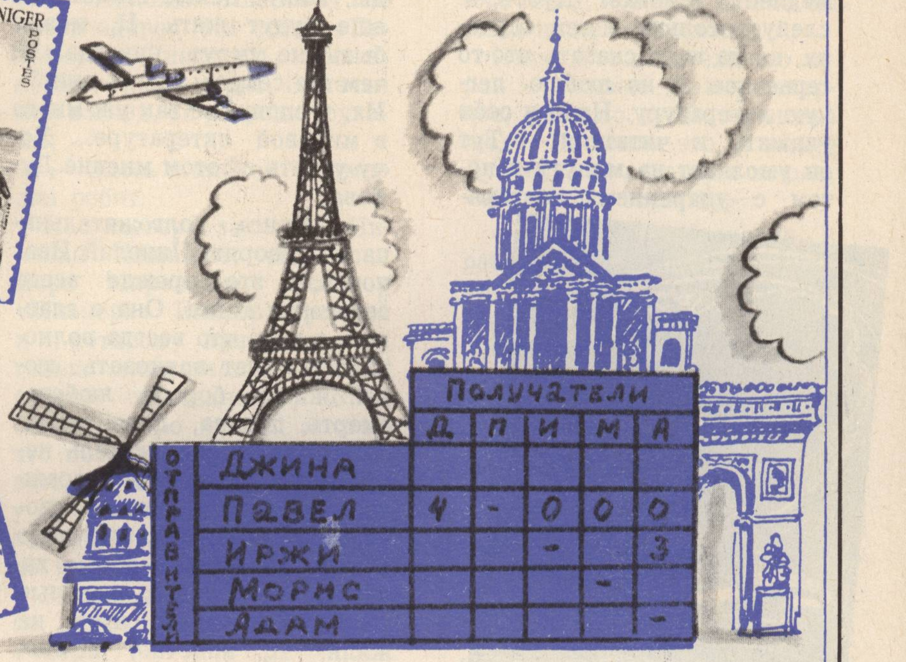
Затем составил вот такую таблицу.

Я понял, что распределение «д» не может быть ни у Мориса, ни у Иржи, ни у Адама, так как тогда Джина получает пять марок.

Следовательно... Надеюсь, что дальше вы разберетесь сами.

Желаю успеха!

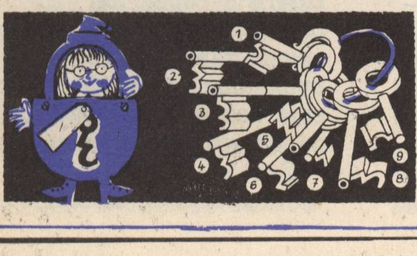

Отправители	Получатели: Д	П	И	М	А
Джина					
Павел	4	-	0	0	0
Иржи			-		3
Морис				-	
Адам					-

Теремок

Стоит в поле теремок,
На дверях висит замок.
Это присказка, а сказка
Тоже будет коротка,
Вот ключей большая связка,
Ключ найдите от замка.

Живживка

Акробаты и квадраты

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ

Пригласили акробатов
В цирк из спичечных квадратов,
Но внезапно свет погас,
И директор просит вас:
— Акробатам помогите,
Спички так переложите,
Чтобы каждый акробат
Мог покинуть свой квадрат.
Пустяки! Не сложно вовсе!
Но советую учесть,
Что сейчас квадратов восемь,
А должны вы сделать шесть!

Живживка

Игры Деда Буквоеда

— Боюсь попасть я в клюв синицы.
— А я — из ржи или пшеницы.
— На мне чернильное пятно.
— А мне вьюны щекочут дно.
— И чист и звонок голос мой.
— Я туч касаюсь головой.
— По мне усатый жук ползет.
— А я залезла в огород.
— Я самый лучший ткач на свете.
— Во мне, смеясь, играют дети.

— Я — два ботинка, две перчатки.
— Из-за меня рассохлись кадки.
— Я толстоногий и большой.
— Я там, где боль. Я — ах! Я — ой!
— На мне кузнечики звенят.
— А я конечный результат.
— Я долговяз и белокрыл.
— Я желтый, но зеленым был!
— Мне ежик лапу уколол!
— А я люблю гуденье пчел.

ПРИМЕЧАНИЕ. Как играть в «слова-невидимки», я объяснял вам в первом номере.

Д. Б.

Чинчук

— Я проучу его сейчас!
Мы видим, ты догнал его!
— Чинчук хотел обидеть нас!
— Чинчук удрал. Но ничего!

* * *

Задачка эта не проста,
Ее решая, не спеши:
Рисунки правильно расставь,
Стихи, как надо, напиши.

Живживка

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 1.

Маршрут льва

Лев вышел из Танзании.

Капитан Перо ищет помощника

Живживка должен был спросить: «Скажи, пожалуйста, ты здешний?» В случае ответа «да» нетрудно прийти к выводу, что это территория племени Пра («да» ответят на ней и Пра и обманщик — Лгу); в случае ответа «нет» — территория Лгу.

Страпифица

Живживка целыми днями рассматривает Чипожура, которого ему прислали ребята. Он очень доволен.

Слова-невидимки

Лиса, липа, лупа, луна; день, пень, пена, Лена; борт, порт, пост, мост; Вика, пика, пила, пица.

Дворец пионерской мечты

Слова К. ИБРЯЕВА.
Музыка Ю. ЧИЧКОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25/XI 1974 г. А 00904. Подписано к печати 30/XII 1974 г. Формат 84×60⅛. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 237. Заказ № 3056.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Зимние игры

Игры, о которых мы рассказываем, помогут вам подготовиться к военно-спортивной игре «Зарница».

Следы на лыжне

Играют два отряда лыжников, в каждом 10—15 человек. Первый отряд отправляется в лес. Задача его — запутать свои следы.

Второй отряд — разведчики. Они выходят на час позже. Их задача — разобраться в следах и найти лыжников из первого отряда.

«Вражеские снайперы»

Посадите на деревья десять чучел из соломы, пронумеровав их, и замаскируйте как следует.

Две команды, в каждой по 10—12 человек, вручают друг другу схему своего участка, где спрятаны чучела — «вражеские снайперы».

Группы идут по лесу навстречу друг другу. На схеме разведчики отмечают, в каком месте они обнаружили «снайперов». За каждого найденного «снайпера» команда получает одно очко. За каждого пропущенного — теряет три очка.

«Невидимки»

В этой игре есть разведчики и «невидимки». «Невидимки» уходят заранее в лес, но не дальше чем за три километра. Разведчики разыскивают замаскировавшихся «невидимок».

Задача разведчиков—как можно быстрее добраться до финиша и по пути найти как можно больше «невидимок».

«Невидимки» внимательно следят за лыжниками, которые их разыскивают. Они записывают номера тех лыжников, которые прошли мимо.

Когда последний разведчик добрался до финиша, подается сигнал (ракета, свисток), все необнаруженные «невидимки» выходят на линию финиша, и подводится командный итог игры. За каждого найденного «невидимку» разведчики получают два очка. А «невидимка» за каждого разведчика, не обнаружившего его, получает три очка.

С. ГЛЯЗЕР, мастер спорта СССР.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Дворец пионерской мечты

Слова К. ИБРЯЕВА.
Музыка Ю. ЧИЧКОВА.

Вы спросите у солнца и ветра,
Где еще можно встретить страну,
Чтоб дарили друг другу
пионеры так щедро
И дворцы, и сады, и весну.

ПРИПЕВ:

Над тундрой и синим лиманом
Ты добрым стоишь великаном.
Нам дорог и близок ты —
Дворец пионерской мечты,
Дворец пионерской мечты!

Здесь рождается новое утро,
И, встречая всех раньше восход,
В ногу с солнцем шагает
по заветным
маршрутам
Пионерия снежных широт.

ПРИПЕВ.

Всем советским ребятам известен
Этот солнечный радостный дом.
Над Чукоткой, как чайки,
пусть летят
наши песни —
Мы о дружбе и счастье поем.

ПРИПЕВ.